E49/328

Е49
1328

А. В. ШЕСТАКОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА 1905 г.

229
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 3395 И.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

[9:323.2(47) „1905“:331.89]

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“,
Пушкинская ул., дом № 40,
в колич. 6.000 экземпл.
Укрглавлит № 16373.
Заказ № 1097.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

615204.

Всеобщая октябрьская стачка 1905 г. является важнейшим моментом в истории первой русской революции. В эти дни борьба пролетариата России поднималась до самых высоких пределов и показала всему миру огромную мощь российского пролетариата. Но вместе с этим в октябрьскую стачку совершенно определенно обнаружились и некоторые слабые стороны подготовленности рабочего класса России к революционной борьбе. Выявить эти моменты было одной из задач автора.

Далее, октябрьская стачка 1905 г. может служить ценнейшим источником для изучения ряда вопросов борьбы пролетариата не только в прошлом, но и для современности. Одним из них является вопрос о стачечной стратегии пролетариата. Автор имел эти требования к его работе в виду и старался дать возможно полнее тот материал, который помог бы читателю сделать те или иные выводы. Попутно автор ставил себе задачу проверить, насколько правильны были взгляды различных партийных группировок на всеобщие стачки и особенно на разногласия по этому вопросу между большевиками и меньшевиками.

Для характеристики классовых отношений в 1905 г., общей оценки революционных событий 1905 г. и непосредственно вытекающей из них октябрьской стачки необходимо было привлечь некоторый материал по „экономике и политике“ за этот период времени.

Эти материалы взяты лишь в качестве фона картины октябрьской стачки и ни на какую полноту не претендуют. Значительно большее место отведено самой стачке, при чем материал, который был в распоряжении автора, оказался не во всех своих частях достаточно полон. Из архивных материалов явилась возможность использовать, главным образом, лишь те, которые имелись в Москве и отчасти в Истпартовских изданиях (например, по г. Екатеринославу). Главными

не архивными источниками явились газеты — легальные и нелегальные, партийные прокламации (главным образом, Москва и Петербург) и журналы (особенно сводки событий в „Праве“ и в книжке Обнинского „Полгода русской революции“ и из литературных пособий, список которых помещен в конце книги.

Чтобы не загромождать текста фактическим материалом, часть его и особенно важнейшие требования стачечников и разного рода резолюции вынесены в приложения.

Для увязки стратегической проблемы о всеобщей стачке с октябрьскими событиями 1905 г. использована важнейшая литература Профинтерна.

В подборе материала и его организации большую услугу оказала студентка IV курса 2 МГУ П. К. Алифиренко, которой и выражаю глубокую благодарность [1]).

---

[1]) Некоторые главы этой работы печатаются в сборниках Истпарта ЦК РКП, посвященных 1905 г.

Глава I

Народное хозяйство и рабочий вопрос в России в 1905 г.

Всеобщая октябрьская стачка может быть понята лишь в связи с картиной народного хозяйства и положением рабочего класса в России в 1905 году.

К этому времени Россия представляла собой страну с быстро развивающейся промышленностью и интенсивно капитализирующимся сельским хозяйством. Промышленный капитализм России был одним из самых передовых в мире по темпу развития и по концентрации производства.

Финансовый капитал Запада и, главным образом, Франции использовал благоприятную „колониальную“ конъюнктуру в России и постепенно вступал в права хозяина в целом ряде отраслей промышленности. Капитал французских банков, увязанный в южной металлургии и искавший выхода из кризиса начала XX века, несомненно, был одной из пружин, которая толкала царское правительство на роковую для него войну с Японией.

Капитализация сельского хозяйства выражалась в увеличении применения наемного труда, с.-х. машин, введении технических культур, организации связанных с сельским хозяйством промышленных предприятий (сахарные и винокуренные заводы), усилении экспорта и т. д. Этим путем шло разрушение отработочной системы и других пережитков крепостничества, которые давили на развитие производительных сил в деревне.

Капитализация сельского хозяйства, особенно при высоких ценах на продукты, создавала, с одной стороны, усиленное накопление туземного капитала, с другой — вызывала чрезвычайную остроту положения для рядового крестьянского хозяйства, земельный надел которого к началу XX века понизился

с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. (Записка председателей губернских земских управ в комиссии по оскудению центра).

Война с Японией несколько затормозила процесс роста промышленности и поставила ряд затруднений притоку иностранных капиталов в Россию. Внутренний рынок, особенно для легкой индустрии, с 1903 г. шел на сокращение. Особенно сильно падал текстиль — с 16,21 миллионов пудов в 1903 г. до 16,05 в 1904 и 15,15 в 1905 г. Война обострила и денежный кризис. В начале января 1904 г. четырехпроцентная рента котировалась на парижской бирже 96 р., а в июне 1905 г. упала до 84 р. Государственный долг к 1 января 1904 г. составлял 6,63 миллиарда. К этому времени Россия должна была уплачивать ежегодно заграничным капиталистам свыше 300 миллионов рублей.

Свободная наличность государственного казначейства в январе 1904 г. равнялась 352,4 миллионов рублей, к концу 1904 г. исчислялась лишь в 61,4 миллионов рублей. Война в первый же год съела 676,8 миллионов рублей. К началу 1905 г. билетное обращение государственного банка возросло с 630 миллионов рублей в начале 1904 г. до 900 миллионов рублей. Другими формами налоговой пресс выкачал из населения в 1904 г. — 795,3 миллиона рублей и в 1905 г. 848,8 миллионов рублей (при ухудшении экономической конъюнктуры). Во Франции и Германии были заключены на тяжелых условиях займы в 231 и в 150 миллионов рублей и ряд внутренних займов по меньшей мере в 500 миллионов рублей.

В № 15 „Пролетария“ (15 сентября 1905 г.) товарищи так характеризовали финансы России. „Дальше идти в этом направлении (в направлении займов) некуда. Западноевропейские биржи для нас теперь закрыты. Какими бы гениальными шулерами ни были наши титулованные финансисты, к каким бы ловким кунсштюкам для поддержания курса государственных бумаг они ни прибегали, едва ли им удастся извлечь хоть один миллион из карманов заграничных банкиров. С другой стороны — дальнейшие внутренние займы ни в коем случае не смогут реализироваться: слишком мало для этого у нас имеет кредита самодержавие, слишком малой покупательной способностью обладают наши средние классы. В кассах русских коммерческих банков еще и поныне лежит

на 32 миллиона рублей бумаг последнего пятипроцентного займа, и есть надежда, что они еще пролежат там довольно долго...“

Попытка весной 1905 г. реализовать главный заем на международном денежном рынке потерпела фиаско. Банкиры решительно отказывались давать деньги, удержав у себя выручку 4½% займа по указу от 15 декабря 1904 г. — 231,5 миллионов рублей (нарицательный капитал) в обеспечение разного рода платежей настоящих и будущих.

Тяжесть налогового бремени ложилась, главным образом, на крестьянство. Японская война значительно подорвала крестьянские хозяйства из-за мобилизации рабочей силы. В 1904 г. во многих районах был неурожай. Арендные цены непрерывно увеличивались. Безработица в городе и в деревне создавала материал для революции. Урожай 1905 г. оказался плохим. „Год относится к самым неудачным за последнее десятилетие, — писали в № 36 „Сев. Хозяйства“ — в заметке „Урожай хлебов в 1905 г. в Европейской России“. — Общий урожай для 64 губерний и областей должен быть признан ниже среднего“. По сведениям отдела сельской экономии и сельско-хозяйственной статистики Главного Управления земледелия и землеустройства, неурожай коснулся больше всего озимой ржи и особенно в центрально-земледельческом и в поволжских районах. Там же пострадали и яровые хлеба. Лучшие сборы хлебов были в юго-западном, украинском и новороссийском районах, главным образом, пшениц.

Неурожай 1905 г. охватил 25 губерний и в них 150 уездов. Центральный статистический комитет для 1905 г. выводит такие цифры: рожь всего по черноземной полосе средняя за 5 лет (1900 — 1904 г.) — 843 мил. пуд,, а для 1905 г. — 599 мил. пуд., озимая пшеница — 187 и 209 мил. пуд. и яровая пшеница — 456 и 487 мил. пуд., что в общем подтверждает приводимые выше обобщенные данные.

По сбору сена в 1905 г. по всей стране отмечался факт значительного уменьшения сбора против 1904 г. Особенно плохой сбор был в Новороссии, в Поволожье, в центрально-земледельческом районе, в Прибалтике и на Северном Кавказе [1]).

[1]) „Молочное хозяйство“, 1905 г., № 34, 21/VIII.

Неурожай хлебов и трав отразился прежде всего на реальной заработной плате в сельском хозяйстве. Средняя по районам, выраженная в хлебе (в пудах ржи) по средним местным годовым ценам, эта плата выражалась в таких цифрах:

	Средняя за 1902—4 гг.	за 1905 г.
в $^0/_0$ $^0/_0$	0,93	0,85
„	100	91
При урожайности	57,9	51,7
в $^0/_0$ $^0/_0$	100	89 [1])

В итоге видим снижение платы на $9^0/_0$ при пониженном урожае на $11^0/_0$ против средних за 1902 — 1904 гг.

Для учета реальной заработной платы в городах полезно привести справки о средних ценах по месяцам в 1905 г. сначала на пшеничную, а затем на ржаную муку [2]).

Повышение цен на мясо не превышало $10 — 15^0/_0$ против 1904 г., что объяснялось плохим сбором трав.

Цены на миткаль к концу 1905 г. стали повышаться, что видно из следующей таблицы (средняя за арш. в коп.).

Районы	Средние цены 1904 г.	Средние цены 1905 г.	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь
Петербург	8,6	7,8	7,05	7,2	7,2	6,4	7,1	7,4
Москва	8,0	7,6	6,8	6,7	6,8	6,8	6,9	6,9

Районы	Средние цены 1904 г.	Средние цены 1905 г.	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Ноябрь	Декабрь
Петербург	8,6	7,8	8	8,1	9	8,5	8,5	8,5
Москва	8,0	7,6	7,6	8,5	8,5	8,5	8,4	8,4 [3])

Таким образом, мы видим, что с лета 1905 г. почти все продукты первой необходимости начинают дорожать.

Здесь сказывалось и влияние революции, особенно по отношению к промышленности, где наблюдалось значительное снижение продукции. Вот, напр., цифры по выплавке чугуна:

Месяцы	Тысячи пудов
Сентябрь	14.112
Октябрь	13.562
Ноябрь	12.806
Декабрь	11.106 [4])

[1]) *И. Дроздов.*—„Зарплата землед. раб. в России в связи с аграрным движением 1905—1906 гг.“, стр. 18.

[2]) Свод товарных цен на главных русских рынках.

[3]) Свод товарных цен на главных русских рынках.

[4]) „Вестн. Фин., Пром. и Торг“, 1906 г., №№ 12, 16, 17. 18.

Район	Средняя за год		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
	1904	1905												
Мука пшеничн. 2 сорта.														
Петербург	174,6	178,4	175	175	175	173,6	170	176,3	180,0	175	187	189	182,5	182,5
Москва	167,2	175,3	167,5	167,5	167,5	167,5	167,5	172,5	175,4	175,5	181	186,5	187,5	187,5
Саратов	132	142,4	137,5	137,5	136,5	132,5	132,5	139,5	142,5	143,5	150,2	152,1	152,2	152,5
Мука ржаная обыкнов.														
Петербург	84,9	91,4	89,7	94,8	97,1	96,1	88,9	89,2	86	88,5	95	98,5	—	—
Москва	76,4	89,3	80,5	83,3	82	78,7	81,1	82.8	97,7	89,5	95,3	100,3	101	100
Саратов	69,6	81,1	72,1	72.5	72,5	72.5	73,1	81,1	82,5	82,5	89,7	90,1	92,1	92,5

Обычно эти месяцы в связи с возвращением рабочих с полевых работ являлись рекордными в году и шли с повышением к декабрю, а в 1905 г. это обстоятельство изменилось в обратную сторону. Революция обостряла процесс хозяйственного распада, усиливая этим тяжесть положения рабочего класса — главного деятеля революции.

Попутно необходимо отметить, что заключение портсмутского мира (24 июля) значительно улучшило курс русских ценных бумаг, и перед началом октябрьской стачки та же 4% рента на парижской бирже котировалась около 104 р.

Эту „стабилизацию" ренты стачка сорвала и 14 октября, по выражению „Нашей Жизни" [1]), биржа переживала панику, и рента с $88^1/_8$ упала до $86^1/_2$. Манифест 17 октября снова поднял ее до $90^1/_4$, но погромы 20 октября опять ее уронили до $88^1/_2$.

Такова была в общих чертах объективная „экономика" предстачечного периода.

Перейдем теперь к краткой характеристике рабочего вопроса в это же время.

Прежде всего два слова о численности рабочего класса в 1905 г. Статистика дает следующие цифры:

Число предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, было свыше 14 тысяч с 1.663 тыс. рабочих, в горной промышленности до 600 тыс., на транспорте — 712 тыс. рабочих и служащих (без поденных).

У первой группы рабочих преобладал при односменной работе — $11^1/_2$-часовой рабочий день, в металлообрабатывающей промышленности — 10-часовой и при двухсменной работе у значительно меньшей части рабочих 9-часовой рабочий день.

На ж.-д. транспорте в 1905 г. кондукторские бригады были на непрерывной бессменной службе 18 часов, паровозные бригады—16 часов. Непрерывного отдыха у себя дома они не имели. У движенцев вообще не было точного рабочего дня и часто они работали свыше 12 часов в сутки, на дежурстве свыше 16 час., не имея обязательных ночных и воскресных отдыхов. У паровозной бригады приемка и подготовка паровоза при его отправлении и сдача его при прибытии или смене бригад не считались в рабочем дне и т. д.

[1]) № 314 от 14/X—1905 г.

Напуганное рабочим движением, правительство в мае 1905 г. создало особую комиссию под председательством Коковцева, которая выдвинула проект установления продолжительности рабочего дня в промышленных предприятиях в 10 часов в непрерывных производствах и при ночных работах в 8 часов. Промышленники нашли эти предложения абсолютно неприемлемыми и отказались от участия в работах комиссии Коковцева. После этого комиссия благополучно скончалась, а рабочие самым энергичным образом стали все чаще и чаще выдвигать при столкновениях с предпринимателями восьмичасовой рабочий день.

Заработная плата отличалась большой пестротой.

Для фабрично-заводских рабочих всех профессий *К. Пажитнов* выводит 205 р. в год, для горняков Криворожья — 200 — 360 р. в год, для железнодорожных служащих и рабочих постоянных — 424 р. 50 к. и для поденных — 286 р. 20 к. Лучше других зарабатывали петербургские металлисты от 1 р. 75 к. до 2 р. в день, меньше других текстили Московской области—от 8 до 15 рублей в месяц и металлисты Урала — от 10 до 20 р. в месяц.

Приведем несколько иллюстраций положения фабричных рабочих в Москве. Вот несколько строк из прокламации Рогожского районного комитета московской организации большевиков, датированной октябрем 1905 г. [1]).

К рабочим и работницам фабрики Нырнова.

Товарищи! Есть ли где-нибудь еще такие порядки, как у вас на фабрике. Вы не рабочие у своего хозяина, вы его крепостные, его рабы. Он заставляет вас работать весь день с утра до вечера, а платит вам ничтожные гроши. И эти свои заработанные трудовые деньги вы, словно милостыню, дожидаетесь на дворе целыми часами до глубокой ночи. Он отвел вам спальню, и вы спите там по два человека на постели, спите даже на полу под койками, как собаки. Хозяин запер вас на фабрике, не выпускает со двора, и вы сидите там, как арестованные в тюрьме. Он берет с вас за харчи не по 3 руб. 50 коп., как утверждено было фабричным инспектором, он прибавил себе еще 50 коп., а кормит вас капустой с червями и всякими негодными продуктами. И этим тухлым, негодным куском попрекает вас старшая мастерица Анна Васильевна. Вы часами стоите на дворе, ожидая в праздник себе белого хлеба, зимою в снег мерзнете из-за куска хлеба, за который заплачено вашими же деньгами. Они дают вам негодную тухлую

[1]) Дело Моск. охр. отд., № 773, 1905 г., т. IV.

пищу, а сами на взятые с вас деньги готовят себе сытный хороший обед. Вас штрафуют за 2 минуты опоздания, ругают и бьют. Когда вы больны, у них не бывает лекарства, потому что оно дорого стоит, но никогда не забудет хозяин вычесть с вас за прогул во время болезни...

И вы молча переносите все это; если же кто-нибудь из вас решится сказать хоть слово, то хозяин на следующий же день выбросит его на улицу.

Не менее показательно и письмо рабочих другой фабрики, вполне подтверждающее факты, приведенные в прокламации [1]).

Мы, люди, живущие на фабрике Котова, получаем жалованье помесячно. Женщины получают 7 и 8 рублей на своих харчах, едят в артели. Они проедают три рубля с полтиной. У них остается три рубля с полтиной, из этих денег нужно на чай, на сахар 75 к., остается у ней 2 р. 75 к. Потом нужно мыла на стирку — фунт 10 к.; остается у нее 2 р. 65 к. Трудно подумать, как работают женщины. Хозяин заставляет нас работать на двух, на трех машинах. До тех пор работает, пока не упадет; когда она падает, то мастера кричат: „она спит, надо прогул записать"... А упала она от хорошего воздуха и от трудной работы... Где работает, тут и мочится... Приходит с работы в спальню. В спальнях грязнота, сырость, нельзя ничего повесить: все преет от сырости...

Это рассказ рабочего о женском труде.

О работе и труде мужчины текстильщика письмо сообщает:

Мужчины получают жалованье от 11 до 13 р. Едят в артели, харчи сходят 4 р. 50 к., из них чай и сахар, за стирку 40 к. Воды достаточно горячей нет... В кубе тараканы с печки, и валеные подметки, и всякий мусор... В спальне грязь, вода, потому что нет умывальников, умываемся прямо на пол, у самой двери лохань, из которой вода течет по всей спальне. Когда ложусь спать, разуваюсь на нарах и обуваюсь на нарах... У нас грязь по колено, мы живем, как у плохого хозяина скотина, и той лучше"...

Описания жилищных условий петербургских рабочих, относящиеся к 1905 г., рисуют такие же удручающие картины. Напр., рабочие Путиловского завода жили в подвалах, на чердаках, снимали углы, койки. Начальник Балтийского завода называл помещения рабочих „общими берлогами". В провинции жилищный вопрос для рабочих являлся одним из проклятий, которые они выносили на себе.

Правила внутреннего распорядка работ и жизни рабочих были таковы, что из-за них чаще всего происходили столкновения рабочих с предпринимателями. Грубое обращение, штрафы за всякий пустяк, регламентация жизни в казарме,

[1]) Протоколы первой областной конференции профсоюзов рабочих по обработке волокнистых веществ. М. 1907 г., стр. 23.

куда допускались только родственники и то до 9—10 ч. вечера, не позднее, запрещение музыкальных инструментов, игр на хозяйском фабричном дворе, постоянная слежка дворников и особых агентов по квартирам и койкам вплоть до контроля над чтением газет и книг, над посещением религиозных служб и т. д. делали жизнь русского рабочего поистине каторжной. Санитарные условия труда в такой отрасли, как печатники, дали для Москвы следующую картину: нет вентиляции в 16 типографиях, в 13 только форточки, в 67 полов не моют, в 37 не ограждены машины, в 11 ограждены недостаточно и т. д. Медицинская помощь в промышленных предприятиях до 1905 г. была организована лишь в наиболее крупных предприятиях и то не везде. На ж.-д. не имелось санитарных врачей, введенных только с 1906 г.

О безработице в первой половине 1905 г. цифровых материалов нам найти не удалось. Финн-Енотаевский [1]) сообщает, что о безработице разговоры в прессе начались с весны 1904 г., при чем отмечались следующие пункты наибольшего скопления безработных: Петербург, Рига, Одесса, Баку, Владимирская губ. и Польша. Осенью 1904 г. безработица усилилась. Стачки 1905 г. вызывали массовую безработицу, в которой тонула та хроническая безработица, которая являлась неизбежным следствием промышленного кризиса. Локауты осени 1905 г. давали яркие картины обострения безработицы в ряде районов России и тем самым революционизировали широкие массы пролетариата.

---

[1]) „Современное хозяйство России", стр. 352.

Глава II

Политическая обстановка перед октябрем 1905 г.

Первый вал революции 1905 г. — с 9 января, с волной всеобщих стачек, с крестьянскими движениями весной, с организацией различного рода союзов и в их числе железнодорожников, сменился более грозными выступлениями флота, пролетариата окраин и центра (Иваново-Вознесенск) и новыми вспышками крестьянской революции.

Большевики на III съезде дали пролетариату и крестьянству лозунги: вооруженное восстание, временное революционное правительство, учредительное собрание, конфискация помещичьих земель.

Царское правительство под напором событий выдавливало из себя, как из чирея, ублюдочные указы и манифесты о смягчении цензуры, о началах веротерпимости и вместе с этим расправлялось с революцией беспощадным террором. Пока шла ликвидация ограничений по изданию „священного писания" на украинском языке, заигрывание с старообрядцами, с сектантами, с поляками и т. п., одновременно учреждались новые полицейские штаты, формировались силы контр-революции, в том числе отряды „черных сотен", вдохновляемые духовенством и союзом русского народа.

В процессе революционных взрывов шла усиленная работа организации боевых сил. Пролетариат строился в партийные и профессиональные колонны, ведя огромную агитационную работу [1]), крестьянство создавало свой союз для целей борьбы за землю, интеллигенция сплачивалась под радикальными лозунгами своих не то профсоюзов, не то политических организаций, колеблясь между революцией и оппозицией.

[1]) Для характеристики этой работы перед октябрьской стачкой приводим две прокламации ЦК РСДРП. См. прил. № 1 и 2.

Промышленная и финансовая буржуазия фрондировала, требовала для себя уступок, пугала правительство революцией и оппозицией.

В далеких киргизских степях, в Бурятии, в Туркестане, на Кавказе самые отсталые народности вовлекались в движение и выносили на своих съездах и ярмарках постановления с требованием политических прав и экономических преобразований своего быта[1]).

„Булыгинская Дума" — „отцветала" в вихре событий, „не успевши расцвесть".

Указ об университетской автономии сейчас же был использован революцией в своих целях. Вузы становятся опорными пунктами политических партий для организации и агитации пролетариата.

Контр-революция злобно скалит зубы и устраивает дикие побоища вроде знаменитого тифлисского избиения рабочих и интеллигенции 29 августа, когда собравшиеся на митинг в городской думе „понесли потери" в 100 убитых и еще большее число раненых. На Кавказе провоцируется резня между татарами и армянами, в Польше вводится военное положение, в Риге расстреливают демонстрантов.

Крестьянские бунты подавляются войсками со всей свирепостью, но Гурия ввела у себя революционное самоуправление, в Чиатурском марганцевом районе под руководством большевиков создалась своеобразная „республика"[2]). В промышленных центрах пролетариат готовится к выступлению. Железнодорожники на своих съездах разработали программу и тактику всеобщей стачки[3])...

К октябрю 1905 года перевес был уже далеко не на стороне царского правительства.

Вот что об этом рассказывает один из палачей революции граф Витте:

Вернувшись из Америки 16 сентября 1905 г., я застал Россию в полном волнении, при чем революция из подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу действия, все или бездействовали, или

[1]) Подробнее см. *А. И. Кастелянский.*—„Формы национального движения в современных государствах." СПБ. 1910 г., стр. 469—624.

[2]) „Пролетарий", № 15 за 1905 г.

[3]) Подробнее см. дальше — постановления июльского ж.-д. съезда в главе „Железнодорожная октябрьская стачка".

шли врозь, а авторитет действующего режима и его верховного носителя был совершенно затоптан. Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы населения. Весь высший класс был недоволен и ожесточен; вся молодежь, и не только университетская, но и высших классов средних учебных заведений, не признавала никаких авторитетов, кроме тех, которые проповедывали самые крайние революционные и антигосударственные теории; профессора в громадной части стали против правительства и действующего режима и авторитетно, не только для молодежи, но и для большинства взрослых, провозгласили: „довольно — нужно все перевернуть"; земские и городские деятели уже давно заявили „спасенье лишь в конституции"; торгово-промышленный класс стал на сторону земцев, городских деятелей и профессуры и некоторые из них (Морозов, Четвериков, вдова Терещенко) производили большие денежные пожертвования не только для поддержки освободительного движения, но прямо на революцию (Савва Морозов, засим застрелившийся за границей); рабочие совершенно подпали под руководство революционеров и действовали наиболее активно там, где нужно было действие физическое; все инородцы подняли голову и решили, что настал момент, проводить все мечты и желания... а все — [стояли за] устранение всех стеснений, в которых проходила вся их жизнь, а стеснения эти во многих случаях были безобразные, антихристианские, грубые, и что особливо непростительно, часто глупые; крестьяне подняли усиленно вопрос о безземелии и вообще об их угнетенном положении; чиновники, видя близко многие порядки в канцеляриях и систему протекций, развитую в царствование Николая II до гигантских размеров, стали против режима, которому служили; войско было взволновано всеми позорными неудачами войны и винило во всем совершенно основательно правительство, но, кроме того, *с заключением мира явилось обстоятельство, внесшее большую смуту в войска, особенно оставшиеся в России*: с заключением мира по закону нужно было отпустить всех, призванных во время войны, но так как в России войск оставалось очень мало, то их не отпускали, они начали волноваться, через это революционеры нашли легкий доступ в войска, *в войсках начались вспышки непослушания* в некоторых случаях маленькие выступы в пользу революции с оружием в руках, поэтому многие думали, что *на войска рассчитывать нельзя и боялись возвращения армии с Д. Востока* (курсив всюду мой. *А. Ш.*). Эта болезнь и вызвала проект Шванебаха оставить, по крайней мере, часть армии в Сибири и, во всяком случае, задобрить их, объявив для них особую привилегию на получение сибирских земель. Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души „так дальше жить нельзя", другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того, чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключений классах населения и не единичные, а исчисляемые многими тысячами. Большинство же, не двигаясь, совершенно сочувствовало действующим. Все объединились в ненависти к существующему режиму" [1])...

[1]) *Витте*.—„Воспоминания", т. I, стр. 453 — 454.

Гр. Витте, несомненно, сгустил краски на счет революционности буржуазии, но, в общем, картина, им нарисованная, отражала политическую обстановку перед октябрем 1905 г. достаточно верно. Правые круги — крупно-земельное дворянство, паразитическая буржуазия, служилые бюрократы, генералитет, духовенство и т. д. понимали, что под их ногами почва начинает сильно шататься. Портсмутский мир был заключен, несомненно, под давлением революции. Если из союза русского народа и рассылались телеграммы генералам Куропаткину, Линевичу и другими с требованиями продолжения войны, то это было своего рода бутафорией. Официоз правых — „Московские Ведомости" писали, что „теперь (после заключения Портсмутского мира), наконец, развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и войну внутреннюю"... Правые учитывали робость „конституционной" буржуазии и с особенным смаком развивали в своей прессе теорию „единения" царя с народом через Булыгинскую Думу. Монархическая буржуазия, и в том числе „освобожденцы" или „конституционные" демократы, шла на это предложение правых и, в свою очередь, выдвигала теорию соглашения с царским правительством на основе крошечных политических уступок.

„Буржуазия,— писал В. И. Ленин, — этой *теорией выражает свое предательство* революции, готовность сначала поддержать ее, а затем соединиться с реакцией против нее" [1]).

Известный историк П. Виноградов в „Русском Вестнике" решительно отметал „путь Франции 1789 г.", высказываясь за „путь Германии 1848 г." — т. е. за путь сделки буржуазии с царизмом. Буржуазия понимала опасность революции и ждала событий „со страхом и трепетом", тем более, что буржуазная интеллигенция из союза союзов не пошла за буржуазией с ее политикой „соглашения" с царизмом, а сделала попытку сближения с революционным народом.

„Помещики и капиталисты качнулись вправо, а буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево. Первые идут к царю, далеко не отказываясь грозить ему еще не раз силой народа. Вторые подумывают, не идти ли им к народу, не разрывая еще окончательно с теорией „соглашения" и не становясь вполне на революционный путь", —

[1]) „Пролетарий" № 15 — 1905 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ

так метко характеризовал т. Ленин тактику этих кругов (в „Пролетарии“ в конце августа 1905 г.).

Осеннее нарастание новой революционной волны так действовало на буржуазию, что толкало ее на сделку с монархией, но лишь в процессе октябрьской стачки она выявила себя достаточно ярко и определенно повернула вправо.

Наиболее сложное положение занимала мелкая буржуазия городов, ремесленники, торговцы, всякого рода служащие, люмпен-пролетарии, дворники, городовые перед октябрем 1905 г. Как известно, из рядов этих социальных групп вербовалась „черная сотня“, всякого рода „добровольцы, охранники“, хоругвеносцы и т. д.

В материалах московского историко-революционного архива имеется много указаний, что „черная сотня“ мобилизовалась чуть ли не с лета 1905 г. в целях борьбы с „крамолой“. Эти фашисты 1905 г. были той темной массой, с которой оперировал охранник Зубатов и среди которой встречались и болевшие „царелюбием“ рабочие — недавние выходцы из деревень, из казарм, где им забивали головы ряд лет на счет уничтожения внутренних врагов „престол-отечества“.

Характерный образчик беспардонной демагогии виден из следующей прокламации о „господчине“, которой морочили людей охранители порядка[1]).

Крестьяне, мещане и люди рабочие, послушайте, что умышляет господчина. В городских думах и в земствах, где сидят господа, а в больших городах адвокаты, профессора, студенты, учителя, прогорелые помещики, одворянившиеся купцы и прочие господа, называющие себя интеллигенцией, хотят перестроить наше государство так, чтобы вместо *царя* самим управлять царством. Добиваясь этого, господчина творит всяческие безобразия и смуты: профессора и студенты сговорились не учить и не учиться: адвокаты — эти судейские болтуны, дерзко требуют на сходках конституции, то-есть, чтобы царь отдал свою самодержавную власть выборным из господчины; дети в школах по наущению отцов бросили в иных городах учиться и ходили по улицам с флагами, крича: „Долой правительство и царя!“ Господчина, чтобы страхом вынудить власть у царя, убивает министров, губернаторов, даже убили ни в чем неповинного князя Сергея и царя-освободителя. Вместе с господчиной за одно действует и интеллигенция жидовская, польская и армянская, требуя также конституции, чтобы верховодить нами, русскими людьми. Высокопоставленный крамольник, председатель нынешнего комитета министров, Витте, поощряет еще более инородцев, обещая постараться для

[1]) Дело Моск. охр. отд., № 789, 1905 г., стр. 46.

них, особенно для жидов, и не удивительно: жена его Матильда — жидовка и понятно работает с мужем в их руку (жиды кого не подкупят). Столкнувшись с жидами и другими инородцами, интеллигенция хочет обессилить царя, скорее вырвать у правительства власть и захватить в свои руки казенный сундук. Царь, уступая господчине, уже разрешил созвать надежных выборных людей, но господа требуют, чтобы выборными были они одни, а не крестьяне и мещане, которые в государственных делах будут подавать только мнение, а решение представят царю, как самодержцу. Господа же хотят, чтобы они сами были решителями государственных дел, и царь вместе с народом повиновался бы их решениям. Если бы господчина своей наглостью, запугиванием и убийствами успела, братцы, в этом, то не признавайте ее властью и правительством, разнесите в клочья, покажите, что в государстве вы сила, вас сто миллионов, а интеллигенции и пяти не будет. Выборными людьми к царю вы должны быть, вы должны сказать ему свои мнения. Помните: *народу мненье, царю решенье.* Господские же решения всегда будут в их пользу. Мы видим, как господа теперь хозяйничают в городах и земствах, выжимая с крестьян земские сборы. Часто последнюю корову за них продают. Дети просят у матери молока, а несчастная мать только горько плачет. Или, например, в московской городской думе, состоящей из прелой интеллигенции, городской голова, князь Голицын, получает по назначению гласных думы жалованья 30 тысяч в год (каково!). Инженеры городские получают десятки тысяч, а там еще подряды, поставки, постройки, на которых все наживаются, или, например, известный в России земец Тверской губ. Петрункевич на постройке земской больницы нажил себе состояние; то же самое в Курском земстве председатель Раевский. Почти все земства и городские управления — воровские господские шайки.

Крамольные господа внесли в нашу жизнь беспорядок, смуту; они отрицают царя, потому что сами хотят стать на его место; отрицают православную веру, потому что совсем в бога не верят; отрицают отечество, потому что действуют за одно с врагами отечества: жидами, поляками и другими инородцами и убивают своих братьев слуг, царя и государства. Довольно терпеть эту интеллигентскую шваль. Соединимся в кружки, составим списки всем крамольникам и бунтовщикам в городах и селах и будем бить их кому как и чем удобнее, ночью, из-за угла, через окна. Против негодяев все средства хороши.

Народный Союз.

Петербург. 1905 г.

Такого рода прокламации очень широко распространялись в низах столиц и, несомненно, оказывали на них то влияние, на которое и рассчитывали их авторы.

Положение столичных низов с ходом революции значительно ухудшилось.

Стачки, локауты выбивали эту массу мелкой буржуазии из колеи, лишали ее заработка, воды, света; повышение цен на продукты потребления неизменно связывалось у них только

со стачками. Рабочие, бастуя, не могли аккуратно расплачиваться с кредитовавшими их лавочниками, буржуазия во время стачек или других волнений пряталась из городов, не раскупала в магазинах обычной доли продуктов своего потребления, что опять-таки ставилось в вину „забастовщикам“, и т. д. Вполне естественно, что полицейская агитация могла найти в этих группах достаточное число адептов „Союза русских людей“ в Москве и „Отечественного союза“ в Петербурге. К октябрьским дням эти организации уже превратились в такую политическую силу, с которой приходилось считаться. В противовес Крестьянскому Союзу в деревнях организовывались черносотенные отделы союза „Народный мир“. В качестве своих боевых дружин монархисты организовывали повсюду так называемые „добровольные охраны“ во главе с начальниками — сотенными и тысяцкими, составлявшими штабы контрреволюции [1]).

Стихийные вспышки солдатских и матросских выступлений чаще всего выражались в форме „забастовок“ на экономической почве из-за пайков, портянок, чаю-сахару, из-за неотпуска запасных домой. В сентябре 1905 г. такого рода забастовок происходило не мало, но они были непродолжительны, быстро удовлетворялись, а иногда и свирепо подавлялись, не будучи соответствующим образом использованы тогдашними революционными политическими партиями.

Из последних следует остановиться на социал-демократии, ко времени октябрьской стачки разделенной на две фракции.

О численности организованных рабочих по фракциям в 1905 году более или менее точных сведений собрать не удалось. Из фракционных целей меньшевики весной 1905 г. опубликовали справку о своих организациях, при чем выходило, что в Петербурге они имели 1.500 организованных рабочих, а в Москве — до 300.

По „Истории социал-демократии“ Мартова меньшевики к средине 1905 г. в Петербурге насчитывали до 1.200 — 1.300 организованных рабочих, большевики же всего несколько сот.

[1]) К сожалению, организиция черной сотни до сих пор не изучена, между тем для классовых боев пролетариата ознакомиться с предшественниками фашизма было бы весьма полезно.

К обеим фракционным организациям примыкало много интеллигентов, главным образом, учащейся молодежи.

По корреспонденциям в „Пролетарии“, по заметке В. И. Невского в № 5 „Пролетарской Революции“ и по воспоминаниям Б. Переса в сборнике № 1 ленинградского истпарта „Первая русская революция в Петербурге в 1905 г., — организация большевиков превышала меньшевистскую, но, вероятнее всего, силы были более или менее равны.

Что касается Москвы, то, по подсчетам автора этих строк, большевистская организация перед октябрем 1905 г. в низовых ячейках охватывала до тысячи человек с лишним рабочих с предприятий и столько же, если не больше, входило в организацию разного рода служащих и учащейся молодежи. В московской „Окружке“, тесно связанной с Москвой и имевшей здесь свой аппарат, насчитывалось до 500 человек [1]). Таким образом, большевики в Москве имели значительное преобладание над меньшевиками.

В провинции, по статистике меньшевиков, их организации были наиболее сильны: в Тифлисе — более 1.000 организованных рабочих, в Батуме — 1.000 (здесь явное преувеличение), в Одессе — 750, в Кубанской области — 600, в Киеве и Кременчуге — по 500, в Кутаисе, Баку, Екатеринославе и Полтаве — по 400, в Ростове на Дону — 300 и плюс организация в Донбассе. Меньшевики господствовали в Крыму, в Гурии и вообще на окраинах. Большевистские организации, по словам меньшевиков, преобладали в Твери, в Туле, в Иваново-Вознесенске, в Ярославле, в Костроме, Орле-Брянске, Курске, Минске. За большевиками следует считать также Урал и Поволжье.

Судя по данным III съезда (большевистского), большевики имели сильнее представительство от Кавказа — пять делегатов. На этом же съезде были делегаты от Нижнего-Сормова, Воронежа, Полесья, от северного и северо-западного комитетов.

По данным меньшевиков, большевики имели в Одессе 300 организованных рабочих, в Риге—от 200 до 300, в Баку—200, в Николаеве — 100 — 150, в Кутаисе и Екатеринославе—по 100. Между прочим, т. Ленин на III съезде имел мандат

[1]) Подробнее см. „Путь к Октябрю“ № 3, 1923 г., стр. 16 — 17.

от одесского пролетариата. Подводя некоторые итоги состоянию с.-д. организаций перед октябрем 1905 г., можно сказать, что в центральной России с наиболее развитой промышленностью большевики занимали преобладающее положение. Что же касается Украины, Кавказа, западных губерний с мелкоремесленническим и отчасти крестьянским (Кавказ) составом парторганизаций, то здесь меньшевики имели значительный перевес. В крупных промышленных центрах — Одесса, Екатеринослав и др. шла борьба за первенство между фракциями, и здесь бывали моменты, когда организованные рабочие делились на городских из ремесленников и мелких предприятий, ориентировавшихся на меньшевиков, и рабочих с заводов на окраинах, тянувшихся к большевикам.

Так или иначе, но к октябрю 1905 г. меньшевики представляли значительную силу, влиявшую на движение, что и увидим в дальнейшем изложении при анализе стачки в отдельных пунктах.

Что разделяло большевиков и меньшевиков?

О лозунгах большевиков известно из резолюций III съезда, о чем уже упоминалось.

Путанные резолюции меньшевистской женевской конференции о подталкивании буржуазии на революционный путь, об организации Учредительным Собранием крестьянских комитетов для конфискации помещичьих земель и т. п. в практической действительности превращались в самые неожиданные тактические предложения. Так, Череванин в № 108 „Искры“ предлагал считать Булыгинскую Думу „орудием демократической революции“, т. е. скатывался в объятия монархической буржуазии из „Рус. Вед.“ Мартов в венской „Рабочей Газете“ защищал идею организации *народных агитационных комитетов*, которые должны быть избираемы „всеми элементами населения, неудовлетворенными царской реформой“. Лишенные избирательных прав граждане, по Мартову, „могли участвовать в выборах косвенно, сообщая свои мнения и требования более узким коллегиям привилегированных избирателей“ и т. д. Мартов лил воду на мельницу земско-буржуазной партии под соусом защиты интересов пролетариата.

Большевистскую тройку революционных задач — вооруженное восстание, революционная армия и временное революционное

правительство — меньшевики подменяли лозунгом „революционного самоуправления", о котором т. Ленин писал: „Во-первых, чисто теоретически неправильно выдвигать на первый план этот лозунг революционного самоуправления вместо лозунга: самодержавие народа. Первый относится к управлению, второй — к устройству государства. Первый совместим поэтому с предательской буржуазной теорией „соглашения", второй безусловно несовместим. Первый приемлем для освобожденцев, второй — неприемлем. Во-вторых, отождествление организации революционного самоуправления с организацией всенародного восстания совершенно вздорно. Восстание есть гражданская война, а война требует армии, между тем, самоуправление само по себе не требует армии. Есть страны, где существует самоуправление, но нет армии. И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу Норвегии: „расчитали" короля и произвели опрос народа. Но когда народ угнетен деспотизмом, опирающимся на армию и начинающим гражданскую войну, тогда отождествлять революционное самоуправление с революционной армией, выдвигать первое и замалчивать второе есть прямо-таки несказанная пошлость, выражающая либо предательство революции, либо крайнее недомыслие". Далее В. И. на основании исторических примеров доказывал дальнейшую несостоятельность этого меньшевистского лозунга и в заключение говорил: „Современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга „революционное самоуправление" и необходимость прямого и точного лозунга восстания" [1]). Не даром в № 74 „Освобождения" была помещена статья с решительным осуждением „безумной и преступной проповеди вооруженного восстания" и в то же время с защитой городских милиций и организаций органов местного самоуправления, как „элементов будущего временного правительства".

Во время октябрьской стачки буржуазия, как увидим дальше, пыталась поступать именно по рецепту „Освобождения".

Меньшевики в 1905 г. отражали тактику мелкобуржуазной интеллигенции, не находившей в себе достаточно сил встать до конца на революционный путь. Связь меньшевиков

[1]) *Ленин.* — Собр. соч., т. VI, стр. 438.

с пролетариатом делала их наиболее радикальной группой среди „левых", но в то же время их теоретическое влияние не могло не отразиться в сторону „притупления" революционной тактики самих пролетарских масс, прислушивавшихся к голосу меньшевистских вождей.

Для влияния на широкие рабочие массы меньшевики особенно энергично агитировали за тактику „единого фронта" с большевиками, и отсюда тот напор рабочих на соглашение, который был особенно силен в Петербурге, что затем во время октябрьской стачки и вскоре после нее вылилось в создание федеративной организации фракционных центров, а потом и федеративных комитетов большевиков и меньшевиков в Петербурге и Москве.

На местах — в провинции — шло „смазывание" фракционных разногласий, что, несомненно, было на руку меньшевикам. Даже в таких „твердокаменных" организациях, как Москва, напр., можно было наблюдать весьма странное явление — переход секретаря МК „Сергея Ивановича" (т. Шнеерсон) на работу в московскую группу меньшевиков и обратное возвращение в „лоно комитета" этого „блудного сына" революции.

Если „Пролетарий" вел неуклонную политику разоблачения меньшевистского оппортунизма, то на практической работе фракционеры в ряде наиболее ответственных центров движения вели работу „согласованно" еще до октября 1905 г.

В заключение два слова о социалистах-революционерах. Эта партия в 1905 г., несомненно, играла крупную роль и особенно в интеллигентских организациях. Эсэры имели большое влияние на все „союзы союзов" и в их числе на ж.-д. союз, на работу по организации крестьянства. Их тактическая линия в революции определялась общей линией мелкобуржуазной интеллигенции в тот период времени.

Перед октябрьской стачкой в пролетарских центрах партийные с.-д. круги вели с эсэрами ожесточенную идеологическую борьбу из-за влияния на интеллигенцию и отчасти на рабочий класс. Организационно эсэры к осени 1905 г. ни в Петербурге, ни в Москве большого значения не имели. Вследствие чрезвычайной провокации в их рядах, партийные группы эсэров все время громились охранкой, и эсэров больше сидело по тюрьмам, чем работало „на воле".

Глава III

Первый период стачки.

Изложение фактической стороны октябрьской стачки может быть разбито на ряд отдельных периодов: первый — стачки в разных пунктах страны и, главным образом, в Москве до железнодорожной стачки, второй — начало остановки железных дорог, третий — стачка превращается во всеобщую, четвертый — переход стачки в восстание и, наконец, пятый — период ликвидации стачки.

Но прежде чем приступить к этой периодизации, необходимо установить несколько общих понятий, связанных со стачкой, как средством борьбы пролетариата [1]).

Стачка — прекращение работ — может происходить в различных формах в зависимости от трех главных условий: 1) территории — производства, 2) времени и 3) требований [2]).

Стачка мелкой мастерской, цеха, отдельного предприятия, нескольких предприятий вместе, отдельных отраслей производства в данном пункте, в городе, в районе, в области, в стране, в международном масштабе, такие же стачки нескольких профессий, наконец, стачки главных профессий, сразу парализующих жизнь капиталистического государства, напр., на транспорте, телеграфе, стачки менее важных профессий, которые не приостанавливают всего процесса хозяйства страны, стачки профессий, лишающих противника возможности идеологически

---

[1]) Между прочим, т. Лозовский в „Проблемах стачечной стратегии" (стр. 31) далеко не полно делит стачки на следующие виды: 1) стихийные, 2) организованные, 3) наступательные, 4) оборонительные, 5) стачки солидарности, 6) стачки перемежающиеся, 7) локальные, 8) районные, 9) производственные, 10) всеобщие, 11) интернациональные, 12) экономические и 13) чисто политические.

[2]) Роланд-Гольст в книжке „Всеобщая стачка и социал-демократы" на первое место в классификации стачек выдвигает их *причины* и *цели*, стр. 14.

воздействовать на мелкую буржуазию и пролетариат, напр., стачки наборщиков, — вот краткий перечень формы стачек, обусловливаемых территорией — производством.

Стачки по признаку времени могут быть разделены на такие группы: 1) стачки внезапные и „молниеносные", 2) с предупреждением противной стороны; 3) перемежающиеся, 4) стачки, на срок, 5) стачки до удовлетворения требований — ка истощение сил борющихся.

Наконец, по требованиям стачки делятся на две основных группы: 1) экономические и 2) политические. Стачки сочувствия по требованиям могут быть присоединены к одной из этих групп в зависимости от тех требований, которые выдвинуты основной группой бастующих.

Однако, было бы неправильно отрывать стачечную борьбу пролетариата от общих условий времени и места, в которых она развертывается. Стачки в России в 1905 г. — в эпоху революционной борьбы масс и за политические, и за экономические перемены — должны рассматриваться несколько в другом аспекте, чем такие же стачки, скажем, в Англии в настоящее время.

Поэтому-то мы и считали необходимым предпослать отябрьской стачке несколько страниц с описанием конкретных условий, которые ее подготовляли и в которых она происходила.

В дополнение к изложенному следует добавить несколько справок, касающихся непосредственно самой октябрьской стачки.

Первый вопрос: была ли октябрьская стачка стихийной? И да, и нет. Для такой группы, как железнодорожники — нет, так как к ней они готовились, что видно из приведенных далее постановлений II съезда ж.-д. союза.

Для предприятий, где пролетариат находился под идейным влиянием „левых" партий — идея всеобщей стачки была не новой.

Но более мелкие предприятия, фабрики и заводы в глухих местностях — при слабом уровне политического развития пролетариата, конечно, были вовлечены в стачку стихийно.

Вместе с этим все же следует указать, что элементы стихийности стачечного движения вообще и особенно в период

революционного движения не должны быть преувеличиваемы. Правда, что отстающие профессии и группы рабочих в отдельных пунктах страны в эпоху революции втягиваются в стачку с „экономического“ конца и лишь в процессе борьбы постепенно научаются понимать и политические цели борьбы. Таких отставших масс было не мало в дни октября. Об этом очень картинно рассказывает Станислав Вольский (Соколов) в брошюрке „О 1905 г.“.

Массы все еще прислушивались, приглядывались и боялись безоговорочно стать на сторону революции, наивно надеясь, что все как-то само собой образуется, и политические свободы, и народное представительство, и, главным образом, широкая аграрная реформа будут, в конце концов, подарены народу царем. Особенно сильны были эти надежды среди тех слоев пролетариата, которые не порвали связей с деревней и сохранили почти нетронутой крестьянскую психологию с ее инстиктивным недоверием ко всему, что исходило от „барской“ интеллигенции и принявших „барское“ обличье передовых рабочих.

Второй вопрос — был ли до октября 1905 г. у российского пролетариата стачечный опыт, опыт ведения стачек в масштабах города, области, всей страны и какой.

Опыт был, но не учтенный, не организованный. Стачки в январе — феврале 1905 г. повторили во многом опыт стачек 1902 — 1903 гг.

Затем были всеобщие стачки отдельных профессий по экономическим поводам, при чем дело ограничивалось, главным образом, территорией того или иного города. Из примеров можно сослаться на апрельскую стачку московских булочников, железнодорожников в Баку. К этой же категории всеобщих стачек по профессиям на экономической почве должны быть отнесены и иваново-вознесенская стачка текстильщиков в апреле — мае, к которой примыкали и рабочие вспомогательных механических предприятий города.

Стачка текстильщиков Иваново-Вознесенска постепенно превратилась во всеобщую городскую и стала распространяться сначала на район, а потом захватывать и текстильщиков области. Третьеиюньский растрел рабочих сорвал ее развитие, и стачка постепенно локализировалась, а потом и прекратилась. Июльские стачки металлистов в Туле — такой же типичный пример превращения стачки крупнейшей профессии во всеобщую стачку сначала города, а затем и района.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что репетиции всеобщей стачки были проделаны русскими рабочими почти всех крупных центров, хотя и в различных вариациях, и по различным поводам и требованиям.

Один из важнейших вопросов для понимания роли и значения октябрьской стачки в революции 1905 г. заключается в том, чтобы учесть насколько массы борющегося пролетариата четко и ясно представляли себе *цели стачки*, были ли эти *цели* вообще так же четко и ясно формулированы руководящими организациями, были ли на высоте положения эти самые организации и предприняли ли они все возможное, чтобы уяснить массам происходящие события. Ответ на эти вопросы пусть читатель поищет сам в фактическом материале об октябрьской стачке, к изложению которого мы и приступаем.

Осений сезон революции 1905 г. „открылся грандиознейшей татаро-армянской резней в Баку и уничтожением всей нефтяной промышленности на Балахано-Сабунчино-Романинской площади. Бакинские события обострили промышленный кризис. Цена нефти возросла на 200—300%. Часть волжских пароходов приостановила свои рейсы за невозможностью перейти к отоплению углем; многие заводы и фабрики Владимирского и Московского районов закрылись за отсутствием нефтяного топлива“...[1])

Это обстоятельство должно быть учитываемо при ответе на вопрос, почему октябрьские стачки *текстилей* срывались.

В начале сентября безрезультатно кончили стачку тверские текстили. 12 сентября в Москве забастовали рабочие бумаготкацкой ф-ки бр. Щаповых, предъявив экономические требования. В удовлетворении требований было отказано, и 17 сентября рабочие получили расчет, 21 сентября, в 9½ час. утра, при помощи полиции началось выселение рабочих из „каморок“ и общих казарм-спален. В этот же день начался наем на старых условиях. 40 человек главных руководителей стачки оказалось за воротами фабрики[2]). Так же мало успешно *протекала забастовка бумаготкачей* на фабрике Севастьяновой, начавшаяся 15 сентября[3]). Без большого

[1]) „История Совета рабочих депутатов“, стр. 53.

[2]) Дело Московского охр. отд., № 773 за 1905 г.

[3]) Там же.

успеха проводили свои единичные экономические стачки и *механические* рабочие. Так, 1 сентября в Петербурге забастовал механический завод „Атлас". По поводу выставленных экономических требований большевистской районной организацией было выпущено три листка. Стачка тянулась до 16 сентября и окончилась тем, что рабочим был выдан расчет, а затем все были приняты обратно, за исключением двух уполномоченных от рабочих [1]).

Разрозненные единичные формы стачек наблюдались в рядах других профессий. Так, за 14 сентября московской охранкой отмечены: попытки стачек булочников Меркулова в Доброй Слободке, требовавших увеличения заработной платы, и приостановка работ в маленьких типографиях [2]).

На юге России и на западных окраинах стачечное движение пролетариата после летних и августовских схваток несколько ослабевало.

Вместо типа екатеринославской летней всеобщей стачки почти всех предприятий с приостановкой железнодорожного движения, с перестрелкой и бросанием бомб в казаков, ранеными и убитыми с обеих сторон, в наиболее революционных рабочих центрах юга, в Польше и в Прибалтике в первой половине сентября мы встречаем в хронике событий почти непрерывное возрастание мелких террористических актов, нападений на солдат, на полицейских, взрывов бомб и т. д. В связи с этим энергичная перевозка войск в наиболее угрожаемые места, аресты, высылки, смертные приговоры.

Возвратившийся из Портсмута граф Витте беспрерывно совещается с ближайшими царскими клевретами в лице Д. Ф. Трепова, бар. Икскуль, Будберга, Коковцева, Сольского и др. 20 сентября он произносит одну из своих первых речей на тему о централизации власти в целях борьбы с крамолой.

Большевики развертывают и на питерских, и на московских фабриках и заводах кампанию летучих митингов рабочих после окончания работ. Лозунги агитаторов встречают всеобщее одобрение масс. Затем митинги постепенно переносятся в высшие учебные заведения. В Петербурге меньшевики

[1]) „Пролетарий" № 23, 1905 г.

[2]) Дело Моск. охр. отдел., № 773.

теряют свои позиции из-за агитации путанных лозунгов Мартова. Эсэры выступили против использования вузов, высказываясь за их закрытие [1]).

Революция воспитывает и постепенно организует рабочие массы. За ними в движение втягиваются служащие и интеллигенция.

В Москве 14 сентября на Домниковке в городском училище происходит собрание 225 швейцаров училищ Москвы [2]). Идет брожение среди канцелярских работников городского управления, среди инженеров и техников, где большую роль играет известный революционер, большевик П. В. Точисский.

Среди студенчества побеждает течение использования учебных заведений для „борьбы народа за свободу". На московском общеуниверситетском собрании 66,4% всех голосов собирает платформа № 2: „Отказываясь пока от прежней формулы пассивной политической борьбы — забастовки, мы теперь открываем московский университет для обращения его в революционный очаг, а наши аудитории — в политическую школу. Но в университете найдет себе место и тот, кто в настоящее время хочет и в силах уделять время академическим занятиям" [3]).

Рабочая масса в Москве в эти дни также вступала в борьбу и быстро развертывала свои отряды. Начавшееся еще в августе брожение среди рабочих типографии т-ва Сытина вылилось в столкновение с администрацией, которая 13 сентября объявила рабочим, что в удовлетворении их требований полностью она отказывает.

192 наборщика из 1.100 рабочих стали настаивать на требованиях о сокращении рабочего дня до 9 час. и в предпраздничные дни — до 8 час., на увеличении заработной платы и на изменении других условий труда.

К наборщикам вскоре примкнули и переплетчики. Однако, работа не прерывалась.

---

[1]) „Пролетарий", № 22, стр. 5.

[2]) Дело Моск. охр. отд., № 773, 1905 г.

[3]) Там же, т. II. Большевистская платформа № 1 об открытии ун-та „исключительно для революционной агитации и пропаганды среди широких масс населения, и университет отныне превращается в революционную трибуну" большинства голосов не собрала.

Весть о требованиях сытинцев быстро распространилась по типографиям Москвы. Городской районный комитет московской большевистской организации выпустил листок с призывом к стачке [1]).

17 сентября первыми из типографщиков, объявившими стачку, оказались рабочие типографии Шейбель, который сразу же согласился на девятичасовый рабочий день [2]).

18-го было воскресенье...

С 11 ч. утра, в понедельник, 19 сентября, сытинцы забастовали. В 3 ч. 40 м. прекратил работу Миусский трамвайный парк (200 чел.), отправивший депутацию в городскую управу с требованием увеличить содержание, выдать спецодежду и т. д. В эти же часы бросили работу типографщики Куманина (120 чел.), Гросман и Вендельштейн (50 чел.) и Мальцова (30 человек), требуя увеличения платы и девятичасового рабочего дня.

Находившийся в руках меньшевиков нелегальный союз московских типо-литографских рабочих по поводу начавшихся стачек в их профессии выпустил обращение к забастовавшим. Оно начиналось словами: „Товарищи! Вы начали стачку, не дождавшись приказа со стороны нашего союза; тем не менее мы решили присоединиться к вам и со вчерашнего дня обращаемся ко всем типографиям с приказом бастовать вместе с вами“ [3])...

Таким путем из индивидуальных стачек отдельных типографий начинала развертываться новая форма — стачки профессии в пределах большого города — второй столицы страны .Это развертывание шло очень быстро. 22 сентября к стачке примкнули почти все крупнейшие предприятия этой отрасли промышленности. Забастовал ряд типографий, печатавших газеты. Либеральные „Русские Ведомости“ вытребовали для себя

---

[1]) См. приложение № 3.

[2]) Обычно историки 1905 г. начало октябрьской стачки связывают со стачкой сытинских типографов. На самом деле это далеко не так, как видно из предшествующих фактов. См. также приложение № 5.

[3]) Д. М. О. О. № 773 — 1905 г. Обращение союза датировано 21 сент. В одном из перехваченных охранкой писем сообщается, что союз *готовил и хотел приурочить забастовку ко времени всеобщей стачки по поводу какого-либо политического события, но зубатовцы вызвали* ее преждевременно с тем, чтобы раздробить силы и тем смазать ее значение.

охрану. Некоторые из типографий рабочим приходилось „снимать", заставлять присоединяться к стачке путем угроз, выбития стекол. В „Московских Ведомостях" стачечникам пришлось даже снять ворота.

В этот же день в типографии Калинина на Петровке (59 рабочих) рабочие впервые выдвинули требование восьмичасового рабочего дня и окончания работы под праздники на 1 час раньше, — т. е. 47-часовую рабочую неделю [1]).

Одновременно с типографщиками начала формироваться и другая колонна стачечников — муниципальных рабочих и служащих. 20 сентября слесаря не выпустили трамваев из Миусского парка.

21 сентября в городскую управу поступили требования рабочих и служащих городских водокачек с угрозой стачкой [2]).

Промелькнуло известие о стачке телеграфистов [3]). Наконец, в стачку ввязываются пищевики. Забастовали рабочие водочного завода С. И. Смирнова (70 чел.). 23 сентября забастовали пекаря у Филиппова, кондитеры Эйнем. Наконец, забастовали табачники: сначала у Габая, где рабочие созвали общее собрание, „обсудили нужды, выбрали депутатов и предложили через них свои требования: сокращение рабочего дня и соответственное повышение расценков, признание депутатов и целый ряд мелких требований". 24 сентября остановилась табачная фабрика Дукат. Требования всюду экономические. Собрания. Выборы депутатов. Решено создать общедепутатское собрание с выделением постоянного исполнительного органа.

Табачники требовали у своей администрации помещения для собраний внутри своих фабрик.

Далее, к стачке примыкают столяры, и начинают готовиться и механические заводы. У Бромлея вырабатываются требования.

Меньшевики выносят решение: 1) искусственно не поднимать рабочих; 2) действовать митингами, призывая всех рабочих обсуждать, как им откликнуться на происходящие в Москве события; 3) предложить выбирать депутатов и связать

---

[1]) Для характеристики требований типографов в сентябрьскую стачку см. приложение № 4.

[2]) О том же служащих и рабочих городского управления см. приложение № 6.

[3]) „Рабочий Ежегодник", 1906 г., стр. 189.

депутатов между собой; 4) ко всеобщей стачке не призывать до тех пор, пока движение не захватит механические заводы, которые здесь, как везде, являются наиболее влиятельными; 5) вступить в соглашение с большевиками.

Либеральные профессора решают допускать в университет только студентов, и рабочие вынуждены собираться на улицах.

В первую очередь уличные собрания и митинги проводят типографщики. Их разгоняют казаки и жандармы. Начинаются с ними стычки.

Какой характер имели эти стычки, видно из нижеследующей телеграммы:

Петербург товарищу министра внутренних дел заведывающему полицией. 23 сентября с утра *партия забастовавших типографщиков, желая принудить к забастовке* других, начала обходить типографии, где работы *продолжались*, но *полицейскими нарядами* не допущены, при чем *задержано 12 чел.* В 4 часа дня *большая толпа* собралась на Страстной площади, *встретив высланный полуэскадрон жандармов камнями* и двумя *выстрелами*, при чем *ушиблен* ротмистр *Величковский и унтер-офицер и ранен пулей навылет рядовой. Толпа рассеяна* жандармами и подоспевшими казаками. В 6 часов у редакции „Московского Листка" ушиблены камнями 4 казака, околоточный и 2 городовых. В 8 час. веч. в *эскадрон* сумцев были *брошены толпою* из-за решетки Никитского бульвара *камни*, коими *ушиблено 4* драгун. К 10 час. веч. *порядок водворен.* На завтра полицейские наряды *усилены пехотой и кавалерийскими частями*, будут приняты *решительные меры* в случае *возникновения беспорядков.* Докладываю, что положение с каждым днем становится серьезнее. Генерал-майор Медем. 23 сентября 1905 г. [1]).

В то время, как события развертывались на улицах, меньшевики стремились ограничить движение профессиональными целями. Ссылаясь на то, что стачка разрешена законом, типографщики решили требовать у городской управы Грузинский народный дом для своих профессиональных собраний. В этом им было отказано. В прокламации по этому вопросу меньшевики написали: „градоначальник не виноват, что собрания не разрешаются, виноват закон, который он исполняет".

Меньшевистский союз типграфов не раз предлагал рабочим оставаться на мирной почве, избегая „чужих митингов" и воздерживаясь от бесполезных столкновений с вооруженной силой" [2]).

[1]) Д. М. О. О. № 773. Подчеркнутые места были зашифрованы.

[2]) Там же. Из листка № 3 Союза моск. типо-литогр. раб.

Под давлением разрастающейся стачки в общих требованиях типографщиков появляется 8-часовой рабочий день. Полиция разгоняет типографов в Грузинах. В центре города на Тверской войска осаждают дом Филиппова. Забастовавшие [1]) булочники вступили в бой с казаками и полицией, осыпая их с крыши дома поленьями *дров, обломками кирпичей,* камнями.

Открывается обстрел дома по всем правилам военного искусства. Две роты солдат производят обходное движение, проникают в дом сзади и захватывают „неприятельскую позицию". Со стороны полиции и войска были раненые.

192 булочника арестованы и смертным боем избиты в охранке.

В объявлениях градоначальника от 29 — 30 сентября сообщалось, что в течение „беспорядков 23 — 25 сентября пострадали 16 полицейских чинов, 10 казаков, из которых 1 умер, 4 драгуна и 4 жандарма, в том числе 1 офицер [2]).

В последующие дни стычки рабочих с войсками и полицией были у фабрики Зибрехт, около „Дукса" и в других местах.

Эти форпостные стычки пролетариата со старой властью указывали, что „экономическое" чисто профессиональное движение легко может перейти при создавшихся условиях в политическую борьбу. Это прекрасно понимали представители „старого порядка", когда они из Петербурга давали „нагоняй" московскому градоначальнику барону Медем: „Скопление на улицах демонстрантов до размеров толпы московская полиция ни в коем случае не должна была допускать, рассеивая отдельные кучки более своевременно, чем это было выполняемо на самом деле. Еще менее можно было допускать, чтобы эти толпы демонстративно двигались по улицам, и вообще полицейским нарядам при подавлении беспорядков надлежит действовать более энергично". Три последних слова на оригинале этого документа густо подчеркнуты московским градоначальником бароном Медем синим карандашем два раза, а с боку им же наложена такая характерная для оценки момента резолюция: „Принять к руководству в будущем,— но для этого нет необходимых сил и средств. Необходима сильная власть или введение военного положения, чего не избегнуть" [3]).

[1]) „Пятый год". Воспоминания Н. В. Морозова, стр. 223.
[2]) „Правда". Сентябрь — октябрь 1905 г., ст. „Моск. дни", стр. 316 — 317.
[3]) Д. М. О. О. № 773, т. II.

В „Новом Времени“ московские события оценивались: „пока это еще не пожар, но уже несомненный поджог;— пока это еще не революция... но уже пролог к революции“.

Московский комитет большевиков в прокламации от 25 сентября „Ко всем рабочим и работницам Москвы“ давал следующую оценку событиям.

Начинаются для нас, рабочих, серьезные трудные дни. Всколыхнулся, наконец, и в Москве рабочий народ. Забастовали типографщики. К ним присоединились служащие на электрических трамваях, булочники, кондитеры. Завтра, вероятно, забастуют и другие рабочие. Толпами ходят по улицам забастовщики, кое-где происходят у них стычки с жандармами. Вчера каменьями рабочие разогнали жандармскую шайку у Тверского бульвара. На Тверском бульваре днем было столкновение с казаками. Вечером же у памятника Пушкина собралась большая толпа, ее оцепила со всех сторон полиция, против нее были выстроены у стен Страстного монастыря войска и тем не менее толпа не расходилась. В виду войск у полиции произносились ораторами речи. Ораторы объясняли рабочим все великое значение надвигающейся борьбы, колебали трусливое и нагло-жестокое правительство. Ночью казаки, жандармы и городовые напали на рабочих и студентов и зверски били их нагайками, шашками и палками. Так было вчера. Сегодня ряды забастовавших еще увеличились, сегодня предполагаются еще народные собрания. Неужели, товарищи, остальные рабочие останутся равнодушными зрителями начатой борьбы за общее дело, борьбы за освобождение всего пролетариата? [1])

Все рабочие Москвы должны присоединиться к забастовавшим. Почему? Потому, товарищи, что забастовка есть начало, есть первый выход рабочего на борьбу с ненавистным врагом рабочих — самодержавным правительством.

Рабочие бастуют,— рабочие перестают на время обогащать своим трудом капиталистов. В то же время они говорят: „Мы—великая трудовая пролетарская армия, рано или поздно освободимся от вас, возьмем ваши фабрики, заводы в свои руки, утвердим на земле царство труда и свободы вместо вашего подлого царства наживы и насилия“. А правительству забастовщики грозят иначе: „Смотри и бойся. Если мы сумеем сплотиться, чтобы прекратить работу, то сумеем добраться до шайки всех законодателей и опекателей, которая только одно и знает, как покрепче скрутить рабочего, так скрутить, чтобы ему нельзя было освободиться от своей каторжной жизни“...

Забастовка — первый шаг, первая проба сил. Она превращает всех рабочих без различия профессий и лет — булочников, типографщиков, ткачей, механиков — в одну дружную армию, готовую и для натиска, и для отпора. Спаянные борьбой, мы, бодрые и смелые, двинемся в бой с самодержавием, чтобы завоевать рабочему классу политическую свободу и добиться нужных нам законов. От спячки к стачке, от стачки к вооруженному восстанию, от

[1]) Примечание авторов прокламации или подпольных наборщиков — „Когда набирался этот листок, нам стало известно что казаки на Тверском бульваре дали два залпа по толпе, при чем есть убитые и раненые“.

восстания к победе — таков наш путь, путь рабочего класса. Смелее же, товарищи! Вперед на борьбу за народное освобождение!

Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует РСДРП!

Московский комитет ставил перед пролетариатом задачу развертывания стачки до вооруженного восстания.

В другом листке давались еще более конкретные, решительные лозунги: „Революционный народ! Готовься к решительным битвам. Товарищи рабочие! собирайте силы, вооружайтесь, подготовляйтесь нанести смертельный удар старому порядку"...

Стачка за экономические интересы переродилась в политическую борьбу с самодержавием...

К концу сентября мы имели для Москвы следующую картину стачки: бастуют все типографии за небольшими исключениями, ими руководит нелегальный профсоюз и в виде Совета депутатов и его исполнительного органа ведет переговоры с администрацией. Стачка этой профессии для Москвы была всеобщей. Столяры, главным образом, рабочие мебельных фабрик, во всем следовали за типографами [1]). Из механических заводов в стачке участвовало до 15 предприятий, при чем лишь в отдельных случаях поднимался вопрос о начале работ на старых условиях и то не всеми рабочими [2]).

Так, часть гопперовцев, пробастовав восемь дней, соглашалась начать работы на прежних условиях и давала обещание до пасхи 1906 г. „не принимать никакого участия в забастовках" и работать сверхурочно.

Стачки булочников и кондитеров, колбасников, табачников превращались в перемежающиеся: то бастуют, то работают, то снова бастуют. Но твердо проходила стачка в мастерских Брестских железных дорог [3]).

Вскоре почти все ювелирные мастерские примкнули к стачке.

Из ситцепечатников бастовали фабрики Хишина, Карякина и др. В обойных, ваксы, футлярных и др. мелких фабриках стачки возникали и быстро потухали. Рабочие удовлетворялись мелкими уступками. По требованиям рабочих главных профессий (см. приложения № 1 — № 7) можно

[1]) Требования столяров см. приложение № 7.

[2]) Требования механических рабочих см. приложения №№ 8 и 9.

[3]) Требования см. приложение № 10.

видеть, что восьмичасовой рабочий день фигурирует почти всюду. Начинают выдвигаться и политические требования — свободы собраний, союзов и т. д., учредительного собрания (завод Густав Лист), неприкосновенности депутатов и пр.

Таким образом, кроме текстилей и мелких предприятий, московские рабочие почти все были вовлечены в сентябрьскую стачку, становившуюся в конце концов все более и более близкой ко всеобщей стачке данной территории и определенно переходившей от „экономики к политике".

В сентябрьские дни рабочая масса Москвы проделала первую репетицию уличной борьбы с полицией, жандармами и казаками. Уличная митинговая лава разлилась по Тверской, Бронной, Девичьему Полю, Патриаршим Прудам, у железнодорожного моста, у храма Христа" [1]). Агитация за всеобщую стачку велась не только на предприятиях, но и на улицах, на закрытых для полиции митингах в межевом и инженерном институтах, в высшем техническом училище, где собирались и деньги на оружие, и отдельно стояла кружка с надписью „на бомбы". Только в университет почти до октября месяца рабочие, несмотря на постановление общего собрания студентов, не могли пробраться, встречаясь с противодействием либеральной буржуазии, которое было сломлено лишь последующими событиями.

Что стачка переходила из экономической в политическую, что она вызывала серьезную боязнь у администрации, видно из следующего документа:

Секретно. Московскому генерал-губернатору, 28 сентября 1905 года Происходящая в настоящее время забастовка рабочих некоторых промышленных заведений и фабрик под влиянием местных революционных организаций сопровождается уличными беспорядками, для предупреждения которых ныне установлен усиленный наряд войск, доходящий до 23 рот пехоты, 12 эскадронов и сотен драгун, казаков и жандармов. Подобный наряд, принимая во внимание общий состав московского гарнизона, состоящего из 9 пехотных полков, 9 сотен казаков, 6 эскадронов драгун, 2 эскадронов жандармов и 1 артиллерийской бригады, — не может не быть признан весьма обременительным для названного гарнизона.

Независимо от сего, возникшее среди революционных организаций намерение в недалеком будущем осуществить всеобщую политическую забастовку, с целью приостановить обычное течение общественной жизни и принудить все

[1]) „История Сов. раб. деп.", стр. 54.

население столицы присоединиться к требованиям забастовщиков, — в случае своего осуществления, ставит естественно на очередь вопрос, в состоянии ли будет московский гарнизон в настоящем его составе при его малочисленности поддержать порядок в столице.

Представляя об изложенном вашему высокопревосходительству, доношу, что с своей стороны полагал бы необходимым, в виду настоящего тревожного времени, возбудить ходатайство об усилении московского гарнизона.

Генерал-майор барон *Медем* [1]).

В связи с брожением в железнодорожных мастерских М.-Курской и М.-Казанской дорог в Москву стягиваются жандармы из ближайших узлов, но это вряд ли считалось серьезной „подмогой".

Такая ситуация складывалась в Москве перед общей железнодорожной забастовкой.

В Петербурге в дни московских событий происходило почти такое же превращение мелких экономических стачек в мощную политическую забастовку, хотя, в отличие от Москвы, здесь пролетариат проходил несколько иную школу. Со второй половины сентября в Петербурге наблюдалось усиленное развитие политической агитации революционных партий и, главным образом, социал-демократов. В эти дни петербургские учебные заведения удалось использовать полнее, чем в Москве. Но стачечное движение этим не исключалось. Так, 21 сентября бастовал Невский судостроительный завод, 26 сентября остановился завод Сан-Галли.

Настроение рабочей массы вообще было чрезвычайно повышенное, и когда 1 октября из Москвы прибыл делегат от совета депутатов типографских рабочих, то „созванное по этому случаю союзом рабочих печатного дела общее собрание членов привлекло более трех тысяч человек. Собрание встретило очень сочувственно доклад делегата о московских событиях и единогласно приняло предложение своего бюро: оказать денежную помощь московским товарищам и для моральной поддержки их требований объявить на три дня забастовку-демонстрацию" [1]). С понедельника, 3 октября, в Петербурге началась всеобщая трехдневная стачка солидарности типографских рабочих.

Интересно отметить, что весть о московской типографской стачке нашла отклик и в провинции. Так, в Саратове стачка

[1]) Д. М. О. О. № 773.

[2]) *Гриневич.* — „Проф. движение рабочих в России", стр. 30.

типографов, начавшись 26 сентября, распространилась так же, как и в Москве и в Петербурге, на газеты. Далее — в Саратове, как и в столицах, стачкой руководил особый комитет выборных от типографий. Саратовским типографщикам удалось устроить, с разрешения полиции, общее собрание забастовавших, на котором и были утверждены общие требования: восьмичасовой рабочий день, 20% повышение платы и т. д. К 6 октября саратовцы добились почти полностью удовлетворения своих требований и в том числе восьмичасового рабочего дня [1]), чего не добились рабочие этой профессии почти ни в одной из столичных типографий.

Всеобщая стачка одного центра одной профессии постепенно перебрасывалась в другие города и, таким образом, превращалась в стачку более широкого масштаба. Однако, при профессиональной неорганизованности рабочих такого вида стачечное движение до железнодорожной забастовки широкого размаха не имело.

---

[1]) „Сарат. Листок", № 199, 1905 г.

Глава IV

Железнодорожная октябрьская стачка.

Стачки железнодорожников в 1905 году начались еще с февраля и в марте охватили до 13 железнодорожных линий, распространившись до Сибири. Эти стачки вызвали указ о „милитаризации“ ж. д., и к числу причин недовольства железнодорожников должно быть отнесено и это фактическое введение военного положения на ж. д. Отдельных выступлений до октября было около пяти случаев на линиях и значительно больше по ж.-д. мастерским. В связи с накопившимся недовольством ж.-дорожников июльский съезд ж.-д. союза постановил: „а) немедленно приступить к агитации за всеобщую забастовку служащих и рабочих всех железных дорог для достижения целей союза, б) забастовка должна быть боевой, в) установление момента всеобщей забастовки предоставляется центральному бюро, при этом съезд рекомендует бюро при решении данного вопроса руководиться соображениями как о степени подготовленности жел. дорог к забастовке, так и об общих политических условиях данного момента, г) при объявлении всеобщей забастовки местные комитет и бюро союза входят в соглашение о времени начала забастовки со всеми политическими партиями и местными организациями, не противоречащими целям союза“.

Таким образом, принимая во внимание, что политические цели союза стояли на первом плане, стачку предполагалось приурочить к какому-либо важнейшему политическому событию и придать ей характер политического выступления железнодорожного пролетариата... С опубликованием указа о Булыгинской Думе железнодорожный союз, связавшийся тесно с Союзом союзов — интеллигентской организацией полуполитического, полупрофессионального характера с преобладанием всякого рода радикальничающей буржуазной интеллигенции

до эсэров включительно [1]), находил, что стачку железнодорожников следует связать с моментом открытия Думы, и полагал, что путем такой стачки, как железнодорожная, можно будет вырвать у правительства серьезные уступки вплоть до... Учредительного Собрания.

Несколько иначе подходили к железнодорожной стачке большевики, согласно директив III съезда партии организовавшие в Москве социал-демократический железнодорожный профессиональный союз. Разоблачая половинчатость деятелей из Союза союзов, московский комитет большевиков рассматривал железнодорожную стачку, как один из этапов вооруженного восстания, что видно также и из ранее приведенной прокламации в связи с сентябрьскими стачками рабочих фабрик и заводов.

Влияние большевиков среди железнодорожных служащих, однако, было сравнительно не велико. Т. Мандельштам в воспоминаниях сообщает, что связи у партии были, главным образом, среди рабочих железнодорожных мастерских.

Как началась октябрьская железнодорожная стачка? Какова была связь этой стачки с непосредственно предшествовавшими ей стачками фабрик и заводов главным центром движения, Москвы и Петербурга.

Историки стачки, тт. Покровский, Троцкий и др., отмечают, что после московских сентябрьских стачек наступил некоторый перерыв в движении, а потом вспыхнула железнодорожная стачка и вовлекла снова в движение весь пролетариат России [2]).

Фактически дело обстояло не совсем так. Прежде всего установили точно дату начала железнодорожной стачки.

Источники по этому вопросу говорят, что настроение железнодорожников московского узла перед 4 октября было таково, что „каждый час они могли забастовать. Центральное бюро союза решило воспользоваться таким положением и объявить всеобщую железнодожную забастовку. Сначала

[1]) Союз железнодорожников между прочим „обхаживал“ один из лидеров моск. организации эсэров Фундаминский — „Непобедимый“,— см. о нем дело № 797 М. О. О., стр. 54.

[2]) См. *Покровский* — „Русская история в сжатом очерке“, часть III, стр. 161; *Троцкий* — „1905 г.“, стр. 90; *Горин* — „Очерки по истории Совета рабочих депутатов“, стр. 15; *Хрусталев-Носарь* — „История Совета рабочих депутатов“, стр. 55 и др.

день объявления забастовки был назначен на 4 октября. Перед этим центральное бюро союза вошло в переговоры с партиями и политическими профессиональными (читай—Союзом союзов. *А. Ш.)* союзами относительно совместных действий. Социал-демократы (читай—большевики. *А. Ш.*) заявили, что в мастерских некоторых дорог, где у них имеются организации, начнут забастовку первыми, но от объявления общей забастовки они отказываются, так как считают момент неподходящим. Социалисты-революционеры и почти все союзы изъявили готовность примкнуть к забастовке. Однако, 4 октября забастовка не началась, и к 6 октября окончательно выяснилось, что призыв с.-д. железнодорожных организаций к забастовке не имел успеха. Тогда центральное бюро союаа, находя невозможным откладывать забастовку, решило само начать ее"[1]).

В заседании центрального бюро ж.-д. союза 5 октября большинством голосов было принято решение „организовать забастовку 7 октября".

„...6 октября в бюро был разработан план проведения забастовки, требования и пр.[2]). Хотя начало стачки датировалось 7 октября, но она началась раньше, накануне, когда в 2 часа дня не без влияния большевистской организации стали М.-Казанские ж.-д. мастерские[3]), а к вечеру на той же линии бросили работу машинисты товарных поездов, остановившие работы на передаточном пункте грузов с Казанской на Николаевскую дорогу и устроившие попытку снять с работ телеграфистов на пассажирской станции М.-Казанской ж. д. Этих первых забастовщиков *6 октября* (курсив мой. *А. Ш.)* усиленный наряд полиции вышибал с пассажирской станции, при чем двое были арестованы"[4]).

Теперь посмотрим, что происходило непосредственно перед 7 октября на фабриках и заводах Москвы и Петербурга.

Перед нами статистика московского охранного отделения, правда, весьма неполная и не охватывающая ряда предприятий, но все же некоторые выводы по ней можно сделать.

---

[1]) „Транспортник", стр. 241. Воспоминания М. Б. (Богданова, секретаря союза).

[2]) *М. Б.* — „Очерк по истории ж.-д. забастовки", стр. 31, 33 и др.

[3]) *Обнинский.* — „Полгода русской революции", стр 27.

[4]) „Право", № 45 — 46, 1905 г., прил. стр. 2.

По Москве бастовало (по нашим подсчетам) 29 сентября [1]) около 15.000 рабочих, 4 октября в связи с началом работ *некоторых типографий и заводов* в стачке участвовало 91 заведение с 12.789 рабочими, 5 октября число заведений сократилось на три, а число бастовавших рабочих до 12.275. Наконец, 6 октября в Москве бастовало 79 предприятий с 11.554 рабочими, при чем взамен значительного числа типографий, начавших работу, кадры стачечников пополнялись рабочими фабрик гильз, серебряных изделий, ювелиров, котельных заводов, мельниц и т. д. Приводимая во всех источниках по истории октябрьской стачки газетная телеграмма из Москвы в Петербург от 6 октября: „Стачка окончена", как видите, не соответствовала действительности. Это была провокационная газетная утка для срыва рабочего движения в Петербурге, где с 3 октября шла стачка типографщиков, к которой на следующий же день примкнул ряд заводских предприятий.

Если в Москве стачка локализировалась в экономических требованиях отдельных профессий и уличные выступления рабочих приутихли, то в Петербурге движение сразу же приняло формы политического протеста и бурных уличных столкновений.

Из фактов, отмеченных в печати, за эти дни мы имеем следующие:

4 октября [2]) пехота разгоняла рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг, примкнувших к стачке. 10 рабочих получили ушибы, ссадины и штыковые раны... На улице толпа была рассеяна конною и пешею полицией.

В тот же день забастовал Невский завод. Рабочие устроили демонстрацию и съемку соседних фабрик. Конную полицию и сотню казаков встретили камнями и револьверными выстрелами. Казаки также стреляли. С наступлением темноты группы рабочих разбили 30 фонарей и пытались разгромить винную лавку. При рассеянии неопасно ушиблены камнями два офицера и один казак, и один урядник тяжело ранен в голову.

[1]) День наибольшего подъема стачки в сентябре 1905 г.

[2]) Сведения заимствованы из „Москов. Ведом.", № 166, 1905 г, поэтому окраска событий носит специфический колорит, который мы не считали нужным изменять.

Из чинов полиции неопасно пострадали помощник пристава и городовой. Того же 4 октября рабочие Семянниковского завода, согласно заранее выработанному плану, прекратили работы и с пением „Марсельезы“ густою толпою направились по Шлиссельбургскому проспекту. К демонстрантам присоединились рабочие попутных фабрик и вагонных мастерских Александровского механического завода. Громадная толпа, в несколько десятков тысяч человек направилась к Фарфоровому заводу, с целью привлечь к забастовке и демонстрации его многочисленных рабочих, но было поздно. Ко времени прихода демонстрантов Фарфоровый завод был закрыт, так как заводские работы оканчиваются там в 5 час. дня. Первое столкновение с полицией имело место между двумя и тремя часами дня у фабрики Паля. В это время демонстрация охватила громадный район от завода Семянникова до Щемиловки в с. Смоленском. Беспорядки продолжались весь день. За это время дело доходило несколько раз до рукопашных схваток демонстрантов с полицией и войсками... Во все время беспорядков войска хотя и давали залпы, но холостыми зарядами. Из толпы было сделано несколько револьверных выстрелов, причинивших более или менее тяжелые поранения чинам полиции. Особенного напряжения достигла схватка у фабрики Паля. Здесь в войска и полицейские наряды посыпался град камней. Из отдельных эпизодов отмечают разгром поезда пригородной паровой железной дороги. Толпа остановила поезд и начала громить камнями окна и рамы вагонов. Пассажиры, к счастью, успели выйти из вагонов, и опасно пострадал только поездной машинист, контуженный камнем в голову...

Коночное сообщение прекратилось.

В тот же день забастовали рабочие петербургского монетного двора. При выходе из мастерских, они встретились с отрядом войск, призванных для поддержания порядка. Между войсками и рабочими произошло столкновение. Несколько человек ранено.

5 октября к вечеру стали снова собираться толпы рабочих, и одна из таких групп разгромила и подожгла казенную винную лавку в с. Смоленском. Причины забастовки исключительно политические. Решено продолжать забастовку до тех пор, пока требования рабочих не будут исполнены.

В университете 5 октября состоялся 10-тысячный митинг, главным образом, рабочих[1]).

В прокламации по этому поводу петербургский комитет большевиков писал:

Петербургские события[2]) показали, что мы не отстаем от московских товарищей в чувстве солидарности, в ненависти к правительству, в революционном настроении. Мы показали, что все считаем себя членами одной великой рабочей семьи... Мы не выставили никаких экономических требований, мы устроили лишь политическую стачку, которая должна лишний раз показать пред всеми нашу силу и готовность к борьбе.

Но этот смотр наших сил обнаружил, товарищи, и слабые наши стороны.

Организуйтесь же, товарищи, просвещайте малосознательных рабочих, вооружайтесь, устраивайте боевые дружины...

Прокламация заканчивалась призывом к вооруженному восстанию.

Меньшевики также отозвались на эти события особым листком, в котором призывали рабочих с оружием в руках и с проклятиями на устах добиваться политических свобод и... раз рабочих не пустили в Государственную Думу, то выбирать по фабрикам и заводам своих депутатов в свою собственную „Всенародную Думу". Такая Дума должна была стать, по мнению меньшевиков, центром, *головой* (подчеркнуто ими) всенародного восстания, которое сметет и самодержавие, и Гос. Думу, „если она присоединится к правительству царя"[3]).

Меньшевики, как видите, говорят о восстании намеренно в очень туманных выражениях, выдвигая на первый план не самое восстание, а выборы в какую-то „Всенародную Думу" (тоже какой-то суррогат Учредительного Собрания). Однако, то обстоятельство, что они все же заговорили о восстании, характерно для учета настроения рабочих масс в данный момент и давления их на меньшевиков.

Такое энергичное выступление петербургского пролетариата с политическими требованиями очень тщательно учитывалось железнодорожниками и в Москве.

---

[1]) Все эти сведения заимствованы из „Моск. Вед." и „Бирж. Вед.", за 8 октября 1905 г.

[2]) Забастовка за Невской заставой, столкновения с казаками, избиение рабочих экспедиции заготовления государствен. бумаг и т. д. (см. „1905 г. в Петербурге", прокламация № 143, стр. 301).

[3]) См. „1905 в Петербурге", прокламация № 144, стр. 304.

Сентябрьские стачки и волнения в главных железнодорожных мастерских Москвы были для них также весьма симптоматичны. Таким образом, выступление казанских машинистов с товарных поездов 6 октября — эсэров и социал-демократов по преимуществу (среди них был известный эсэр Ухтомский, героически погибший в декабре 1905 г.) — находилось в тесной связи и с призывами с.-д. железнодорожного союза, и с директивами центрального бюро союза железнодорожников, решившими начать железнодорожную стачку. Призыв к стачке на железных дорогах, распространявшийся на митинге в Константиновском межевом институте 3 октября от имени рабочего комитета железнодорожного района партии эсэров (см. прил. № 11), также имел для них свое значение.

Таким образом, можно почти с уверенностью сказать, что *железнодорожная октябрьская стачка возникла непосредственно в период непрекращающейся стачечной борьбы фабрично-заводского пролетариата Москвы и Петербурга* и в значительной мере под ее влиянием.

Вместе с этим важно подчеркнуть, что довольно широко распространенное представление о вовлечении железнодорожниками пролетариата России во всеобщую политическую стачку, таким образом, не совсем правильно. Железнодорожникиб ыли вовлечены в стачку, главным образом, рабочими московских и петербургских предприятий, наиболее классово развитыми и политически воспитанными группами пролетариата, но в дальнейшем самым фактом стачки железнодорожники подняли на борьбу почти по всей стране огромные массы пролетариата не только столиц, но и провинции. Остановка транспорта являлась во многом решающей, так как этим путем парализовался весь хозяйственный ход страны и особенно промышленных предприятий.

На примере развития железнодорожной стачки на Московско-Казанской ж. д. можно видеть, как она постепенно охватывала различные группы железнодорожников. После того, как забастовали мастерские и машинисты, нужно было остановить линию, и вот как это происходило, как видно из документов охранного отделения:

„В 12 часов ночи явилась на станцию Перово толпа забастовщиков из железнодорожных служащих во главе с механиком

телеграфа Бедновым и машинистом Ухтомским, обратившимся к служащим Перова со словами: „Товарищи, мы забастовали, просим и вас присоединиться к нам", и служащие станции Перово тут же прекратили работы".

А дальше пошла со ст. Перово телеграмма по линии с извещением о забастовке и просьбой о поддержке. 7-го числа, кроме Москвы, бастовали и линии — Сасово, Рузаевки и Рязань. В этот же день „утром, среди явившихся на занятия служащих управления М.-Казанской ж. д. началось брожение. К 12 часам дня все служащие забастовали. Из управления толпа забастовщиков направилась в службу телеграфа, и там прекратились работы. Явившись в контору и центральное управление, толпа потребовала от директоров прекращения занятий; забастовщики грозили, что, в случае непрекращения работы, будут изорваны все бумаги. После прекращения занятий касса охранялась полицией. Здесь состоялся митинг. Параллельно с этим, часть толпы с Рязанского вокзала направилась на Ярославский. И тут, по требованию забастовщиков, также прекратились работы в управлении и в службе телеграфа".

7 октября бастовали 300 служащих управления Московско-Казанской железной дороги, агенты службы движения, тяги, ремонта пути и прочие. К забастовщикам примкнули также служащие телеграфа при станции „Москва" этой дороги. Движение пассажирских поездов, однако, еще продолжалось беспрепятственно; движение же товарных поездов приостановлено; были пропущены лишь два санитарных поезда и один воинский. Прибывший из Петербурга вагон с грузом золота, назначенного на Дальний Восток, не мог быть принят на Московско-Казанскую железную дорогу для дальнейшего отправления по назначению. По случаю забастовки не мог быть передан также с Николаевской железной дороги на Казанскую прибывший со скорым поездом из Петербурга салон-вагон с семейством гр. Орлова-Давыдова.

Стачка вступала в свои права. Забастовавшие выбрали от всех служб и мастерских дорожный стачечный комитет в составе Белоусова, Сумеркина, Батакова, Виноградова, Котляренко и др. Стачечные ячейки имелись и по службам. Из-за невозможности легально собираться было назначено общее для всех делегатов место для встреч на бульваре Чистых

Прудов и в других местах, куда встречи переносились вследствие преследований полиции. К казанцам примкнули и другие дороги. Так, ушли с работы служащие службы сборов М.-Ярославской ж. д. Тогда же московский узловой комитет всероссийского железнодорожного союза распространил среди еще работавших железнодорожников листки такого содержания.

Всероссийский железнодорожный союз.

Товарищи! На улицах Москвы в настоящее время льется кровь забастовавших рабочих; на все их требования правительство отвечает только оружием. Преступлением считается самое мирное собрание, участников которого безжалостно расстреливают. Правительство, доживая свои последние дни, пытается беспощадно залить кровью начавшийся пожар рабочего освобождения. В этом движении оно чувствует ту страшную силу, которая должна будет нанести ему последний смертельный удар. Забастовавшие московские рабочие требуют свободы слова и печати, *свободы собраний*, союзов и стачек, созыва народных представителей, свободно избранных всем населением страны на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Эти элементарные человеческие требования, необходимые всему русскому народу, выставлены и на знамени нашего Всероссийского Железнодорожного Союза.

Товарищи, мы так же, как и забастовавшие московские рабочие, боремся за эти права, мы так же, как они, считаем, что добиться их можно только забастовкой: мы располагаем огромной силой, в руках наших находится движение всех железных дорог. Время настало. Объявив немедленно забастовку и, *присоединившись к москрвским рабочим*, мы создадим совместно с ними такую силу, перед которой правительство должно будет пойти на уступки. Таким образом, мы добьемся осуществления наших требований и спасем сотни рабочих жизней, которые немедленно должны будут погибнуть под пулями и штыками солдат, если мы не придем к ним на помощь.

Товарищи, смело вперед за свободу и лучшую жизнь, мы не одни, с нами все московские рабочие, за нами вся трудовая Россия. Наше дело — правое дело. Действуя дружно, мы должны победить, и мы победим.

Товарищи, выставляйте при забастовке те требования, которые уже нами выработаны, но помните, что без политической свободы они не достижимы, в чем мы уже убедились в начале нынешнего года, и потому во главе программы должны непременно стоять перечисленные выше основные политические требования. Со своим начальством не вступайте ни в какие переговоры, так как оно ничего не может нам дать и будет нас, как и раньше, только обманывать. На всех дорогах, в правлениях, управлениях, мастерских, депо и т. д. выбирайте своих представителей, которым совместно со всеми представителями московских дорог поручите наше общее дело, согласно выставленным всеми требованиям [1]).

[1]) Дело № 797 М. О. О., стр. 110. Документ издан цетр. бюро всерос. ж.-д. союза.

Правление М.-Казанской жел. дор. затребовало в тот же день, — 7 октября, 40 машинистов и 40 их помощников из одного из железнодорожных батальонов, пытаясь таким путем восстановить движение.

Но, в свою очередь, действовала и стачка. До прибытия войск на М.-Казанской ж. д. удалось совершенно прекратить работу в мастерских, выпустить пары из всех паровозов в депо, остановить три пассажирских поезда, свалить два товарных вагона в поворотный круг и обрезать семафорные провода. С 3 часов дня прекратилось и пассажирское, и товарное движение, и занятия в конторах. Двух арестованных „агитаторов" железнодорожников жандармы вынуждены были освободить „под влиянием угроз толпы забастовщиков".

Бакинский экспресс застрял на ст. Перово, скорый № 1 едва добрался до Сокольников, сызранский № 5 затерялся где-то на линии. К вечеру все семафорные столбы у входа на станцию были свалены, семафорная будка испорчена, порваны телеграфные провода и у Гаврикова переулка развинчены рельсы... Когда стемнело, электричества не зажгли. По вокзальным путям расставили две роты солдат.

Казанцам очень хотелось остановить Николаевскую ж. д., продолжавшую работать под охраной казаков, но это в первый раз не удалось. Начали действовать обходным путем. Направились к ярославцам и здесь остановили работы в ярославских мастерских.

7 октября забастовала часть служащих М.-Курской и М.-Нижегородской ж. д., затем на ст. Кусково Нижегородской ж. д. толпа забастовщиков с той же Казанской ж. д. (около 200 чел.) прекратила работы в ремонтных казармах и в конторе обменного парка.

На других дорогах движение поездов все еще шло нормально и стоило больших усилий развернуть стачку во всем московском узле. Принимались прямо героические меры. Так, на Виндаво-Рыбинской ж. д. четыре дежурных телеграфиста в 2 часа ночи дали по линии до Виндавы депешу о начавшейся забастовке и о прекращении работ по этой дороге. Начальник движения узнал о посланной телеграмме и дал по линии контр-депешу. Телеграфистов решили арестовать, но они успели удрать, и их задержали через некоторое время

на ближайшем посту, где они успели передать по аппарату новую телеграмму о начавшейся стачке с призывом присоединиться. Телеграфистов арестовали. В ту же ночь станцию заняли войска.

Центральное бюро союза, однако, все же успело разослать условную телеграмму по всем дорогам с призывом к забастовке. В дальнейшем железнодорожная стачка развертывалась уже быстрее, и 8 октября движение поездов остановилось на Казанской, Ярославской, Ряз.-Уральской, Курской и Нижегородской линиях. В ночь с 7 на 8 октября жандармы арестовали выслеженных ранее через провокатора Немчинова главных деятелей всероссийского железнодорожного союза, и в их числе К. Д. Намитниченко—одного из крупных работников большевистской организации. Эти аресты еще больше подлили масла в огонь забастовки.

К стачке присоединились служащие в управлениях Виндавской, М.-Брестской и Киево-Воронежской ж. д., межевой институт и другие учебные заведения в районе стачек превратились в места непрерывных митингов железнодорожников. На Чистых Прудах произошло первое столкновение железнодорожников с полицией. На М.-Брестской ж. д., главные мастерские, готовившиеся было стать на работу, вновь забастовали. В тот же день побросали работы и служащие этой дороги. При съемке рабочих и служащих с вокзала произошло столкновение с казаками.

Все станции московских железных дорог были заняты войсками, препятствовавшими рабочим портить семафоры, стрелки и проч.

9 октября в Москву приехал министр путей сообщения кн. Хилков, который на Николаевском вокзале вел переговоры с забастовщиками, потребовавшими от этого министра-клоуна, в первую очередь, освобождения арестованных и отказавшимися вести с ним какие-либо дальнейшие переговоры до освобождения товарищей.

Нормально работала лишь одна Николаевская дорога. На товарной станции „Москва“ Курской дороги произошло столкновение между ломовыми извозчиками и железнодорожниками. Извозчики, недовольные прекращением работ, бросились на железнодорожников с криками: „бей забастовщиков!“

и разогнали их. К месту драки были вызваны войска. В университете железнодорожники устроили большую сходку, постановив бастовать до удовлетворения требований и освобождения арестованных членов союза. Начали поступать сведения о распространении стачки и по провинции. На вечернем заседании стачечного комитета было решено снять „Николаевку" с работ хотя бы и силой.

Стачка развертывалась, хотя и медленно, но упорно... Железнодорожники проводили ее с большой настойчивостью, вполне организованно. Московские партийные организации так же помогали железнодорожной, как и всякой другой стачке пролетариата. Но необходимо оговориться, что в этот момент в наиболее влиятельных руководящих большевистских партийных кругах еще не было решения превратить стачку во всеобщую со всеми теми последствиями, какими она должна была закончиться, т. е. вооруженным восстанием. Даже вопрос о стачке-демонстраций, политической стачке-протесте в Москве оформлялся очень медленно под влиянием происходящих событий.

Московский комитет большевиков, по словам его тогдашнего секретаря С. Черномордика, „придавал в то время громадное значение [местным] стачкам, и его агитаторы все время выступали среди бастующих и вносили в движение политическую струю. Мы тогда очень рассчитывали, что эти забастовки станут началом всеобщей забастовки, но когда дело дошло до решений, в московском комитете большевиков начались колебания. Перед партийной организацией во весь рост вставали те трудности классовой борьбы, которые присущи всякому решительному моменту революционного характера".

Б. А. Бреслав (Захар) в „Воспоминаниях о 1905 годе в Москве" [1]) рассказывает: „Долго не было призыва ко всеобщей и дружной забастовке авторитетного для всей рабочей Москвы органа. Таким был только МК РСДРП большевиков, но он по этому поводу находился в нерешительности... Однажды... на заседании МК обсуждался довольно горячо вопрос: должен ли в данный момент МК, учитывая московские условия, призвать московский пролетариат ко всеобщей забастовке. Большинством семи против двух было решено от призыва ко всеобщей забастовке пока воздержаться. Вынесенная

[1]) „Пятый год", сборн. I Моск. Истпарта, стр. 157 — 159.

резолюция была двусмысленная и Вольским была названа „дипломатической", нечто в роде „ни войны, ни мира". Все же члены МК, которые были против призыва ко всеобщей забастовке, ссылались, что летом, когда по всей стране прокатилась волна политических забастовок, МК призывал московский пролетариат бастовать, но он на этот призыв не отозвался. „Мы уже потерпели летом фиаско и еще раз остаться в дураках в таком серьезном вопросе не хотим, это подрывает авторитет партии", говорило они. Этому неопределенному положению был положен конец 10 октября на конференции всей московской организации", — на которой было до 800 — 1000 участников и на которой было единогласно решено с 12 час. дня, 11 октября, объявить от имени МК всеобщую политическую забастовку, в том числе и городских предприятий. Это решение московской организации большевиков, хотя и запоздалое, оказало большое влиянне на дальнейший ход событий.

В тот же день 10 октября стачка проникла и на Николаевскую железную дорогу.

2.000 железнодорожников через бастующую „Ярославку" двинулись на эту дорогу, считавшуюся цитаделью черной сотни. На вокзале толпе удалось выпустить пары из всех паровозов, и затем она направилась по линии, обрывая телеграфные и телефонные провода и заставляя покидать занятия линейных служащих. К вечеру „Николаевка" вошла в общую семью забастовщиков. А Хилкову пришлось сесть самому на паровоз за машиниста и таким путем добираться до Петербурга.

Такого же рода меры были предприняты и против работавшей Виндаво-Рыбинской дороги. На Казанской дороге появились машинисты и их помощники железнодорожного батальона, но ни одного поезда пустить они не могли, да, говорят, и не хотели. В этот же день жандармы и войска отбивали нападение толпы железнодорожников на главный телеграф и почтамт, где работы были прерваны на несколько часов. Затем эти учреждения заняли войска. В ночь на 11 октября телеграф работал с очень небольшим числом служащих под охраной войск. С линий железнодорожная стачка начала переходить и сливаться со стачкой рабочих фабрик и заводов. Совместными усилиями забастовщики заставили прекратить

отпуск водки из главных винных скадов на Лесной улице и в Лефортове...

Однако, среди части железнодорожников уже с этого дня начались колебания. Наибольшей неустойчивостью отличались служащие и неквалифицированные рабочие с линии.

Чтобы их подбодрить, центральное бюро железнодорожного союза выпустило следующее воззвание с описанием хода стачки:

„Товарищи! Организованная Союзом в Москве всеобщая боевая забастовка началась... К вспыхнувшему движению должны будут присоединиться все союзные дороги, которым уж посланы срочные телеграммы. Выставленные нами общие требования есть требования всех трудящихся классов страны. За свободу слова, печати, собраний и стачек, за всеобщее избирательное право и созыв народных представителей борются в настоящее время на улицах Петербурга десятки тысяч наших товарищей рабочих. Без достижения всех этих требований никакие улучшения в нашей жизни немыслимы. Помните это, товарищи, и не сдавайтесь до тех пор, пока правительство не объявит, что мы — свободные граждане, пока не скажет, что мы без всяких препятствий можем устраивать собрания, сходки, союзы и выяснять на них свободно все то, от чего зависит наше лучшее будущее. Вся наша сила в данный момент — *в единении*, весь залог успеха борьбы — в *единодушии*. Несколько дней дружной всеобщей забастовки, против которой у правительства нет никаких средств, может нам обеспечить полную победу... Дружно начатое нами движение увлечет за собою целую массу заводских и фабричных рабочих. Оно явится тем пламенем, которое разрастется в огромный пожар освободительного движения, долженствующий уничтожить все то, что стоит на нашем пути к лучшему будущему...

Союз еще раз напоминает, чтобы ни в какие переговоры с местным начальством не вступать, так как оно ничего не может нам дать и будет, как и раньше, нас только обманывать.

Что делать? Продолжать забастовку. Устраивать собрания для объединения и выяснения положения дел. Не вести никаких переговоров с начальством, а ждать от правительства предложения вступить с ним в переговоры.

Когда такое предложение последует, устроить общее собрание и выбрать на нем от каждой дороги по шести депутатов и по шести кандидатов к ним, *которым поручить войти о сношения с представителем правительства, при условии ведения переговоров совместно с депутатами всех дорог* (курсив мой. *А. Ш.*). Забастовку до выяснения окончательного результата переговоров — не прекращать. Программа требований помещена в № 263 „Русских Ведомостей“ [1]).

Центральное Бюро Союза.

Типография МК партии социалистов-революционеров [2]).

[1]) См. приложение № 11.

[2]) Дело № 797 — Моск. Охр. отд., стр. 252.

Эта прокламация чрезвычайно характерна для начала железнодорожной стачки. Вожаки союза, связанные с эсэрами, собирались сговариваться с царским правительством, которому предъявлялись значительно суженные политические требования. Здесь вскрывалась мелкобуржуазная сущность руководителей союза, непонимание ими логики развертывающихся событий. Один из лучших деятелей союза — большевик Намитниченко — сидел в тюрьме. Против его фамилии и других его товарищей — на бумаге делегатов, поданных министру Хилкову об освобождении, генерал-губернатор поставил решительную резолюцию: „Ни под каким видом не освобождать".

Решение московской большевистской конференции вступить во всеобщую стачку в значительной степени разрешало только общий вопрос о стачке. В то же время на очередь всплыл другой, не менее важный вопрос, а именно—о согласованности действий двух важнейших московских организаций, руководивших стачкой — МК большевиков и московского стачечного комитета. Однако, явное расхождение обнаружилось лишь несколько позже.

Вернемся к характеристике развертывающейся железнодорожной стачки.

Т. Троцкий в своем „1905 года" „бег стачки" изобразил в увлекательной литературной форме, но на деле железнодорожники раскачивались медленно, в стачку входили по частям и держались вовсе не так стойко, как это Л. Д. описывает. Железнодорожному союзу приходилось предолевать не мало затруднений.

В Петербурге стачка началась далеко не сразу после ее первых шагов в Москве. Начало ее датируется 12 октября. До этого же времени железнодорожной стачке предшествовали многолюдные митинги железнодорожников в высших учебных заведениях. Первый большой митинг состоялся 8 октября в столовой военно-медицинской академии, на нем присутствовали железнодорожники с Балтийской, Николаевской и М.-Виндаво-Рыбинской дорог.

9 октября такой же митинг состоялся на высших женских курсах. Много речей говорилось о политической платформе железнодорожного союза в связи с его организацией. Между прочим, эсэры среди железнодорожников и здесь имели успех [1]),

[1]) „Право", № 45 — 46, 1905 г., прил., стр. 7.

что объяснялось далеко не случайностью, а тем составом служащей железнодорожной массы в центрах, среди которой „пролетарская идеология" была „редкой гостьей". Это нашло свое отражение и на собравшемся еще 20 сентября в Петербурге съезде делегатов железных дорог по пересмотру положения о пенсионных кассах. Этот съезд был созван правительством с целью удушения строптивых настроений среди железнодорожников, но под давлением событий он неожидано для самого себя превратился в некоторого рода легальный центр движения железнодорожников. Несмотря на то, что значительная часть делегатов съезда участвовала в его работах по назначению, что при выборах на съезд некоторые дороги отказались от участия в нем (бойкотировали),—с первых же заседаний съезд был засыпан телеграммами с мест, в которых железнодорожные служащие клялись „грудью поддержать" своих представителей. Вот образчик одной из многих телеграмм, посланных съезду:

Приветствуя стойких борцов за интересы железнодорожного пролетариата, мы, 378 служащих правления о-ва Рязано-Уральской ж. д., убеждены, что облеченные доверием миллионной массы необеспеченных бескровных тружеников делегаты с честью доведут борьбу до конца желанного, помня, что доверители готовы всеми мерами поддержать справедливые требования к достижению политических и экономических прав [1]).

Делегатский съезд был очень неоднороден.

Так, делегат Розанов на одном из заседаний заявил, что железнодорожная служба „есть государственная повинность". Представитель Полесских ж. д. возражал, указывая, что железные дороги есть капиталистическое предприятие, в котором служащие являются наемными пролетариями. В числе делегатов был между прочим и т. Елизаров, муж А. И. Ульяновой (сестры В. И. Ленина), служивший тогда в управлении по пенсионным кассам, и, кстати, автор нового проекта этих касс [2]).

Когда в Москве началась железнодорожная стачка, „пенсионный" съезд присоединил к ней и свой голос, высказавшись за стачку, и разделился затем на две группы: одна—

[1]) Оглашено 24 сентября 1905 г. в протоколе № 4 в „Бюллетене" № 2.

[2]) Сведения об Елизарове сообщены нам В. И. Невским.

левая — „сводила и отделывала правовые и политические требования, правые же сидели над уставом“ [1]).

9 октября левые закончили сводку наказов и выступили с платформой требований в 30 пунктов от имени съезда.

В общем они почти не разнились от требований всероссийского ж.-д. союза, с которым делегаты съезда были связаны, но в политической части требования последних были сформулированы более четко, чем у центрального бюро союза [2]).

С 30 пунктами требований, одобренных съездом, делегаты направились в тот же день к председателю совета министров Витте и к министру путей сообщения Хилкову. Согласно постановлению съезда, депутации должны были подчеркнуть требование Учредительного Собрания — „*страна не должна быть доводима до вооруженного восстания* (курсив мой. *А. Ш.*). и не должно быть допущено новое пролитие крови народа, и без того истекшего кровью на полях Манчжурии и истекающего сейчас едва ли не на всех улицах всех городов, сел и деревень России“... Но Витте особенно возражал как раз против Учредительного Собрания, заявляя, что это „невозможно“. Депутация уехала от Витте ни с чем. На митинге в университете, где делегация сделала доклад о результатах посещения Витте, раздавались голоса о восстании, но от имени съезда этих страшных слов там не говорилось. Буржуазная интеллигенция качалась... Нельзя забывать, что судьба ж.-д. стачки в значительной мере была в руках именно этой интеллигенции.

На заседании делегатского съезда по докладу депутаций к Витте и Хилкову была принята резолюция: „Труженикам железнодорожного дела остается надеяться только на свои силы и силы трудящихся классов всего населения и, присоединяясь к требованиям рабочих масс, требовать в первую очередь немедленно *во имя предупреждения кровавой развязки* (курсив мой. *А. Ш.)*: 1) всеобщей амнистии всем политическим, 2) свободы слова, собраний, печати, союзов, стачек, совести и манифестаций, неприкосновенности личности

[1]) Воспоминания председателя съезда М. Д. Орехова в сб. „Транспортник“, стр. 275.

[2]) В приложении № 12 приводим эти шесть пунктов политического „Credo“ съезда целиком, заимствуя их из вышеупомянутой статьи М. Д. Орехова,

и жилища и 3) созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования".

Кто должен был выполнять это требование, кого и как заставить это сделать, каковы тактические пути революции — от постановки всех этих вопросов съезд уклонялся.

Те же результаты получились от разговоров железнодорожных делегатов с Хилковым[1]).

В тот же день Витте делал Николаю II доклад о положении дел, предлагая ему два выхода: или путь прямой диктатуры, „дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях", или же путь дутых уступок. Этот последний путь очень ярко очерчен самим Витте в его „Всеподданнейшей записке" по поводу издания манифеста 17 октября.

Заимствуем из этого документа несколько строк:

...Зловещие признаки ужасного бурного взрыва с каждым днем все сильнее дают себя чувствовать... Положение государства критическое... Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей.

Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но будут несомненно,— разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

...Государственной власти надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения. Правительство должно руководить странной. Лозунг „свобода" должен стать лозунгом правительственной деятельности... Раз правительство во главе движения, оно сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать. Этого болезненно желало и ждало общество год назад...[2])

Витте — матерый волк реакции — чуял опасность „теоретического социализма" и спешил на „сделку" с буржуазией, в которой он видел опору для „престол-отечества". Витте выкидывал знамя буржуазной монархии германского образца и на этом строил все свои расчеты.

Но он плохо учитывал силы третьей стороны — пролетариата, который только разворачивал свои силы... Железнодорожная стачка в Москве, присоединение к ней других линий, возбуждение среди питерских железнодорожников, стачечное

[1]) Витте предлагал от имени съезда подать петицию государю, а Хилков вообще отказался обсуждать с депутатами политические требования, как не входящие в его компетенцию.

[2]) Д. „Об. изд. Выс. маниф. 17 X — 1905 г." Отд. юр. Е. Г. АФ.

движение на петербургских заводах — все это повело к объявлению всеобщей стачки и другой важнейшей партийной организацией большевиков — петербургским комитетом партии.

Бастуйте, товарищи! — говорилось в прокламации комитета по этому поводу,— железные дороги уже забастовали по всей России и к ним присоединяются все новые производства. Уже пролита кровь царскими слугами.

...Бастуйте,— это будет смотр нашей революционной армии...

Недалек уж тот час, когда весь пролетариат выступит по призыву и под знаменем РСДРП.

Да здравствует всеобщая забастовка!

Да здравствует революция!..

Петербургский комитет призывал питерских рабочих к стачке, как смотру революционной армии. Лозунга „вооруженное восстание" в прокламации еще нет, но в „Воззвании к офицерам" ЦК РСДРП, тогда же перепечатанном ПК, вооруженное восстание уже ставится в „порядок дня". В этом последнем воззвании говорится:

...Теперь начинается новая волна революции. Рабочие железных дорог начали громадную забастовку, требуя свободы, всенародного *Учредительного* Собрания и улучшений своего быта. К ним начинают примыкать рабочие заводов и фабрик. Борьба разгорается, государственная машина перестала действовать...

Вам поручали подавлять эти протесты, топить в крови зародыши будущего восстания. Будете ли вы покорно исполнять все это?..

Защищайте народ, помогайте ему вооружаться и организоваться для восстания, готовьтесь выступить его военными вождями в последних решительных битвах.

ЦК РСДРП.

Издание ПК. Типография ПК. Октябрь.

И петербургский, и московский комитеты большевиков держались выжидательной тактики и, пожалуй, даже перебарщивали в осторожности. Призыв ПК ко всеобщей забастовке был опубликован не раньше 9 — 10 октября.

Между тем движение масс разрасталось стихийно и в ряде городов стачка уже с 10 октября чрезвычайно смело начала формироваться в восстание (Екатеринослав, Харьков). Железнодорожная стачка оказалась здесь просто спичкой, поднесенной к пороху... Пролетариат фабрик и заводов тесно сливался с железнодорожниками, и с этого момента очень трудно отделить железнодорожную стачку от общей стачки пролетариата городов.

Перечислим лишь отдельные главные моменты железнодорожной стачки с тем, чтобы на фоне ее дать картину общего движения.

Так, к 11 октября бастовало 14 железных дорог.

Целиком захвачен московский узел (кроме Савеловской железной дороги, примкнувшей позднее) и узлы харковский и екатеринославский. На некоторых линиях поезда ходят только по отдельным участкам пути.

С 12 октября останавливается петербургский жел.-дор. узел (кроме Финляндской жел. дороги, примкнувшей позднее).

Наконец, в железнорожную стачку втягиваются почти все крупнейшие узлы вплодь до Закавказья, Туркестана и Сибири.

Стачка превращается во всеобщую стачку железнодорожников во всей стране.

По подсчетам, стачкой было охвачено около 40 тыс. километров пути с 700 тыс. рабочих и служащих.

Глава V

Стачка превращается во всеобщую политическую забастовку.

Основным моментом перехода от разрозненных экономических и политических стачек первого периода и от расширявшейся железнодорожной стачки с политическими и экономическими требованиями одновременно о всеобщей забастовке следует признать вступление в стачку пролетариата Москвы и Петербурга по призыву большевистских комитетов. Стачечное движение в провинции в значительной части городов по своему началу также совпадает с этим моментом, и надо полагать, что организационное воздействие социал-демократических организаций на местах в деле начала стачки имело место также в это время. Если московские железнодорожники и в частности с Кавказской ж.-д. — этой родины ж.-д. стачки — в первые дни оказали кое-какое воздействие на стачку нескольких паровых мельниц в Сокольниках, то начавшаяся 10 октября стачка на мануфактуре Циндель, на группе аппретурных и гильзовых фабрик возникла под влиянием организованных с.-д. групп пролетариата.

Тогда же усилилось стачечное движение на механических заводах, остановились окончательно конки и трамваи, забастовали многие аптеки.

11-го текстильщики бастуют на восьми новых фабриках. На улицах начинаются столкновения „фабричных“ с казаками. На базарах дорожает мясо — 2 — 3 коп. на фунт, не хватает молока.

Председатель московского биржевого комитета Найденов сообщает министру финансов, что железнодорожная стачка поведет к остановке всех фабрик и заводов. Из-за стачки служащих и рабочих городских предприятий приостановилась подача воды из Мытищенского водопровода, и часть Москвы осталась без воды.

К 13 октября фабрично-заводских забастовщиков насчитывалось по Москве 15.741.

Кроме текстильщиков и механиков, бастовали парфюмеры, городской канализационный обоз, кожевники, башмачники, химики, пуговичники и др.

Хождение толпами по улицам, „снимание“ работающих, столкновения с полицией и казаками продолжались. Попытка остановить крупный металлический завод Гужона не удалась, рабочие оказали сопротивление и при помощи полиции отбили забастовщиков [1]).

Почтамт под давлением стачечников забастовал...

Начальник охраны не спит ночь. 13 октября в 2 ч. 25 м. утра он рассылает всем участковым приставам экстренную телеграмму подготовиться к отражению массового выступления рабочих, якобы готовящихся прервать телефонное сообщение, захватить телеграф, почту и государственный банк.

Трепов зашифровывает для Москвы телеграмму: „Прошу не допускать никаких сборищ, сходок, собраний, на устройство которых не будет испрошено разрешение, прекращая

---

[1]) Тов. *Ф. Толчев* в воспоминаниях о революционном движении в Москве в книжке „Пятый год“, на стр. 235, рассказывает:

„Не бастовал также во время октябрьской всеобщей стачки завод Гужона, самое крупное предприятие в районе и самый большой в Москве металлический завод. Хотя наша организация там существовала уже больше года, но она оказалась все же недостаточно влиятельной для массы. На заводе пользовалась значительным влиянием группа зубатовцев. Зубатовские организации были разбиты нашей кампанией 1904 года, молодые члены их частью переходили к нам, а пожилые влиятельные вожаки охотнее входили в сношения с либералами, чем с нами. Кроме того, на заводе было сильно влияние самого Гужона. Ему удалось обещанием удовлетворить все экономические требования без забастовки удержать рабочих от участия во всеобщей стачке. Состав рабочих на заводе был не чисто пролетарский: весьма многие еще не утратили связи с деревней, и это сильно отражалось на их психологии.

Чтобы усилить свое влияние на заводе, мы поставили в завод на работу нашего агитатора Николая, и затем в начале всеобщей октябрьской стачки сделали попытку воздействовать на гужоновцев со стороны и подошли снимать завод с работы двумя большими группами от Рогожской и Проломной застав. Но гужоновцы оказались тверды и решительны и силою отразили нашу попытку. Николай был избит и выдан полиции, т. Бедову от Губкина разбили голову“.

подобные неразрешенные сборища всеми мерами вплоть до применения открытой силы".

Не спят градоначальник, генерал-губернатор...

13 октября, в 4 ч. 40 мин. утра, они доносят Трепову об усиливающемся влиянии социал-демократии на рабочих, о многолюднейших митингах в вузах, об особо строгой охране вокзалов и, наконец, о недопущении съезда кадетов. В квартиру Новосильцева кадетов не впустили, а из квартиры Долгорукова разогнали...

Буржуазия волнуется... Хлеботорговцы Москвы заявляют о надвигающемся продовольственном голоде из-за неподвоза продуктов. От срочных заказов и поставок все отказываются. Банки настаивают на мораториуме.

14 октября забастовали больницы, работные дома, суд, электрическая станция. На следующий день остановились водопровод, газовый завод, магазины, лавки, Савеловская линия. Закрылись государственный банк, банкирские конторы, почтовые отделения.

Стачка в Москве стихийно разворачивалась в восстание...

Петербургский пролетариат не сразу вступил в стачку. Рабочие о событиях были очень хорошо осведомлены, так как с 6 октября газеты уже выходили. Затем на всех многочисленных митингах в вузах говорилось о стачке, о грядущем восстании. Крупнейшие заводы за Невской заставой и в других районах были заняты массой войск.

Большинство магазинов на окраинах забито досками, так как каждую минуту ждали столкновений рабочих о войсками.

В центре торговля почти прекратилась. Биржа проходила безжизненно. Сделок не происходило, т. к. не находилось ни покупателей, ни продавцов. Срочные платежи приостановились, кредит закрывался, дорожные документы оставались в руках у отправителей, заграничные экспортеры не получали коносаментов на грузы, и пароходы с хлебом, вышедшие из Петербурга и других портов, не могли разгружаться из-за неполучения документов. На бирже начала чувствоваться паника...

Главные заводские отряды петербугского пролетариата вступили во всеобщую политическую стачку с 11 октября, но только 12 и 13 забастовали почти все крупнейшие заводы

и фабрики. В эти же дни остановились конки, электрическая станция, почтамт. К стачке примкнули земские работники, служащие банков и контор, окружной суд (и в их числе кандидаты на судебные должности), гимназисты, реалисты, приказчики. Торговые предприятия окончательно закрылись.

„В районе Шлиссельбургского участка собралось 10 тыс., толпа рабочих, выкинувшая красный флаг, с революционными песнями направилась к Николаевскоиу вокзалу. Казаки и войска толпу рассеяли[1]).

Ген. Чихачев и гр. Пален в заседании у гр. Сольского (председателя Гос. Совета) выступили с планом подавления „всякого проявления смуты силою оружия". Николай II совещался с ген. Чихачевым.

В качестве диктатора-усмирителя Витте выдвигал кандидатуру гр. Игнатьева. Николай II срочно вызвал из имения великого князя Николая Николаевича. Во дворце в Петергофе шли совещания с отдельными лицами, между членами царской семьи Николай II высказывал мысль о необходимости на крайний случай подготовиться к бегству за границу[2]). На Виттевский план борьбы со смутой он возлагал некоторые надежды, но в то же время боялся роста популярности Витте в среде буржуазии. Вместе с этим Николай не отказывался и от сотрудничества с Треповым, проводившим политику „террора" против революции. Впрочем, царь требовал от Витте „объединить деятельность министров", которые-де „должны поставить себе цель восстановить порядок повсеместно", и Треповский „усмирительный сепаратизм" был лишь прикрытием для Витте. 13 октября появился знаменитый приказ Трепова:

Официально. Извещение генерал-губернатора и начальника петербургского гарнизона: Население столицы встревожено слухами о предстоящих якобы массовых беспорядках. Меры к охранению личности и имущества в столице приняты, поэтому прошу население указанным слухам не верить. Если бы, однако, где-либо возникли попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращены в самом начале, следовательно, серьезного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно самым решительным образом, при оказании со стороны толпы сопротивления *холостых залпов не давать и патронов*

[1]) Из доклада петербургской охранки директору департамента полиции.
[2]) *Витте.*—„Воспоминания", т. II, стр. 20.

не жалеть (курсив мой. *А. Ш.*). Считаю долгом предупредить об этом население столицы, дабы каждый обыватель, примкнувший к толпе, производящей беспорядок, знал, чем он рискует. Благоразумное же население столицы, во избежание тяжелых последствий, приглашаю к сборищам, направленным к нарушению порядка, не примыкать.

Подписал свиты его величества генерал-майор *Трепов*.

Стачку пытались сломить „и дубьем, и рублем". На совещании совета министров было решено утвердить и отнюдь не уменьшать все кредиты, внесенные в смету 1906 года министерства путей сообщения на улучшение быта низших железнодорожных служащих и рабочих.

13 и 14 октября на специальных поездах по Варшавской дороге доставлена из Пскова 24 пехотная дивизия для усиления петербургского гарнизона... Для Петербурга же 13 октября вывезли на пароходах из Ревеля 6 баталионов пехоты...

Петербург, как и Москва, вступал с этого момента в стадию нового поворота событий. Всеобщая политическая стачка и здесь упиралась в восстание. Но прежде чем исследовать дальнейшее развитие событий в Петербурге и Москве, необходимо хотя бы в общих чертах проследить, что творилось в первую половину октября в провинции и особенно в связи с железнодорожной стачкой.

Материал настолько обширен, что необходимо ограничиться лишь наиболее характерными пунктами и типичными формами борьбы.

О массовом движении в Екатеринославе, в Харькове и других районах и городах, где стачка перешла в восстание, речь будет дальше. Здесь же для некоторых из них для периода превращения стачки во всеобщую следует отметить, что с началом железнодорожной стачки всюду чрезвычайно усилилось возбуждение студенчества, и начатое еще в сентябре использование вузов для организации революционных сил и пропаганды идей революции приняло огромное размеры.

Таким образом, в университетских центрах перед переходом стачки во всеобщую наблюдалась та же картина, что и в Петербурге: пролетариат и всякого рода интеллигенция в спешном порядке обучалась политграмоте революции и готовилась к серьезным выступлениям. В институтах, в университетах Киева, Одессы, Харькова, Екатеринослава и др. шли

постоянные митинги, через которые за день проходили десятки тысяч людей.

Постепенно митинги из вузов переходили на вокзалы, на площади, в сады, в пригородные рощи и т. п.

В тех городах, где пролетариат был относительно незначителен по числу, стачку прибирали к своим рукам железнодорожники. Всюду в стачку вовлекались приказчики, конторщики, бухгалтеры, банковые служащие, фармацевты, учащиеся средних учебных заведений вплоть до духовных семинарий. Кое-где гимназисты, реалисты и пр. играли наиболее активную роль и первыми выходили на улицы с красными знаменами. Полиция с детьми не церемонилась и в ряде городов были зарегистрированы случаи зверских избиений и убийств детей демонстрантов (Одесса, Казань).

По требованиям всеобщая стачка формировалась всюду в качестве политической. Лозунг Учредительного Собрания с „четырехвосткой" является преобладающим, но нельзя сказать, что широкая масса стачечников хорошо в нем разбиралась.

Дать анализ настроения и политической сознательности широких масс очень трудно. Разного рода мемуаристы зачастую сильно противоречат.

Так, напр., по воспоминаниям С. Черномордика о Москве, „подъем рабочей массы был небывалый, доходивший до энтузиазма. Впервые рабочий класс увидел, что все общественное благополучие зависит от него. Стоит ему прекратить работу, как останавливается вся жизнь большого города" [1]).

Ту же самую толпу ответственный агитатор МК большевиков Станислав Вольский (правда, через 20 лет и уже не в качестве большевика) описывает совсем иначе:

„Настроение этой текучей толпы было возбужденное, радостно-приподнятое, но до крайности неопределенное в смысле партийных симпатий. Люди различных социальных слоев теряли здесь свой естественный цвет и незаметно для себя перекрашивались в чужую им окраску, охваченные порывом щедринского пескаря: „Эх, если бы все рыбы согласились!" Замоскворецкие коммерсанты бросали граждански-сочувственные взляды на рабочих, рабочие отвечали им тем же, а студенты, растерянно-восторженные, готовы были прижать к груди

[1]) „Пятый год", стр. 19.

всякого, кто кричал: „Долой самодержавие!“ Но такой дух господствовал все же только у той части аудитории, которая более или менее привыкла к политическим митингам и освоилась со страшными словами. Когда на третий день забастовки в залы университета и технического училища повалила длинная серая масса рабочих окраин, картина значительно изменилась. На первый план встали экономические требования, и политические лозунги агитаторов пришлось протаскивать с немалым трудом. „Мы думали, что тут будут говорить о деле, а нас опять пичкают политикой“. Подобные реплики сплошь и рядом слышались со стороны тех слоев рабочих, которые были впервые втянуты в массовое движение“.

Так обстояло дело с массой в Москве. В провинции было, конечно, еще слабее по части политики, и мы имеем ряд примеров, когда стачка и в третий период своего развития выдвигала только экономические требования. В этом отношении весьма характерна стачка в Коломне — крупном рабочем центре (огромный металлообрабатывающий завод, фабрики) с большевистской организацией. Вот что рассказывает о ней один из участников:

„Общей забастовке много содействовала уже вторая забастовка Казанской ж. д. Рабочие в своей массе уже *проникліись самосознанием* (курсив мой. *А. Ш.*), которое столь необходимо для успешного проведения стачки“, пишет автор статьи „Из революционного движения в Коломне в 1905 г.“ [1]).

„Брожение началось в субботу, 8 октября, на почве чисто экономической, у молотобойцев и кузнецов, хотя у сознательных рабочих была заранее мысль показать кому следует, что он понимает и о „Булыгинской Думе“. В тот же день произошла массовка. Толпа доходила до 500 чел.“... Были разработаны требования: восьмичасовой рабочий день, увеличение платы и пр. Забастовка началась 10 октября. Против рабочих выдвинули казаков и запасных солдат, которые сильно избили до 30 рабочих. Один получил две штыковых раны. Тогда же забастовала фабрика Абег.

11 октября происходила сходка 200 рабочих на лугу. Большевик Н. О. Сапожков избирается председателем и руководит собранием, посвященным стачке и характеристике

[1]) „Путь к Октябрю“, вып. IV, стр. 9.

событий. Собрание проходит с большим успехом, но уже 14 октября заводские пошли на работу, поручив депутатам договариваться с администрацией о требованиях. 16-го стало известно, что главные требования не удовлетворены, и рабочие снова бросили работу. 17 октября общая забастовка и сходка на лугу. 18-го решили ввести явочным порядком восьмичасовой рабочий день.

19 октября первое выступление „черной сотни". И в дальнейшем разгром рабочей организованности...

На примере коломенской стачки можно видеть, как медленно „политика" просачивалась в сознание пролетариата. И это после 9 января, после восстания Черноморского флота, в самый разгар колосссальнейшей всеобщей политической стачки!

А таких стачечников в общем и целом по России было не мало.

Характерно в коломенской стачке то, что закончилась она, как и многие другие, все-таки „политически" — столкновением „красных" с „черными". Большевики за время стачки, которой они руководили, успели все-таки в достаточной мере обработать коломенцев, явившихся потом одним из лучших отрядов пролетарской армии в революциях 1905 и 1917 гг.

Но эти примеры медленного нарастания политического сознания рабочей массы в процессе октябрьской стачки ни в коем случае не могут быть истолковываемы, как примеры отсталости, „стихийности" рабочего движения 1905 г. Оно было стихийным лишь постольку, поскольку в нем участвовали массы, оно было организованным, поскольку эти массы вовлекались в движение откристаллизованным ядром наиболее сознательных, наиболее организованных групп пролетариата, вокруг которого и сплачивались неорганизованные стихийные слои.

Глава VI

Руководство всеобщей стачкой.

Вопрос о руководстве всеобщей стачкой по целому ряду соображений целесообразнее выделить и рассмотреть его в тот момент, когда стачка уже значительно развернулась. Но прежде несколько слов по поводу организации рабочего движения вообще.

Это движение даже на самой ранней ступени своего развития всегда стремится вылиться в те или иные организационные формы. Прекращая работу во имя общих требований рабочих предприятия, профессии, вплоть до общеклассовых требований политического характера, пролетариат стремится к некоторого рода спайке, согласованности действий, требований, выбирает своих уполномоченных для ведения переговоров и т. д, Это тесно связано с устройством собраний, выборами, информацией через печать и пр. Вместе со всеми этими функциями пролетариат передоверяет некоторые свои права своим выборным, превращающимся в процессе борьбы в руководителей. Такими же руководителями являются постоянные представительные организации рабочего класса — профсоюзы, и его политические партии, поскольку они заслуживают доверие пролетариата, поскольку они сумели правильно отразить, понять, оформить, сорганизовать движение и добиваться побед в пользу пролетариата.

Профессиональные организации, несомненно, всюду возникали в результате столкновений между трудом и капиталом. „Lose organisationen", создавшиеся в Германии во время исключительных законов против с.-д. и, главным образом, в период стачек, о которых подробно рассказывает Лафарг [1]), начинали создаваться с выборов временных комиссий для руководства стачкой. „В отличие от профессионального, это был союз временный,

[1]) „Профессиональное рабочее движение в Германии", стр. 34.

существующий лишь на время стачки; однако же, иногда для упорядочения дел, для распоряжения остатками денег, эти организации действовали и после стачек".

В 1905 г. рабочая масса во всех стачках непременно создавала институт своих заводских или фабричных депутатов, которые и являлись первоначальной формой организации, руководившей движением. Депутаты объединялись по предприятиям, по профессиям, территориально и в зависимости от этого и создавались различия в их функциях и полномочиях.

Если во время стачек на отдельных предприятиях депутаты действительно походили на первоначальные немецкие „Lose organisationen", то в процессе назревавшей революции их задачи и функции далеко перерастали задачи и функции не только „временных", но и постоянных профсоюзов. Поскольку экономическая борьба пролетариата вообще превращается в политическую, поскольку для России это было сугубо верно, то для 1905 г. это являлось неизбежным следствием и законом дальнейшего развития событий.

Депутаты отдельных бастовавших предприятий объединялись в свои советы данного предприятия, наконец, профессии и в ряде случаев — в советы депутатов отдельных городов.

Спор, который поднимает тов. Горин в книжке „Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г." о том, что Советы якобы являются только тогда Советами рабочих депутатов, когда они ставят себе цель — „борьбу за революционную власть" (стр. 2), является сплошным недоразумением. Тов. Горин поэтому иваново-вознесенский Совет рабочих депутатов таковым не считает, потому что-де он „не подготовлял вооруженного восстания и не стремился стать органом власти" (стр. 3). Иваново-вознесенский Совет, по мнению тов. Горина, был лишь стачечным комитетом.

Такого рода анализ страдает излишним схематизмом и не учитывает той своеобразной диалектики революционных явлений, когда из простейшей формы „Lose organisationen" рабочее представительство быстро перерастает в своеобразную политическую организацию пролетариата. На примерах московского и петербургского руководства стачечным движением в условиях революции с этой „диалектикой" мы сейчас и познакомимся.

В сентябрьские стачки в Москве движением руководили на отдельных предприятиях депутаты, при чем значительная часть их находилась в связи или состояла членами той или иной политической организации.

Среди типографов, кроме того, действовал еще нелегальный профсоюз, который также влиял на выборы депутатов, продвигая в первую очередь на эти посты своих сочленов. Вместе с выборами по предприятиям депутаты объединялись в свой профессиональный совет депутатов. Такие советы были у типографщиков, табачникок, столяров и др. У типографщиков совет депутатов играл двойную роль, заменяя или, вернее, представляя официально профсоюз и общестачечный комитет.

Совет типографских депутатов, однако, не только торговался за экономические требования с тоже объединяющимися в союз хозяевами, но он вел переговоры и с административной властью по поводу собраний, арестов, действий полиции, усиленно добивался права устройства массовых митингов, издавал листовки, в которых подвергались критике и политический строй и т. д., вместе с этим попутно организуя и другие профессиональные советы депутатов. В результате мы имеем „Совет депутатов пяти профессий", в который, кроме типографщиков, входили механики, столяры, железнодорожники (рабочие мастерских [1]) и табачники.

Меньшевики из союза типографщиков создают для себя опорную базу для оказания влияния на руководство движением и в значительной степени оказывают свое воздействие и на „Совет депутатов пяти профессий". Какое влияние на этот Совет имели большевики, прямых указаний нет, но косвенные — очень любопытны.

Так уже не раз цитируемый нами А. Соколов („Станислав Вольский") рассказывает в своих воспоминаниях [2]): „На вопрос, кто должен возглавлять рабочее движение, — „Совет рабочих депутатов", — отвечали меньшевики и вместе с ними Питер. Московский комитет был склонен ответить на этот

---

[1]) В другом более позднем документе о „Совете депутатов пяти профессий", вместо „рабочие мастерских" стоит „союз железнодорожников". Очевидно, с оформлением в Москве союза железнодорожников и за вхождением в него рабочих ж.-д. мастерских изменилось и название.

[2]) „О 1905 г.", стр. 47 — 48.

вопрос более просто: „Мы“, и к идее Совета относился со значительным подозрением. Большинство его членов (в особенности Землячка) придерживалось того взгляда, что принцип широкой выборности грозит отвести руководящую роль рабочему-середняку и оттеснить на задний план сознательный авангард рабочего класса, передав, таким образом, все козыри в руки оппортунистического крыла социал-демократии. С точки зрения большевистской фракции эти опасения были небезосновательны. Расстояние между массой и ее передовыми слоями оставалось еще слишком большим, и можно было думать, что низы пролетариата выдвинут своих собственных лидеров реформистского склада или, в лучшем случае, пойдут вслед за меньшевиками. Но открыто выступать против идеи Совета было неполитично и могло быть истолковано, как намеренный отрыв от масс и попытка автократически руководить ими“.

В результате этого прохладного отношения к организации Совета рабочих депутатов в Москве меньшевикам удалось укрепиться в „Совете депутатов пяти профессий“ и от его имени вокруг себя организовывать массы. Ряд листков от имени „Совета депутатов пяти профессий“ был составлен, несомненно, под их редакцией.

Они же редактировали и основной листок с призывом к организации общего Совета рабочих всей Москвы. Листок исходил от имени 32 рабочих представителей „Совета депутатов пяти профессий“ и был облечен в форму постановления этого Совета.

В листке говорилось:

Собрание признает необходимым, чтобы рабочие каждого заведения выбрали себе депутатов, чтобы эти депутаты объединились по профессиям и далее через своих представителей в *общий Совет рабочих всей Москвы* (курсив мой. *А. Ш.*). Как посылать представителей в этот Совет — это решает для себя каждая профессия особо. Собрание признает весьма желательным и важным, чтобы и депутатские собрания по профессиям, и общий Совет добились гласного и открытого существования. Для проведения в жизнь этого решения собрание постановляет обратиться к рабочим Москвы с воззванием о необходимости выбора депутатов и поручить это особо выбранной комиссии [1]).

Таким путем создавались эти первые рабочие организации, руководившие стачкой первого периода.

[1]) „Правда“, сентябрь — октябрь, 1905 г., стр. 326.

Здесь же следует указать, что об организации в Москве Совета рабочих депутатов делал 1 октября доклад на собрании типографов Петербурга один из москвичей делегатов, посланных для переговоров с питерскими типографами о помощи московским товарищам. Таким образом, идея Советов рабочих депутатов зародилась не в Петербурге, да, вероятно, и не в Москве, а была ввезена в Москву большевиками из Иваново-Вознесенска, где они ее вместе с массой рабочих и практиковали.

Но общего Совета рабочих депутатов в Москве все же не создалось. Почему? Одна из причин — и, по нашему, главная — это уже отмеченное прохладное отношение к этой форме организации у московского комитета большевиков. Вторая причина — вступление в стачку железнодорожников. Мы уже отмечали, что желездорожники в первые же дни стачки сорганизовались в стачечные комитеты по службам и мастерским, затем в дорожные стачкомы и, наконец, в общемосковском масштабе (узловой стачечный комитет). Этот тип организации был конспиративнее, гибче, чем советы депутатов с их чуть ли не легальными общими собраниями. Железнодорожникам приходилось прятаться от полиции, которая выслеживала руководителей и арестовывала их. Недаром железнодорожникам приходилось скитаться по бульварам и прочим общественным местам (конечно, заранее обусловленным), чтобы перекинуться между собой парой слов о ходе дел, о настроении масс, передать листки, распоряжения и т. д.

Кроме того, имелось еще одно немаловажное обстоятельство — почему железнодорожники не влились и не создали в Москве общего Совета рабочих депутатов. Среди них можно было провести тогда резкую грань между рабочими и служащими. В то время как среди первых наибольшое влияние имели большевики, среди вторых наибольшей популярностью пользовались эсэры и вообще всякого рода радикалы, объединявшиетя в Союзе союзов — полупрофессиональной, полуполитической организации, главным образом, буржуазной интеллигенции.

У большевиков среди железнодорожных рабочих московского узла хорошо работал свой „с.-д. железнодоржный союз". Часть рабочих, и в их числе эсэры, а также огромное большинство беспартийных служащих состояло во всероссийском

союзе железнодорожников, председателем московского отдела которого был неопределенный в партийном отношении Изаков. Большевики в лице Намитниченко, Котляренко, Трофимовых и др. входили в центральное и в московское бюро союза, но большинства в нем не имели. Служащих на железных дорогах большевиков можно было перечесть по пальцам.

Таким образом, когда железнодорожная стачка началась, руководство ею попало в руки эсэров и разного рода радикалов. Вливаться в „Совет депутатов пяти профессий" они не хотели, так как могли там оказаться в меньшинстве против социал-демократов.

Тогда-то и была выдвинута мысль о создании московского стачечного комитета с представительством от политических партий. „Совет депутатов пяти профессий" был очень слаб, а за прекращением общей стачки у главного ядра его — типографов — и совсем выдохся. Из типографов бастовала только типография Яковлева, и ее представителя решили включить в стачечный комитет на равных правах со всеми другими. Железнодорожники получили представительство в обще-московском стачечном комитете от стачкомов рабочих и служащих всех железных дорог узла и отдельно от окружной дороги и центрального бюро железнодорожного союза, явившись, таким образом, одной из главнейших групп комитета.

Для подкрепления своих позиций эсэры втянули в стачечный комитет делегатов от студенческой организации инженерного училища, от союза инженеров и от союза городских инженеров, от Союза союзов — вообще, от крестьянского союза в отдельности и от яро-кадетского союза „равноправия женщин". Каковы были представители от служащих кредитных учреждений, общесудебного стачечного комитета, комитета торговых служащих, комитета телефонисток и т. д. история умалчивает, но уже по одному этому списку видно, что руководить всеобщей стачкой пролетариата в должном направлении такой комитет не мог.

Однако, было бы неправильно умолчать и о пролетарской части стачечного комитета. Кроме упомянутой типографии Яковлева, в комитете имели представительство рабочие механических заводов, столярных фабрик, смешанного комитета городских рабочих и служащих и корпорации средних техников

московской городской управы [1]). Никакие другие профессии в списках делегатов не значились и, таким образом, их стачки и особенно у текстильщиков проходили вне влияния стачечного комитета. Стачкой текстилей, пищевиков и других мелких профессий руководила организация большевиков непосредственно через свои райкомы и кружки на предприятиях.

В результате получался вредный разнобой. Московский комитет большевиков был связан персонально со стачечным через своего члена, рабочего железнодорожника т. Горчилкина („Гренадера"), тогда совсем еще неопытного политического работника.

Деятельность московского стачечного комитета протекала нелегально и в „охранных" архивах не „освещена". Нам удалось установить его открытое выступление первый раз 15 октября в городской думе и переговоры его представителей с московским генерал-губернатором 18 октября по поводу освобождения из тюрем политических заключенных. Затем сохранились некоторые из его воззваний, из которых наибольший интерес представляет призыв об окончании забастовки. Обо всех этих моментах подробнее будет дальше.

В общем и целом московский стачечный комитет явился двойником петербургского Совета депутатов на первых порах его деятельности.

Если, по словам меньшевика Евг. Маевского [2]), „в среде московского стачечного комитета пользовались значительным влиянием не-социалистические элементы", которые вели политику далеко не революционную и вследствие этого между ними и с.-д. большевиками „шла ожесточенная борьба", то в Петербурге получилась почти такая же картина.

Московский комитет большевиков в конце концов поднял агитацию за роспуск московского стачечного комитета, указывая на недостаточность представительства в нем пролетариата. Петербургскому комитету РСДРП этого не пришлось делать в такой форме, но „недоразумения" и там были достаточно остры.

---

[1]) Список делегатов стачечного комитета заимствован из „Правды" № 42, 1905 г.

[2]) „1905 г.", стр. 84, 97.

Петербургский Совет рабочих депутатов, несомненно, возник из начавшейся стачки так же „стихийно", как и иваново-вознесенский. И прав т. Горин, который отрицает в этом вопросе приоритет меньшевиков. Приоритет здесь вообще принадлежит пролетариату. Начавшееся движение петербургских рабочих поставило вопрос об организации рабочих, о руководстве стачкой, как актуальную задачу.

Характерно, что 10 октября на забастовавшем Обуховском заводе рабочие избрали специальных старост в общий забастовочный комитет, не зная даже, существует ли такая организация, но классовым чутьем поняв необходимость ее существования.

Вполне естественно, что меньшевики на заседании своей центральной группы того же 10 октября обсуждали вопрос „что делать, какой выход дать революционному настроению масс", и находили этот выход в первую очередь в организованном представительстве борющегося пролетариата. Вместе с этим необходимо иметь в виду, что меньшевики с идеей Совета рабочих депутатов связывали ряд задач. О первой из них рассказывает А. Кузовлев [1]): „Идея рабочего съезда была выдвинута петербургскими меньшевиками сейчас же после кампании по поводу комиссии Шидловского. По проекту — рабочие на заводах и фабриках выбирают депутатов; последние составляют собрание депутатов данного города и обсуждают назревшие нужды; представители депутатских собраний отдельных городов составляют всероссийский рабочий съезд. *В идее здесь имеет место прототип Совета*" [2]). Далее, как уже отмечалось в начале, среди меньшевиков в это время была очень популярна идея „революционного самоуправления", т. е. проект создания вместе с буржуазией из земских и городских самоуправлений таких органов революции, которые смогли бы известным образом договориться с правительством. Эта оппортунистическая тактика и проводилась меньшевиками в ряде городов, с чем мы познакомимся дальше. Таким

[1]) „История Совета рабочих депутатов", стр. 36.

[2]) Увязка идеи Советов с рабочим съездом, долженствовавшим заменить политическую партию, которую делает А. Кузовлев, ничего общего не имеет с практической реализацией этой идеи большевиками во время иваново-вознесенской стачки текстилей. См. об этом выше.

образом, организация Советов рабочих депутатов меньшевиками и мыслилась с одной стороны, как форма „рабочего съезда", а с другой — как один из элементов „революционного самоуправления". Характерно, что меньшевики и самый орган назвали рабочим комитетом, который-де может стать „Рабочим агитационным комитетом и послужить основой создания широкой рабочей партии". Так они формулировали задачи этой новой организации в своих постановлениях центральной группы.

Призвав рабочих ко всеобщей стачке, меньшевики 11 октября разослали по предприятиям 50 своих агитаторов, разносивших их идею создания рабочего комитета. „*Попав* в тон настроения масс, они призывали выбирать депутатов в рабочий комитет. Призыв горячо воспринимался" [1]).

Деятельность рабочего комитета началась лишь 13 октября в технологическом институте, с 30—40 депутатами от рабочих [1]). 14 октября, по рассказу Я. Михайлова, „депутатов собралось более 150 чел. Президиум собрания был избран из товарищей: Носарь-Хрусталев—председатель, Яновский (Троцкий) и Злыднев, рабочий Обуховского завода — товарищи председателя, секретарями Степанов и Петров (Кнуньянц)" [3]).

На этом же собрании было решено выпустить воззвание, которое необходимо привести целиком, дабы выяснить характер деятельности Совета в первые дни его зарождения.

В воззвании говорится:

Всероссийская забастовка началась. Рабочий класс, кровью скрепивший требования Учредительного Собрания и всеобщего голосования и не получивший никаких прав, прибег к *последнему* (? *А. Ш.*) могучему средству всемирного рабочего движения — к всеобщей стачке. И перед сознательною силою пролетарской солидарности дрогнула слепая сила самодержавия. Председатель комитета министров, гр. Витте, открыто признал перед железнодорожными депутатами, что правительство может пасть.

Товарищи, мы, депутаты разных петербургских фабрик и заводов, обсудив положение, призываем всех рабочих поддержать великое дело борьбы за свободу и счастие народа и присоединиться к всероссийской забастовке. *Еще одно усилие — и с народа спадут цепи векового рабства* (курсив всюду мой. *А. Ш.*).

---

[1]) „История Сов. раб. деп." стр. 42.

[2]) Ткач Я. Михайлов в сборнике „Первая русская революция в Петербурге в 1905 г.", стр. 125, рассказывает, что на первом собрании было всего 25 чел. Председательствовал меньшевик „Никита" (Зборовский С.)

[3]) Там же.

Но для этого усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступать, как единая организованная сила, нельзя допустить, чтобы забастовка то вспыхивала, то потухала по отдельным фабрикам и заводам. Потому мы постановили объединить руководство движением в руках общего рабочего комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии выбрать депутатов по одному на каждые пятьсот человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит общий рабочий комитет Петербурга. Этот комитет, объединив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу. Он явится представителем нужд петербургских рабочих перед *остальным обществом*. Он определит, что нам делать во время забастовки. и укажет, когда прекратить ее. Организуйтесь, товарищи. Спешите выбирать депутатов. В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определят на долгие годы судьбу рабочего класса, мы должны встретить эти события в полной готовности, в полном сознании, объединенные нашим общим рабочим комитетом, под славным знаменем пролетариата всех стран и рабочих всех народов[1]).

В воззвании можно установить три основных мысли:

1) Признание за всеобщей стачкой „последнего могучего средства“, 2) стачка снимет с народа „цепи векового рабства“ и 3) рабочий комитет явится представителем рабочих перед буржуазией. Наконец, характерен штрих — указание на прекращение стачки в момент ее начала.

Подход к стачке меньшевиков, как видите, очень резко отличается от большевистского подхода, где стачка рассматривалась, как этап к вооруженному восстанию. В приведенном воззвании авторы его, меньшевики, о восстании не сказали ни слова, намекая лишь на представительство пролетариата перед „обществом“. На деле это означало проведение меньшевистского плана „революционного самоуправления“. Таким образом, здесь есть намеки на то, что петербургский Совет рабочих депутатов из органа революции мог стать таким же ее тормозом, как и московский стачечный комитет. Но в Москве у стачечного комитета вообще не было никакой политической линии. Он шел в хвосте событий и по существу не руководил ими. Петербургский Совет действовал определеннее — он шел за меньшевиками. Поэтому совсем не так важно, как это делает т. Горин, доказать, что петербургский Совет очень мало занимался стачечными делами, что он только в начале руководил забастовкой, а что он тянулся к политической

[1]) „Известия Сов. Раб. Деп.“. СПБ, № 1.

борьбе. Весь вопрос сводится к тому, как он тянулся к этой борьбе, насколько его поведение тормозило революцию.

Рабочая масса в ряде случаев была настроена значительно революционнее своего Совета. Перед нами резолюции и наказы рабочих своим депутатам.

Печатники, среди которых влияние меньшевиков было очень значительно, заявляют:

1) Рабочий класс накануне решительного момента, когда ему придется открыто выступить против царских холопов — он накануне того момента, когда ему для этого необходимо мобилизовать все свои силы, 2) всеобщая политическая забастовка, объявленная РСДРП, является первой ступенью, с которой рабочий класс пойдет дальше по пути решительной борьбы с царским самодержавием.

Признавая недостаточность одной пассивной борьбы, т. е. одного прекращения работ, собрание постановило: обратить армию забастовавшего рабочего класса в армию революционную, т. е. немедленно организовать боевые дружины. Пусть эти боевые дружины позаботятся о вооружении остальных рабочих масс, хотя бы путем разгрома оружейных магазинов и отобрания его у полиции и войска, где это возможно[1]).

Приказчики на общем собрании в резолюции после требования политических свобод, признания социал-демократии последовательными борцами и т. д. заявляли: „Будем бороться за выдвинутые требования с оружием в руках для установления временного революционного правительства, которое должно учредить самодержавие народа, т. е. демократическую республику“ [2]).

Такого же рода большевистские заявления были сделаны рабочими электрических станций, водопроводов и др.[3]).

В Совете рабочих депутатов были и большевики, но в первое время они уделяли тактической линии Совета мало внимания. Между тем меньшевики с самого же начала деятельности Совета ставят вопрос о практическом разрешении идеи революционного самоуправления, о переговорах с городской думой. Подробнее об этом—в следующей главе, здесь же лишь отметим, что путешествие в думу и переговоры с буржуазией показали, насколько были правы большевики, решительно заявлявшие, что сейчас пролетариату с буржуазией не по дороге.

[1]) „Изв. Сов. Раб. Деп. СПД“. СПБ, № 1.

[2]) Там же, № 2.

[3]) Там же, № 3.

Московский комитет большевиков, как увидим дальше, также „имел удовольствие“ разговаривать с гласными московской думы, но это был совсем не тот разговор, с которым обращались к питерской думе меньшевики от имени Совета рабочих депутатов. Московские большевики разговаривали с думой в интересах разоблачения буржуазии, у петербургских меньшевиков была задняя мысль — столковаться с буржуазией...

Когда с думцами ничего не вышло, меньшевики пошли на уступки эсэрам и ввели их представителей в исполнительный комитет. Большевики в Совете, будучи в меньшинстве, оказались в положении крайней левой оппозиции. Они пытались выпрямить линию Совета, повлиять на его политическое поведение. Меньшевики упорно этому сопротивлялись. Борьба доходила чуть не до разрыва, до угроз ухода из Совета. К этому времени относятся предложения петербургского комитета большевиков о необходимости выявления политической физиономии Совета и резкие возражения по этому поводу со стороны меньшевиков, отрицавших принципы партийного руководства Советами. Эсэры, насколько могли, тянули руку меньшевиков.

Интересно отметить, что и сами большевики не всегда оказывались „на высоте положения“. Бывший ответственный агитатор ПК Борис Перес до сих пор не понимает, что меньшевики шли в Совет вовсе не для подготовки пролетариата к вооруженным выступлениям. Он считал и считает до сих пор, что большевистские „ригористы“, выдвигая лозунг партийного руководства Советами, исходили якобы только из организационных схем. По его словам они якобы „не соглашались мириться с „организационной путаницей“... „По их чертежам выходило, что революцией должна руководить партия — всячески — и фактически, и организационно, и официльно“ [1])...

Конечно, петербурские „трердокаменные“ „так“ не думали, как изображает дело Б. Перес.

Приведенные выше в воспоминаниях А. Соколова, взгляды на этот вопрос т. Землячки — из московского комитета имели свой raison d'être и в отношении руководства стачкой, и в отношении перевода ее на более „высокую ступень“ — в восстание,

[1]) „Первая русская революция в 1905 г. в Петербурге“, стр. 68. Воспоминания Б. Переса.

ее соображения имели очень важное значение и, может быть, в таких случаях даже решающее.

Большевики попытались выпрямить линию, и для овладения Советом, и в первую очередь для борьбы с эсэрами и уклонами беспартийных было решено объединить свои силы с меньшевиками. Так был создан сначала Федеративный Совет из представителей ЦК (большевиков) и ОК (организационная комиссия — центр меньшевиков), подобный же федеративный комитет был образован из представителей петербургского комитета (большевиков). В последний, как рассказывает т. Перес, входили от меньшевиков Н. И. Иорданский и, кажется, Троцкий, от большевиков—Красиков, Кнуньянц и Перес... В этих федеративных органах, — сообщает тот же автор, — вырабатывалась общая линия, особенно для давления на Хрусталева, который пользовался большим влиянием в Совете: будучи сам совершенно беспринципным человеком, он умел ухватить господствующее настроение Совета и всегда шел навстречу ему, хотя иногда политически правильно было бы переломить настроение большинства, указать ему иные пути и возможности... Далее Б. Перес сообщает, что партийным представителям это *почти* всегда удавалось и фактическое руководство оставалось *за партией*. Здесь знаменательна оговорка „*почти*“ и это глухое „*за партией*“. За каким крылом партии пошел Совет с первых же дней своего существования — мы уже видели.

Такого рода недооценка роли партии в революции, повторяемая в 1925 г.[1]), чрезвычайно характерна для понимания большевистской линии по этому вопросу и в 1905 г., и в наши дни.

Федеративный Совет возник почти в то же время и в Москве, „задачей которого было выносить, где это возможно, согласованные решения по практическим вопросам... Федеративный Совет в целом вел революционную линию, т. е. меньшевики вели себя прилично и без особого сопротивления шли за большевиками“ [2]).

---

[1]) Мне передавали, что Б. Перес членом РКП ныне не состоит. *А. Ш.*

[2]) „Пятый год“, сб. I Моск. Истпарта, стр. 26. Извещение об организации Федеративного Совета, см. приложение № 14.

Московские большевики были осторожней в „блоках“, чем питерцы.

Ссылка Б. Переса, что В. И. Ленин устыдил „чистоплюев“ насчет их тактики по отношению к Советам, не разъясняет вопроса о степени уступок ПК меньшевикам в направлении руководства через Совет всем движением петербургского пролетариата.

Как мы увидим несколько дальше, вследствие „альянса“ с меньшевиками, вследствие захвата ими „советских“ позиций, октябрьская стачка не дала нужного эффекта в той степени, в какой она могла бы дать его.

Это в первую голову относится к Петербургу, в меньшей степени к Москве, но после 10—12 октября центр тяжести стачечной борьбы и дальнейшего развития ее в восстание стал как будто склоняться в сторону Петербурга.

Два слова о петербургских железнодорожниках.

Движением петербургского узла руководили два стачечных комитета: один — от служащих правлений ж. д., а другой — от линейных служащих. Между комитетами через одно лицо держалась связь. Кроме того, железнодорожники были связаны и с Советом рабочих депутатов и с Союзом союзов. Особой роли в Совете железнодорожники делегаты не играли. Петербургский пролетариат, более многочисленный, лучше организованный и пр., во многом подчинял железнодорожников, и особенно рабочих мастерских, своему влиянию. Попутно, важно отметить, что делегатский съезд железнодорожников (по пенсионным кассам), пытавшийся первое время возглавить движение на ж. д. и выступивший в качестве стороны перед Витте и Хилковым, заявил официально, что он не руководит забастовкой, а имеет лишь связь с забастовочным комитетом, который-де и ведет эту борьбу[1]). Вообще переговоры с Витте велись делегацией, в которую входили представители пенсионного съезда, член комитета линейных служащих, член всероссийского союза ж.-д. служащих и член союза железнодорожных служащих Царства Польского[2]).

[1]) „Бюллетень I всероссийского делегатского съезда железнодорожных служащих“, № 10.

[2]) Там же, № 14.

Глава VII

От стачки к восстанию.

а) Провинция.

Всеобщая стачка вступала в четвертую фазу развития. Поезда, фабрики и заводы — стояли. Столы в канцеляриях и прилавки в магазинах пустовали. Почты и газет нет. В огромной части городов бастовали городские предприятия, т. е. не было воды, электричества, плохо работала канализация, больницы, аптеки и т. д.

Это был форменный хозяйственный паралич, совершенно невыносимый для буржуазии. Большие затруднения переживали и рабочие, не подготовившиеся к стачке, так как запасы продовольствия иссякали, продукты дорожали...

Кое-какая жизнь все же теплилась. Так работали телеграф и телефоны. Стачка телеграфа началась 11 октября в Харькове, 12 — в Киеве, 13 — в Челябинске и Иркутске, 14 — в Москве и 15 — в Петербурге, но всеобщего характера она не приняла. Аппаратов и проводов уходящие телеграфисты не портили и их быстро замещали военными, или телеграфистам приходилось работать под „охраной“, вернее, под угрозой войск. Связь правительства Витте — Трепова с войсками и губернаторами почти не прерывалась. Телефоны в Москве и в Петербурге также были в их распоряжении. Витте и вся придворная камарилья имели возможность не только сноситься между собою, но и ездить к царю в Петергоф на казенном пароходе.

Николай II „лавировал“ между „террором“ и „конституцией“...

У массы оставался единственный выход — перейти от стачки к восстанию. Обзор событий начнем с провинции, с наиболее ярких моментов попыток пролетариата вооруженной рукой „свергнуть гнет вековой“. В первую очередь надо поставить

екатеринославских пролетариев. Они сумели охватить своим влиянием не только рабочих города и ближайших пригородов, но и крестьянство[1]). В Каменском и в Александровске в организации входили по 250—300 чел. рабочих.

По „Материалам" по 1905 г. екатеринославского истпарта события развертывались так:

10 октября[2]), в 2 часа дня, забастовали служащие всех служб управления Екатерининской ж. д., которые толпами направились на ст. Екатеринослав, где прекратили всякое движение, сняли всех служащих станции, мастеровых и рабочих из депо и екатеринославских главных паровозных железнодорожных мастерских и соединились на путях ст. Екатеринослав, где ораторы произносили речи. Более 2000 чел. „бушевали" до вечера на путях станции до тех пор, пока не прибыли войска. Более 500 чел., самовольно сев на поезд, в 3 ч. дня отправились на ст. Нижнеднепровск, где остановили водокачку, вагонные железнодорожные мастерские, а затем, вместе все рабочие и служащие в числе более 3000 человек, „разнесли" станцию Нижнеднепровск, разрушив телефоны и телеграф, и часов в 9 веч. с паровозом и вагонами отправились по пути за Самарский железнодорожный мост, где высадились, потушив паровоз. Того же числа в службах управления дороги были сборища, а машинисты депо Екатеринослав предъявили требования своему начальству, заявив при этом, что на службу не явятся три дня. Телеграфное сообщение прекращено. Движение поездов также прекращено совершенно на всем участке Екатеринослав — Авдеевка и частично по всей дороге.

11 октября, рано утром в депо Екатеринослав собралась толпа более 1500 чел., среди которой были ораторы. Солдаты произвели в толпу два залпа, ранили обтирщика депо Ф. Попка, после чего толпа рассеялась.

В тот же день утром на ст. Нижнеднепровск стали собираться служащие и рабочие дороги, самовольно растопили паровозы и двумя составами двинулись в количестве нескольких тысяч на ст. Екатеринослав. Первый поезд прибыл в Екатеринослав и рабочие толпой двинулись в город, второй же,

---

[1]) В крестьянской с.-д. организации губернии насчитывалось до 500 крестьян. „Искра", № 112 от 8 окт. 1905 г.

[2]) Из жандармского донесения губернатору.

завидя прибывшие войска, возвратился с моста обратно в Нижнеднепровск. Для предупреждения же прибытия новых поездов с рабочими в г. Екатеринослав, войсками были разобраны рельсы у Днепровского моста.

С утра же 11 октября остановились и заводы: бывший Эзау, Трубопрокатный, Брянский, все заводы и мастерские в поселке Амур-Нижнеднепровск. Трамвай забастовал. После сходки студентов открылся митинг в здании горного училища.

„...Получились сведения,—рассказывает другой источник,—об остановке находящегося вблизи ст. Тритузная Днепровского металлургического завода. Затем стачка перебросилась в самый город. К ней примкнули наборщики всех типографий, приказчики магазинов, шляпницы, модистки, портные, сапожники, папиросницы, рабочие картонажных мастерских, слесарных, кузнечных и механических заведений; к 12 часам дня прекратились работы на табачной фабрике, мыловаренных заводах, на мукомольных мельницах, лесопильных заводах и лесных пристанях. К полудню промышленная жизнь в городе замерла. Магазины поспешно закрывались, витрины заколачивались досчатыми затворами; только аптеки и гастрономические магазины стояли открытыми до обычного времени. В 2 часа дня забастовали провизора и аптекарские ученики. Все учебные заведения еще накануне были объявлены закрытыми „впредь до особого распоряжения". По улицам города царило необычайное движение. Государственный банк, казначейство, почтово-телеграфные конторы, губернское правление, губернаторский дом и другие официальные места охранялись усиленными патрулями солдат и казаков. По проспекту и поперечным улицам беспрерывно проезжали донские казаки в полной походной форме, за ними следовали конные городовые. Длинной лентой через весь город в течение целого дня „скорым шагом" двигалась пехота Феодосийского и Симферопольского полков. Военные силы оттягивались, главным образом, к вокзалу на Чечелевку. Здесь в „рабочей слободке" пролетариат готовился к боям. Рано утром все население первой Чечелевки уже принялось за постройку баррикад: копали канавы через улицы, запутывали всякий хлам проволокой, спиливали телеграфные столбы. На Павловской и на четырех Чечелевских улицах были устроены 6 баррикад, из которых

две — на первой Чечелевке, а остальные — на других улицах. Самая большая баррикада находилась на границе первой Чечелевки и Брянской площади. С обеих сторон ее были вырыты довольно глубокие рвы, а самая баррикада состояла из возов, рельсов, столбов и других предметов, засыпанных толстым слоем земли. Кроме того, впереди баррикады были устроены проволочные заграждения. Другие баррикады были менее сложной конструкции и состояли, главным образом, из проволочных заграждений. На каждой баррикаде с утра находилось по несколько сот человек, произносились речи и давались указания относительно образа действия. На высоких шестах развевались знамена с надписями политического содержания. К 11 ч. утра к баррикадам подошли роты солдат Феодосийского полка под прикрытием казаков. Рабочие встретили первую роту револьверными одиночными выстрелами. Казаки порывались прорваться через баррикады, но безуспешно. Затем они повернулись обратно и образовали охранные патрули, не пропускавшие публику ни на Чечелевку, ни с Чечелевки. Все внимание военных сил было сосредоточено на баррикадах первой Чечелевки. В это же время разыгрались события на Пушкинской ул. Железнодорожники на своем митинге решили соединиться с рабочими и прорваться на Брянскую площадь, где были построены баррикады. Пошли организованно по улицам. До винного склада шагали тихо. Вслед за ними „почетным эскортом“, шагах в 50 следовало полсотни казаков. Офицер уговаривал разойтись, но никто не обращал внимания, и когда завернули по Пушкинской ул. к Брянскому заводу, казаки, ехавшие все время сзади, выехали карьером вперед шествующей демонстрации. Заехав, они спешилились и взяли ружья на изготовку. Раздался сигнал рожка, вслед за ним залп. Часть толпы, шедшей впереди, вырывая камни из мостовой и бросая по казакам с криком „палачи“, бросилась кто куда. На месте осталось 11 человек убитых и раненых. Среди убитых был выступавший на митингах большевик — инженер Кириллов. На Чечелевке шел митинг. Докладывали о том, что произошло на Пушкинской улице. Со стороны города появился разъезд казаков и пытался рассеять этот митинг. Казаки, встреченные градом камней и выстрелами — отступили. Работа по постройке баррикад

продолжалась. Еще гуще опутывали проволокой улицу и стали готовиться к бою. Часам к 3 дня подошла к Чечелевке пехота, а потом и казаки. Пехота саперными ножницами начала резать проволоку и обстреливать улицу. Когда солдаты дошли до половины улицы, раздался оглушительный взрыв бомбы. Солдаты отхлынули назад, потеряв 1 убитого и 11 раненых. Вскоре подошло новое подкрепление, и войска перешли уже в настоящее наступление.

„Было около $3^1/_2$ часов дня, когда солдаты завладеди первой баррикадой. Через нескольков ремени в проезжавший патруль казаков была брошена вторая бомба, ранившая 4 лошадей, 6 казаков и 9 солдат Бердянского полка. Вслед за тем бросили третью бомбу, которая упала вблизи солдат, но не разорвалась. Солдаты возобновили стрельбу залпами и в рассыпную, по тротуарам, бросились вдоль всей 1-й Чечелевской ул., давая беспрерывные залпы, перебежали вторую баррикаду и вышли на Брянскую площадь. Когда солдаты перебегали улицу, на баррикадах уже никого не было, Одиночные револьверные выстрелы раздавались из дворов. На площади солдаты разбились на три отряда: один отправился к Брянской больнице, другой — остановился против Чечелевских улиц, а третий — ушел на железнодорожный путь. Добровольцы санитары с белыми крестами из марли на рукавах подбирали раненых и мертвых и доставляли их в лазарет, где врачи, фельдшера и фельдшерицы оказывали врачебную помощь. В этих импровизированных лазаретах наскоро сколочены были нары, покрытые простыней, тут же на треножнике кипятилась вода, а на окнах размещена была походная аптечка. Кроме того, помощь раненым оказывалась во многих частных домах. Всего убитых и умерших от ран в этих боевых „операциях“ на Пушкинской и на 1-й Чечелевке было 22 человека. В 7 ч. вечера Брянская площадь и ближайшие Чечелевские улицы погрузились в непроницаемый мрак, так как электрического освещения нигде не было... На утро на улицах появилось объявление екатеринославского губернатора:

В виду происходящих в Екатеринославе событий, вызвавших необходимость действия войск оружием, приглашаю жителей города без крайней необходимости не отлучаться из дома и не выпускать детей на улицу.

Губернатор *Нейдгардт.*

„13-го хоронили убитых на Пушкинской и 1-й Чечелевке демонстрантов. К 10 час. утра у больниц уже была масса народу: всем раздавались прокламации, выпущенные в большом количестве всеми революционными организациями. Они пестрели по рукам и читались открыто. Впереди несли знамена с лозунгами „долой самодержавие", „смерть тиранам", „вечная память погибшим" — и другие.

Высоко над головами трепетало по ветру знамя на длинном шесте без надписи — кусок белой марли, залитый кровью. Возле каждого знамени по обеим сторонам шли ораторы и выкрикивали те лозунги, которые были написаны на знаменах. Около знамени без надписи выкрикивали: „это — не простая тряпица, это — кровь наших братьев, погибших в борьбе!" После похорон на митингах стали выступать уже с определенными политическими требованиями, и политические лозунги становятся и у рабочих, и в широких массах популярнее, чем до октября".

Палачи еще не смели праздновать победу. На улицах, на вокзале, на путях, особенно ночью, шла оживленная перестрелка войск с „злоумышленниками", которые растопляли паровозы и спускали их с рельс под откос в местах их разборки. На станциях Нижнеднепровск и Екатеринослав были сожжены в одну ночь котлы в 40 паровозах.

Электрическая станция работала при помощи военной силы.

Жандармы с линии доносили: „14 октября к рабочим депо Верховцево примкнули крестьяне соседних деревень и, под видом рабочих депо, пошли по экономиям просить денег на водку, угрожая разбивать экономии, если последуют отказы. Телеграфное сообщение до 12 ч. дня 15 октября не производилось под давлением забастовщиков".

Трепов из Петербурга требовал от екатеринославского губернатора Нейдгардта применения „самых решительных мер к подавлению беспорядков, не останавливаясь перед действием вооруженной силы. Если недостаточно войск, войдите в сношение с командующим войсками: сколько войск надо — телеграфируйте".

Командующему войсками Одесского округа Каульбарсу была послана телеграмма с запросом полка кавалерии, полка пехоты и специально для Екатеринослава — *артиллерии.*

Губернатор собирался воевать с пролетариатом по настоящему. К великому огорчению Нейдгарда, командующий войсками прислал ему только батальон пехоты, заявляя, что больше прислать ничего нельзя. Жандармы налегали на создание еврейского погрома, провоцируя солдат и офицеров, заявляя, что евреи их по ночам обстреливают [1]).

Буржуазия из думцев разразилась следующим документом:

Воззвание к населению г. Екатеринослава.

Гласные екатеринославской городской думы — свидетели последних тревожных событий, приостановивших течение мирной жизни, считают своим нравственным долгом обратиться к городскому населению с призывом возвратиться к своим мирным занятиям и положить оружие, при чем гласные, опираясь на согласие г. начальника губернии, свидетельствуют, что полное умиротворение населения повлечет за собой немедленное удаление войск с улиц,

Мирные обсуждения гражданами своих нужд, доколе они не перейдут в нарушение неприкосновенности личности, имущества и жилища, не встретят со стороны властей противодействия.

Буржуазия вместе с полицией требовала, чтобы пролетариат „положил оружие". Нейдгардт распорядился отобрать все оружие и патроны из оружейных магазинов.

Люди реакции — не краснобаи, они делали свое дело достаточно солидно, подготовляя екатеринославскому пролетариату „кровавую баню"...

В других пролетарских центрах юга события, связанные с первыми днями всеобщей стачки, приняли наиболее яркий характер в Харькове и в Одессе.

В первом из этих городов события развертываются столь же стремительно, как и в Екатеринославе [1]). Стоит отметить некоторые факты с часами в руках.

8 октября в 4 ч. дня.

В монастырском дворе 300 воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений хотели отслужить демонстративную панихиду по застрелившемуся в Богодухове гимназисте Гор-

[1]) Дело № 306 — 1905 — шифрованная телеграмма Дирполу от 15 октября 1905 года за № 3234.

[1]) Хроникер событий в „Праве" № 45 — 46 — 1905 г. сообщает, что в Харькове с 4 по 10 октября ждали общей стачки по распоряжению местного с.-д. комитета. Дальнейшие события изложены по этому же № „Права", по Обнинскому „Полгода русской революции", по „Харьковскому Листку" и по „Южному Краю".

кевиче. После этого учащиеся из монастырского двора направились на Николаевскую площадь с пением похоронного марша. Здесь толпа заметно увеличилась нахлынувшей со всех сторон публикой. Часть толпы потом разошлась, а часть направилась было вновь на Николаевскую площадь, но по требованию полиции разошлась.

Приостановились занятия во всех средних учебных заведениях.

9 октября.

Среди жителей начали циркулировать слухи о предстоящей всеобщей забастовке. В 8 час. веч. забастовали телеграфисты ст. Харьков.

10 октября.

10 ч. утра. Забастовали телеграфисты управления Харьк.-Никол. ж. д., рабочие мастерских, депо и служащие всех служб трех железных дорог: Харьк.-Николаевской, Курско-Харьк.-Севастопольской и Балашовской.

11 ч. Служащие стачечники появились в городе. Остановился паровозостроительный и механический завод Гельферих-Саде.

11 — 1 ч. Рабочие обходят фабрики и заводы.

1—2 ч. Разбиты окна типографий „Южного Края“ и „Губ. Ведомостей“. Стала конка. За городом остановился сахарный завод в с. Даниловке.

2 ч. Первая попытка разграбить оружие в маг. Тарнопольского.

3 ч. На Ващенковской леваде — огромный пустырь близ вокзала — пятнадцатитысячный митинг с несколькими трибунами для ораторов. Основной митинг открылся речью одного из рабочих на тему „Пролетарии Харькова примыкают к активной борьбе и требуют созыва Учредительного Собрания“.

Во время митинга Екатеринославский мост, лежащий по пути обратного шествия бывших на митинге, и набережная реки по обеим сторонам были заняты драгунами и казаками. Огни на мосту и набережной были погашены, на Соборной площади стояла пехота.

6 ч. веч. Митинг железнодорожников в вокзале. Остановлена железнодорожная электрическая станция.

8 ч. Приближаясь к Екатеринославскому мосту, расходившиеся с митинга разбили оружейный магазин Тарнопольского под гостиницей „Россия“, при чем между демонстрантами и находившимся внутри магазина приказчиком произошла перестрелка.

В ответ на эти выстрелы казаки дали залп, очевидно, холостой, так как пострадавших здесь не было. Демонстранты отступили, отстреливаясь из револьверов и опрокинув для защиты от казаков два вагона конки.

Здесь было дано казаками еще два залпа, на этот раз боевыми патронами. Много раненых.

8 1/2 ч. Железнодорожники на своем митинге вынесли резолюцию об отмене военного положения на железных дорогах и о продлении стачки до удовлетворения всех предъявленных требований.

9 ч. веч. В театрах прекращены спектакли. Часть демонстрантов перешла на Конторскую улицу и по Конторскому мосту прошла на Павловскую и Николаевскую площади, куда стал собираться весь народ со всего города. Толпу разгоняли выстрелами.

9—12 ч. Стреляли до поздней ночи на Московской улице и на Николаевской площади, где на лестнице книжного магазина Котлеровой выстрелом из Николаевского сквера был ранен в грудь навылет студент Константиниди, умерший ночью в больнице Медицинского общества. В самом Николаевском сквере в это время казаки и драгуны, последние под командой корнета Мафини-Муффеля, „работали“ нагайками и шашками.

Вечером шло избиение арестуемых рабочих казаками и полицией.

Не хватало перевязочных пунктов. Подобрано 45 тяжело раненых, 5 убитых.

11 октября.

С утра митинги на паровозостроительном заводе и в университете. В университете перебывало до 10 тысяч человек. Магазины заперты. Конки не действуют. Студенты приступили к постройке баррикад около университета. Университет превращен в крепость.

12 ч. Забастовал почтамт.

12 1/2 ч. Прекращен прием телеграмм.

Строятся баррикады между зданием библиотеки и университетом. Материал для баррикад — дрова, мебель, сторожевые будки. Спиливались телефонные столбы, устраивались проволочные заграждения.

1 час дня. Воздвигнуто 10 баррикад. Главные баррикады превышали человеческий рост. В баррикадах изолирована вся Соборная площадь, часть Университетской улицы. Собор и здания (старые) присутственных мест оказались в центре баррикад. На баррикадах выкинуты красные флаги, между прочим, один флаг реял на соборной колокольне. Из здания присутственных мест был выброшен архив губернского правления; бумаги, как снег, покрыли всю Соборную площадь.

Для отражения войск в случае атаки в аудитории, выходящие окнами на улицу, были снесены кирпичи, камни с разобранной мостовой, поленья, уголь, колосники от печей и проч. Окна и двери университетских зданий были тщательно забаррикадированы.

Для встречи войск предназначались также едкие газы и кислоты. В трех местах были устроены врачебные пункты, организованные врачами и студентами-медиками.

В это время ректор с двумя деканами отправились к губернатору с просьбой воспрепятствовать введению войск в университет, на что получили ответ утвердительный.

Ответ губернатора ректор сообщил студентам, но последние, не доверяя обещаниям администрации, продолжали начатое дело укрепления университета.

На улицах между тем собирались толпы народа, и разъезжали казаки и драгуны.

В 1 1/2 ч. дня на Биржевой площади показалась патриотическая манифестация, состоявшая из 300 человек, по преимуществу хулиганов, вооруженных дубинами, приказчиков, массы мальчишек. Во главе манифестации находился купец Леонов. Манифестанты несли портрет государя и трехцветные флаги. Хулиганы избивали и грабили по дороге всех встречавшихся рабочих, студентов, а также публику, не желавшую снять фуражки.

Навстречу манифестантам ехала карета скорой помощи с врачом и санитаром-студентом. С гиканьем и криком манифестанты набросились на нее и избили медицинский персонал. Бесчинству хулиганов положили конец рабочие, подходившие с паровозного завода к университету. Узнав о подвигах черной сотни, рабочие с двух сторон напали на процессию и выстрелами разогнали хулиганов. Купец Леонов был ранен пятью пулями, один из знаменоносцев убит. Много раненых. Черная сотня рассеялась и перенесла свою деятельность на окраины, где в течение дня избивались ею мирные граждане, преимущественно евреи и студенты.

2 ч. дня. Николаевская площадь запружена народом. Около оружейного магазина „Спорт“ собралась огромная толпа. В это время по площади проезжали на извозчике два околоточных, эскортируемые драгунами, и объявляли толпе: „город передан военной власти!“

В $2^1/_2$ч. Толпа начала разбивать магазин „Спорт“, при чем завязалась перестрелка между нападавшими и находившимися внутри магазина приказчиками и переодетыми полицейскими. К „Спорту“ были отправлены подоспевшие казаки и рота пехоты. Казаки дали залп сначала по толпе демонстрантов, а затем, повернувшись, стали стрелять в толпу зрителей. Стреляли казаки и пехота по бежавшей толпе. Сделано было четыре залпа. Здесь было наибольшее число убитых и тяжело раненых.

Захваченное из магазина „Спорт“ оружие доставлено в университет — револьверы, ружья, масса патронов[1]), сюда же были принесены заготовленные бомбы. Оружие распределено между гарнизоном: всего вооруженных до 700 чел. Вооруженные распределены по отрядам, которые заняли главные баррикады и окна, выходившие на улицу. Бомбы распределены по крышам. Начальство над крепостью принял тут же образовавшийся комитет борьбы, военная же власть была передана комитетом коменданту. Порядок и дисциплина царили образцовые. Столкновения по городу продолжались. Пехота расстреливала поднимавшихся с земли одиночек, зачастую уже раненых. В других местах города в это время

[1]) Часть оружия из „Спорта“ рабочим захватить не удалось; его отобрали у них казаки.

войска действовали холодным оружием и нагайками с обычным остервенением.

3 ч. дня. Рабочие взяли оружие из магазина „Охота“ на Московской ул. Студенты и рабочие в университете предложили посторонней „публике“ удалиться. На Рыбной ул. черная сотня избивала прохожих, прогуливаясь по городу с портретами царя.

Вследствие громадного количества раненых, организовалось несколько новых пунктов скорой медицинской помощи.

Губернатор Старынкевич, объявил район центра города в осадном положении и власть передал генералу Мау. Виднейшие общественные деятели Харькова, собравшись в Медицинском обществе, образовали так называемый Комитет безопасности. Комитет вошел в сношения с губернатором, который разрешил вне района осадного положения для охраны граждан учредить народную милицию. Тут же начался прием пожертвований провиантом, деньгами и оружием, и вскоре отряды милиционеров буржуазии, вооруженные ружьями и револьверами, отправились в различные части города. В некоторых местах, где войска не были предупреждены, происходили столкновения между ними и милиционерами. Два отряда милиции на Екатеринославской и Старо-Московской улицах были обстреляны войсками.

Вечер. В университете, несмотря на беспрерывный подвоз провианта, пищи не хватает, и только к ночи доставлено количество ее, достаточное, чтобы продержаться поредевшим рядам осажденных (оставалось всего около тысячи) полдня.

12 час ночи. Вход и выход в район баррикад закрыт. По распоряжению коменданта, во всякого подходившего к баррикаде должны были стрелять. Выстрелы продолжались до поздней ночи. Заседание Комитета безопасности происходило до утра и было посвящено вопросу об освобождении находившихся за баррикадами.

12 октября.

1 час ночи. В зданиях университета расположились на ночлег. Женщинам и детям, в числе около 100 человек, были предоставлены безопасные места.

4 часа утра. Поднята тревога, ибо с крыш и передовых пикетов сообщили, что войска со всех сторон обложили осадный район. Все стали на ноги в ожидании близкого нападения, но войска продолжали стоять на занятых позициях.

8 час. утра. Осажденные на собрании решили держаться, пока на помощь из города не явятся рабочие. Не хватает продовольствия. Через оцепление доставить осажденным продукты не удается.

1 час дня. В крепость явился в полном составе Комитет безопасности, выработавший совместно с администрацией условия сдачи баррикад. Осажденные обязывались в течение часа с момента принятия условий покинуть баррикады, при чем фугасы, в существовании которых, неизвестно почему, администрация была уверена, должны быть вынуты. Осажденные выходят без внешнего оружия — ружей и сабель, без песен на Павловскую площадь и здесь, в предшествии коменданта города и в сопровождении на расстоянии 150 шагов эскадрона драгун, направляются к месту митинга, на Скобелевскую площадь. Никаких насилий, обысков, арестов над осажденными произведено не будет. Оружие, кроме револьверов, должно быть сложено и передано университетскому начальству, во власть которого затем передается и весь университет для охраны.

2 часа дня. Комитет безопасности передал эти условия осажденным, условия были приняты. Началось торжественное шествие осажденных по городу к месту митинга. Осажденных толпы народа встречали на улицах маханием шапок. В исполнение условий сдачи ни толпой, ни осажденными не было проронено ни одного звука, и только на самом месте митинга толпа одним стихийным криком приветствия встретила товарищей. Сдано было более 50 ружей, несколько шашек и несколько пудов боевых патронов.

3 часа дня. Митинг на Скобелевской площади. Участвует 10 тысяч. Через 40 минут толпа расходится.

Вечером кое-где стрельба, обыски проходящих, отбирают оружие. Черная сотня избивает подозрительных. Забастовка продолжается.

13 октября.

10 час. утра. На паровозостроительном заводе митинг, собралось несколько тысяч человек. В это время заседали Комитет борьбы и вновь образованная похоронная комиссия. Решено устроить торжественные похороны первых жертв движения.

Митинг постановил: разрешить пекарям[1]), служащим на электрической станции и в скотобойнях прекратить политическую забастовку. После митинга столкновения с войсками не было.

Из Ахтырки прибыл 30 Одесский драгунский полк.

Открылись магазины. Появились извозчики. Избиения черной сотней прохожих продолжаются, убито несколько евреев. Идут повальные обыски.

1 час дня. Буржуазия сдает позиции. В соединенном заседании думы, Комитета безопасности и представителей организаций доложено, что губернатор, разрешив учредить народную милицию, отклонил представленный Комитетом безопасности ее проект, находя его в настоящее время неосуществимым. Вместе с тем губернатор, в виду полученного им распоряжения свыше, заявил депутатам, что примет самые решительные меры к подавлению движения. Вопрос о милиции остался открытым. В заседании был решен вопрос о торжественном погребении убитых. Дума ассигновала на похороны 600 руб. Установлен церемониал процессии и путь следования ее согласно указанию губернатора.

Вечером. В городе могильная тишина, нарушаемая проезжающими патрулями.

14 октября.

Город на военном положении. Прибыла артиллерия...

С утра начинаются грандиозные похороны жертв революции. Все в трауре — черном с красным. Оркестры, хоры: „Вы жертвою пали“... Сборы на организации, на восстание.

1 час дня. Комитет борьбы руководит процессией. По его распоряжению, „дабы не дразнить войска“, все снимают красные повязки. Процессия двигается в образцовом порядке.

[1]) Хлеба в городе не было. Цена на него повысилась до 10 — 15 коп. за фунт с 3 — 5 к., небольшая булка продовалась за 35 — 40 к. Мясо поднялось в цене до 18 к. за фунт.

На кладбище у братских могил речи. Тут же принимается решение о прекращении с 15 октября политической забастовки.

Вечером. В стройном порядке тысячи демонстрантов возвращаются с кладбища в город. Всюду на улицах объявления:

От Харьковского временного генерал-губернатора.

Население г. Харькова и уезда встревожено слухами о предстоящих якобы массовых беспорядках. Меры к охранению личности и имущества жителей города и уезда приняты.

Поэтому прошу население указанным слухам не верить, а если бы, однако, где-либо возникли попытки к устройству каких бы то ни было беспорядков или грабежей, таковые будут прекращены в самом начале, следовательно серьезного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять самым решительным образом. При оказании к тому со стороны толпы сопротивления *холостых залпов не будет.* Считаю долгом предупредить об этом население города и уезда, дабы каждый обыватель, примкнувший к толпе, производящей беспорядки, знал, чем рискует; благоразумное же население города и уезда, во избежание тяжелых последствий, приглашаю к сборищам, направленным к нарушению порядка, не примыкать.

Временный харьковский ген.-губернатор *Сенницкий.*

15 октября.

На всех перекрестках патрули, обыскивающие всех прохожих. При нахождении оружия обыскиваемых избивают и арестуют. Военщина решительно расправляется не только с революционерами, но и с остатками либерализма.

Генерал-губернатор закрыл технологический институт и отменил заседание Медицинского общества.

На заводах под угрозой войск идет расчет рабочих. Телеграф восстановлен, хотя и работает окружным путем. В театре начались спектакли. Ходит конка. Опубликовано новое объявление генерал-губернатора о воспрещении сборищ и передаче полиции имеющегося на руках оружия; по городу дефилируют отряды войск.

На улицах тихо...

Поезда стоят...

Санитарный врач Фавр подводил статистику потерь. Всего пострадало: убитых, раненых и умерших от ран — 147; убитых и тяжело раненых — 44, остальные ранены более или менее легко. Пострадавшие по профессиям: рабочих — 37,

студентов—11, приказчиков и торговцев—15, служащих в правительственных и общественных учреждениях — 7, интеллигентных профессий — 5, остальных категорий по несколько или по одному случаю. Евреев пострадало 27. По полам пострадавшие разделяются так: мужчин — 133, женщин — 14. Возраст пострадавших — от 13 до 60, преимущественно же от 17 до 30 лет. По частям города: на Николаевской площади — 46, на Екатеринославской улице — 17, Торговой пл. и прилегающим к ней улицам — 18, на углу Конной и Старо-Московской ул. — 8, в Нетечинском районе — 4. Относительно многих не отмечено, где и как они пострадали.

По дням пострадавшие распределяются так: 10 октября пострадало 27 человек, 11 — 85, с 11 на 12 — 12 и 12 октября — 19 человек.

Реакция победила...

Так окончились попытки восстания в Харькове в дни всеобщей политической октябрьской стачки.

Очень много общего с событиями в Екатеринославе и Харькове имело и „октябрьское вооруженное восстание в Одессе", описанное черносотенцем А. И. Елишевым в книжке под этим названием.

Между прочим, А. И. Елишев рассказывает, что одесский градоначальник Нейдгардт (брат жены Столыпина [1]), ездивший за инструкциями в Петербург, заявил, что Д. Ф. Трепов подчеркивал ему, Нейдгардту, что пока массы в университетах — их трогать не следует.

„— Хотя бы там подготовлялось восстание? — наивно спрашивал у Трепова Нейдгардт.

„— Да, — отвечал Трепов,— хотя бы восстание... Вас это не касается — доколе массы не выйдут на улицу; а если выйдут — тогда и расстреливайте"...

Так царевы слуги понимали „автономию" высших учебных заведений.

---

[1]) „Крайне легкомысленный, поверхностный и мало знающий, но пребывающий о себе высокого мнения, надменный и с подчиненными грубый. Большинство жителей его ненавидело", — так аттестует его в своих „Воспоминаниях" Витте. Книжка Елишева написана специально в защиту Нейдгардта, снятого Витте за изуверский бессмысленный еврейский погром.

Нейдгардт просил у Трепова войск, но в этом ему было отказано. Вспомните, что и екатеринославский Нейдгарт обращался к Трепову с той же просьбой.

В Одессе события начались с „комсомольско-пионерских" демонстраций учащейся молодежи 13 октября. От полиции молодежь отбивалась камнями. Полицейские шашками ранили несколько человек, разгоняя демонстрантов... В этот же день на собраниях военных начальников Одессы в квартире командующего войсками бар. Каульбарса было разработано и утверждено особое „наставление" войсковым начальникам и полиции с планом подавления восстания.

14 октября была произведена репетиция выработанного „наставления". Закрылись банки, магазины. По городу быстро разбрасываются войска. „Все охраняется, войска наготове. Все полицейские участки заняты пехотой и казаками, готовыми ринуться в бой. Заняты отрядами войск водопровод, станция ж. д., депо трамваев, казначейство, государственный банк, открытые рынки, мукомольня, телефонная и телеграфная станция, почта, тюрьма и т. д." [1]). Так репетировал усмирение восстания напуганный Нейдгардт. По настоящему события развернулись в Одессе лишь 15 и 16 октября.

Ход их таков.

Стачка началась в центре города с 15 октября: бастовали служащие разных учреждений, вплоть до банков, земства и городского управления. Ушли с работ наборщики, фармацевты.

Население усиленно запасается провизией. В городской думе выносится решение создать временный городской исполнительный комитет, в который входят представители рабочих и других общественно-политических организаций, а также и городской милиции [2]). Нейдгардт, чуя беду, дает приказ отобрать в оружейных магазинах патроны... На втором собрании

[1]) *А. И. Елишев.* — „Октябрьское вооруженное восстание в Одессе". М. 1908 г.

[2]) Там же, стр. 8. Этот „комитет" был до некоторой степени суррогатом Совета рабочих депутатов и приближался к меньшевистской организации, претендовавшей на название „революционного самоуправления". По материалам охранки в комитет входили Драго, Климович, Сакер, Шик, Осипович, Лазаревич, Фюрстенберг, Брусиловский, Лисенко, Скачков, Завьялов, Орженцкий, Богуцкий, Жаботинский и др.

военных начальников он делает доклад о планах революционеров, составленный по донесениям провокаторов. По Нейдгардту, революционные партии Одессы рассчитывали на Дунайский полк и на поддержку черноморского флота[1]). Город разделен на 10 участков с 47 военными постами. Утром 16 октября население читает объявление градоначальника, предупреждающее, что в случаях скопления толпы, оказывающей сопротивление полиции, войска будут стрелять...

В то же время в порту за счет градоначальства поят и кормят босяков, ведя среди них черносотенную агитацию. Объявление действует как раз наоборот. Всюду на улицах появились толпы демонстрантов. На Дерибасовской толпой разгромлен оружейный магазин („Американский"), из которого еще ночью полиция вынесла все патроны и порох. Пешие жандармы отнимали разграбленное оружие. Около 2 часов дня на Преображенской произошла первая перестрелка демонстрантов с полицией, на помощь которой были вызваны войска, начавшие обстреливать дома, где предполагались засады революционеров. Отряд у городского парка обстрелял толпу около Александровского участка.

С этого момента на Ришельевской в двух местах и еще в двух на Преображенской начали строить баррикады: их сооружали из опрокинутых вагонов конки, занимая ими всю улицу и тротуары; вывески, деревья, тут же срубленные мальчишками, скамейки, находившиеся около остановок конки, все это сваливалось и из колючей проволоки делалось заграждение. По крышам вагонов расхаживали молодые люди. Кое-где говорились речи. Около баррикад в частных квартирах — перевязочные пункты. Обстреляна войсками баррикада на углу Еврейской и Преображенской. 20 убитых и раненых. Всех баррикад насчитывалось в разных частях города 31. Всех

[1]) Т. Станчинский в „Пролетарской Революции", № 9 — 1922 г., рассказывает, что одесской военной организации ко времени октябрьской стачки удалось завязать связи во многих частях гарнизона. В октябре — ноябре организация представляла довольно стройное целое с особым комитетом во главе. Но в это время в Одессе был единый с.-д. комитет с преобладанием меньшевиков. Они же преобладали и в военной организации. Прочные связи у военнной организации были не с Дунайским полком, а с саперами, с 205 пех. Измайловским полком, Одесским морским батальоном и 274 пех. Ставучанским полком.

их войска обстреливали ружейным огнем. Когда дружинники разбегались от баррикад, их занимали войска и при помощи солдат и дворников разбрасывали и разрушали их. Кареты скорой помощи замелькали по городу во всех направлениях. Кое-где раздавались единичные выстрелы. Публике запрещено было собираться группами. По улицам стояли пехотные караулы и казачьи пикеты. В еврейскую больницу доставили пять трупов, а в университетские клиники — двенадцать.

Войска обстреливались из окон, из-за углов и с чердаков, „на ходу, второпях, по-заячьи", — повествует черносотенный очевидец. Среди войск ранены эсаул Назаров, жандарм...

Большие усилия затрачивали революционеры, чтобы прервать действие телефонной сети, по которой шли приказы и по полиции и по передвижению войск.

Офицер уговорил телефонных служащих работать, обещая им от имени градоначальника „денежные награды за усиленный труд". Агитация пробравшейся на станцию уволенной телефонистки успеха не имела. Телефонистки и другие служащие прожили на станции безвыходно почти целую неделю. Телефонным работникам был объявлен бойкот: им не отпускались, напр., лекарства из аптек. На электрической станции все рабочие были арестованы войсками и под угрозой избиения продолжали работать. За первый день восстания в больницах зарегистрировано 9 убитых и 80 раненых более или менее тяжело. Многие легко раненые после перевязок расходились по домам.

В университет никого не пропускали. В разных местах города арестовано 212 чел.

17 октября забастовали рабочие пригородов и железнодорожных мастерских. Остановилось и движение поездов. Часть фабрик все же работала. Многие магазины открыты. Пароходы, находившиеся в распоряжении администрации, стояли у мола под парами, готовые каждую минуту сняться и уйти в море.

Город засыпан прокламациями „К железнодорожным рабочим" и „Кровавый царь".

Временный городской исполнительный комитет заседает без перерыва и стремится сосредоточить у себя полное распоряжение городом. Комитет обратился к командующему войсками с просьбой арестовать градоначальника, „распустить

полицию и допустить милицию“ [1]). Особая комиссия из думцев с разрешения градоначальника осматривает полицейские участки для поверки слухов об аресте детей и составляет протокол об ужасах содержания арестованных.

18 октября, с получением манифеста о свободах, Одесса демонстрирует с красными знаменами, с обезглавленным чучелом с надписью „Вот самодержавие“. Разобрано оружие во всех оружейных магазинах. Студенты оставляли расписки: „Комитет вооружения студенческой милиции“. Начавшие было ходить конки ушли в депо „по случаю конституции“, как объясняли служащие.

Градоначальника Нейдгардта, пытавшегося с балкона своего дома произнести речь, криками и свистом заставили замолчать. Командующий войсками барон Каульбарс выходил к толпе и кричал: „Да здравствует свобода!“

У Нейдгардта произошло совещание городского головы и проф. Щепкина, при чем последний настаивал на уводе войск с улиц в казармы, удалении за город казаков и разрешении торжественных похорон жертв революции.

Градоначальник от удовлетворения требований Щепкина отказался, но Каульбарс согласился на похороны, под поручительством буржуазии. В это же время начались нападения на городовых. За 18 октября было убито два городовых, ранено и обезоружено 10 и обезоружено 22.

Казаки сняли с думы красный флаг. В роту солдат брошена бомба. Рота дала пять залпов. Полицию с постов сняли и заменили сильными военными патрулями. Студенческая вооруженная милиция пряталась при приближении войск. На Дальнике была произведена первая попытка еврейского погрома...

С 19-го наступил период ликвидации стачки путем грандиознейшего погрома и отчаяннейшей самозащиты пролетариата, о чем в следующей главе.

В таких формах развертывалась всеобщая политическая стачка в украинских центрах. Стачка стихийно переходила в восстание. Революционный порыв покрывал и полную неподготовленность к восстанию, отсутствие необходимого в такие моменты руководства...

[1]) *А. И. Елишев.* — „Октябрьское вооруженное восстание в Одессе. М. 1908 г., стр. 101.

В Поволжье до открытых схваток с войсками дело почти нигде не доходило. В Саратове в первый период всеобщей стачки возникла перестрелка с полицией и казаками во время разгона митингов и демонстраций. Второй случай произошел 14 октября после получения из Петербурга общего по провинции приказа Трепова о недопущении собраний и „сборищ", когда около городской думы тысячная толпа отбивалась от казаков камнями и одиночными выстрелами.

Саратовский стачечный комитет, в который входили представители всех профессий, требовал от думы денег на вооружение граждан и разоружения полиции. Из этих требований ничего не вышло. Буржуазия стала торговаться со стачечным комитетом, обещав взять на себя организацию и защиту митингов. Губернатор же распорядился все митинги разогнать. И разгоняли...

Так тянулось дело несколько дней до ареста железнодорожных делегатов и разыгравшегося потом погрома, в котором стачка и погибла.

В Самаре с 12 октября события развертывались тем же темпом. Многотысячные демонстрации и митинги разгонялись казаками и полицией. Попытка стачечников захватить почту и телеграф кончилась неудачей. Телеграф работал под усиленной охраной войска. Последние дни стачки прошли в постоянных стычках рабочих с войсками и особенно с полицией.

В Казани казаки избивали и расстреливали рабочих за несколько дней до знаменательного манифеста 17 октября. Кое-где были попытки оказать насильникам сопротивление.

Большой интерес представляют события, разыгравшиеся в Томске [1]), где железнодорожная забастовка началась 12 октября. Первыми по инициативе ж.-д. комитета РСДРП забастовали служащие Сибирской железной дороги, устроившие ряд многолюднейших митингов, на которых восторженно принимались лозунги московского узла. 14 октября стало движение по Сибирской линиии. 15 октября войска осадили митинг в народном доме и не пропускали провианта, требуя сдачи всех взрослых мужчин. Губернатор Азанчевский

[1]) „Прол. Револ." № 6 (41). 1925 г., стр. 96, ст. *В. М. Броннер* —„Октябрь 1905 г. в Томске".

соглашался выпустить детей и женщин, но голодные малыши, попавшие в осаду, на своем собрании постановили — не выходить никому, если не будут освобождены все. В 10 ч. вечера у городской управы собралось несколько сот человел, в том числе и родителей осажденных детей. Толпа двинулась к губернаторскому дому, решив в случае отказа в освобождении осажденных ударить в набат, призвать всех к оружию, вооружиться, кто чем сможет, и пойти на выручку детей. В 12 час. ночи толпа осадила дом губернатора, узнавшего о таком ее решении и уступившего. Осада была снята и все разошлись по домам.

16 октября на митинге городских служащих и рабочих был открыт сбор пожертвований на оружие и шеститысячная толпа дала клятву: „победить или умереть", трижды прокричав: „Да здравствует вооруженное восстание".

Всеобщая стачка распространилась на весь Томск. Всюду шли митинги и принимались весьма решительные революционные резолюции, собирались деньги на оружие. Манифест 17 октября Томск встретил очень холодно. Митинг в городском театре, на котором присутствовала наиболее сознательная часть населения, после оглашения манифеста еще более резко высказался за вооруженное восстание.

18 октября казаки избили демонстрацию молодежи — учащихся среднеучебных заведений. Тогда же начались выборы органа революционного самоуправления. 19 и 20 октября прошли в выборах и переговорах с буржуазным комитетом общественной безопасности о создании милиции и пр. Но губернатор и архиерей Макарий (впоследствии митрополит Москвы) организовали черную сотню и выпустили ее 20 окт. на улицы города... С этого момента начинается полоса упадка революционного движения в Томске, о чем дальше...

В пролетарских центрах Кавказа — в Баку, Тифлисе и Батуме стачка началась позднее, чем в Москве и Петербурге, хотя ждали и готовились к ней давно. В Тифлисе очень активными оказались приказчики, объявившие первыми свою профессиональную общую стачку. Митинги, и разгуливавшие по улицам города толпы служащих и рабочих разгонялись полицией, и с первого же дня стачки началась своеобразная партизанщина. Так, на Вокзальной улице был обстрелян

патруль драгун, в свою очередь открывший огонь вдоль улицы, на помощь ему с вокзала явился резервный взвод, начались массовые обыски. В то же время раздавались одиночные выстрелы на Гоголевской улице... На одной из улиц убит околоточный надзиратель. На железной дороге рабочие устроили крушение поезда, перевозившего казаков: восемь вагонов разбито, три казака убито, пять ранено. Железнодорожные рабочие пристрелили штрейкбрехера машиниста Петрова, из-за чего лезгинами был оцеплен целый квартал и произведен повальный обыск. Во время стачки террористические нападения на жандармов и полицию вообще происходили почти ежедневно в разных пунктах Закавказья, но больше всего их было в Тифлисе, где в ход пускались даже бомбы (убийство околоточного Саникидзе). Так продолжалось до 18 октября, когда был опубликован манифест о свободах. В этот день массы захватили все улицы города. Всюду митинги, революционные речи, демонстрации с пением революционных песен, с сотнями красных знамен.

В рабочем районе в Нахаловке был организован грандиозный митинг в 30 тысяч человек [1]), на котором выступили, главным образом, социал-демократы, охарактеризовавшие манифест, как победу пролетарского движения, и призывавшие народ к вооружению для закрепления приобретенных прав и для расширения политической свободы. Войска и полиция не вмешивались. Тифлисский комитет РСДРП выпустил листок с призывом „продолжать борьбу для установления полного демократического строя".

19 октября в Нахаловке на митинге собралась толпа народа до 60 тысяч. Ораторы социал-демократы на русском, грузинском и армянском языках продолжали разъяснять тогдашнее положение России, взаимоотношения общественных классов и цели социал-демократии. Бюро, состоящее из социал-демократов, предложило митингу пойти демонстративным порядком к наместнику и потребовать у него снятия экзекуции в деревнях, снятия военного положения в Тифлисе и освобождения политических. Многотысячная толпа с портретом Маркса впереди, с красными флагами и революционными

[1]) „Возрождение", № 11, 26 октября 1905 г., „Право", № 48—49, „Кавказ" и др.

песнями направилась по главным улицам. Из всех домов манифестантов приветствовали красными платками и восторженными возгласами. На Головинском проспекте демонстрантов остановили войска. Относительно снятия военного положения наместник ответил депутатам, посланным демонстрантами, что он может его выполнить только тогда, когда народ успокоится; что касается требования относительно освобождения политических, наместник заявил, что освободит только арестованных в административном порядке.

Ответ наместника был сообщен собравшейся на Головинском проспекте толпе. Сходка с речами такого же агитационного характера, как и раньше, продолжалась, постановив на следующий день снова в 10 час. утра собраться в Нахаловке.

На сходках 20 октября распространялись прокламации тифлисского комитета кавказского союза российской социал-демократической рабочей партии с призывом к вооруженному восстанию.

В этот же день появились прокламации под заглавием: „Ко всем гражданам Кавказа" от имени трех групп: 1) тифлисского комитета партии социалистов-революционеров; 2) тифлисского центрального комитета партии Дашнакцютюн и 3) тифлисского комитета грузинской партии социалистов-федералистов. Требования этих партий сводились к следующему:

1) Немедленная и полная амнистия всем политическим преступникам.

2) Немедленная замена постоянной армии народной милицией.

3) Немедленное и повсеместное снятие военного положения, усиленной охраны, экзекуций и т. п.

4) Немедленный созыв Учредительного Собрания для выработки начал Российской федеративно-демократической республики.

Для выполнения этой программы соединенные революционные группы приглашают не складывать оружия и продолжать борьбу.

20 и 21 октября продолжались митинги в Нахаловке: в эти дни выступили также татарские ораторы, призывающие мусульман рабочих примкнуть к международной социал-демократии. В этот же день появились прокламации тифлисского комитета

российской социал-демократической рабочей партии, призывающие „все классы населения продолжать борьбу, чтобы силой добиться осуществления выставленных кавказкими социал-демократическими рабочими организациями требований".

Администрация края во главе с наместником в эти дни сумела подготовиться к грозившей опасности...

В другом крупнейшем рабочем центре Кавказа — Баку,— где ко времени октябрьской стачки полицией была снята головка местной большевистской организации (в числе арестованных был и М. Н. Лядов, представитель ЦК большевиков, которого товарищам удалось подменить в тюрьме за 150 руб. [1]), стачечное движение, с остановкой ж. д. развернулось очень быстро. Что рабочая масса к стачке готовилась очень серьезно и возлагала на нее большие надежды, доказывает факт нахождения в начале октября на заводе Манташева пушки. Полицейский протокол так описывает это происшествие: „По прибытии на завод Манташева жандармерии и военных властей, было осмотрено место нахождения пушки у северо-восточной стены завода, неподалеку от бывшего домашнего театра. Пушка лежала в небольшой рытвине, под самою стеною, и сверху была засыпана землей, а близлежащее место загромождено большими пустыми ящиками. Пушка, повидимому стальная, самодельная, длиною около 1¼ аршина, поперечник дульной части — около 2 вершков; при помощи железных скоб и винтов пушка укреплена в деревянной колоде. В навинченной глухой казенной части имеется затравочное отверстие. Пушка оказалась заряженною, при чем снаряд ее состоял из 6 стальных картечей крупного образца и 16 остроугольных стальных осколков, а заряд из 29 золотников пороха, смешанного с мелкими кусочками серы и капсюлями с гремучей ртутью".

Начавшуюся 14 октября железнодорожную стачку генерал-губернатор Баку Фадеев готовился подавить самым свирепым образом, о чем и издал соответствующее объявление, угрожая артиллерийским огнем.

Одна из черносотенных газеток не то высказывая сомнение в полезности генеральских угроз, не то подготовляя „общественное мнение" к артиллерийскому обстрелу, доносила, что

[1]) „Из прошлого", статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. стр. 146.

в Баку вообще подвозится масса оружия и, как на пример, ссылалась на арест на пароходе, прибывшем из Астрахани, 11 сундуков и ящиков, в которых оказалось до 60 тысяч револьверных патронов[1]).

Стачка, однако, как и везде, началась с мирных митингов и демонстраций, усилившихся в связи с опубликованием манифеста 17 октября. Огромные митинги стали устраиваться на улицах и площадях. С одного митинга толпа пошла к Баиловской тюрьме, откуда выпустила долго сидевших там большевиков Петра Монтина, Хундадзе и др.

Другая толпа в тот же день около 11 час. утра, численностью до 5.000 чел. разных национальностей, подошла к арестному дому, где содержались политические арестанты: в толпе было много красных флагов. Подойдя к самому арестному дому, толпа вызвала смотрителя и потребовала от него освобождения всех арестантов. Смотритель обещал доложить об этом по начальству и, если получит разрешение, исполнить таковое немедленно. Как раз в это время у ген.-губернатора шло совещание с прокурором окружного суда Вороновым, в присутствии присяжного поверенного Смирнова, явившегося в качестве уполномоченного от манифестантов по вопросу об освобождении из-под ареста политических арестантов. Толпа не хотела ждать и подступала к самому арестному дому. Караульный начальник Пеньков выстроил взвод солдат перед арестным домом, лицом к толпе. Несмотря на это, толпа подошла к фронту грудью и стала настойчиво требовать освобождения арестантов. Пеньков ответил, что это не в его власти, и просил толпу удалиться, предупредив, что в противном случае вынужден будет стрелять; в подтверждение этого он скомандовал „на изготовку". Толпа отступила назад; тогда Пеньков скомандовал „к ноге". После этого толпа опять стала наступать, и Пеньков снова скомандовал „на изготовку"— и толпа вновь отхлынула назад. В это время к арестному дому на усиление караула подошла третья рота, но пробраться сквозь окружавшую арестный дом толпу ей не удалось, толпа окружила роту и не пускала ее дальше; командира роты

[1]) События в Баку освещены по газетным материалам, по ст. К. Голубева „Подпольная работа в Баку", „Пролетарская Революция", № 6, 1922 г., и другие мелкие сообщения — по изданиям Бакинского Истпарта.

прапорщика Бороздняка хватала за грудь и за шашку, свалила его на землю, а солдат хватала за ружья, у некоторых ружей были оторваны ремни. Бороздняк приказал сигналисту играть сбор, чтобы собрать солдат, рассеянных толпой по одиночке; на сигнал собрал до 40 человек солдат и приказал сигналисту сыграть предупредительный сигнал перед открытием огня, после чего собравшаяся часть роты стала стрелять; стрельба продолжалась около двух минут, выпущено былоо коло восьмидесяти патронов, после чего толпа рассеялась во все стороны. Убитых — 1, раненых — 15. Арестованных освободили...

С 20 октября началось решительное наступление генерала Фадеева на стачку в форме армянского погрома...

Реакция вообще жестоко мстила пролетариату за короткие дни свободных митингов, за выпущенных на свободу политических арестантов.

В западном углу Закавказья октябрьская стачка вызвала, как и всюду, обострение революционного взрыва.

В Батуме с 16 октября телеграфное сообщение с Тифлисом и Новороссийском, вследствие порчи проводов в Кобулетах, прервалось, а также прекратилась деятельность и железнодорожного депо. Общество взаимного кредита, типографии и многие частные конторы не работали. Весь пролетариат города устремился на митинги и демонстрации, что повлекло за собой учащение столкновений с полицией и войсками.

В результате, 22 октября генерал-губернатор объявил по городу и Кинтришскому участку следующее: „Воспрещается езда в вышеозначенных местностях после 6 часов вечера до рассвета. Воспрещается ношение палок, езда на велосипеде, хождение в бурках во всякое время. Нарушившие запрещение подвергаются штрафу в 3 тысячи рублей или аресту до трех месяцев, палки, велосипеды и бурки конфискуются".

К 25 октября во многих местах железнодорожного пути были сняты рельсы и повреждены мосты. Воинский поезд с амуницией возвратился. По словам беглецов, в Гурии происходят кровопролитные столкновения войск с народом. В Озургетском уезде бомбами убито и ранено много казаков. В Батуме из Озургет получена телеграмма об убийстве бомбами из засады уездного начальника Лазаренко, мирового судьи с женой и сотни пластунов. Вскоре всю Кутаисскую

губернию пришлось объявить на военном положении. Военное положение было введено и в Елизаветпольской губернии.

Из Батума вытребовали в Гурию горные орудия и войска. Для подавления восстания туда направлялся убежденный погромщик ген. Алиханов.

С 18 октября целую неделю продолжалась всеобщая забастовка в Сухуме с демонстрациями, красными знаменами, со стычками с полицией и проч.

В те же дни в Джебраиле „патриотов" разгоняли бомбами. Черные громили армян, убили священника армянина с причтом, хоронивших покойника.

Всюду тревога, крайнее возбуждение и ожесточенная классовая война, осложняемая провокацией правительства на почве национальной розни.

В Польше „октябрьские дни" начинаются, как и на Кавказе, с террористических покушений на полицию и войска. Действуют бомбами, револьверами. Больше всего покушений и убийств в рабочих центрах: в Варшаве, в Белостоке и в Лодзи.

Всеобщая стачка в Польше развертывалась очень быстро. Даем место хронике из „Пролетария" (№ 24) и из общей печати о событиях в отдельных районах Польши.

Варшава. 8 октября. В фабричном поселке Влохи, близ Варшавы, рабочие железнодорожных мастерских убили двенадцатью револьверными выстрелами мастера Квалишевского и тяжело ранили при это этом одного рабочего. На 12 октября социал-демократами назначена однодневная забастовка в знак солидарности с последними московскими и петербургскими событиями.

12 октября. Революционные партии агитируют за немедленное прекращение работ на всех фабриках Варшавы и Лодзи. Польские национал-демократы предостерегают *от насильственных выходок* (курсив мой. *А. Ш.*).

На Варшавско-Петербургской железнодорожной линии прекращено движение; то же на всех остальных Варшавских дорогах, за исключением Варшавско-Венской. Для восстановления движения на петербургской дороге командирован железнодорожный батальон. На путях всюду часовые. Обстрелян товарный поезд.

13 октября. Рабочие Варшавско-Венской дороги присоединились к общей забастовке. Вечером движение совсем прекратилось. В Лодзи и Пабианицах забастовало несколько больших фабрик; количество забастовавших доходит до 40.000 человек; ожидается забастовка и на других фабриках. Петроковская губерния объявлена на военном положении. Вооруженные отряды проникли в типографии газет и пытались помешать печатанию. Много газет совершенно не вышло. Цены на продукты возрастают как здесь, так и в Лодзи; угрожает недостаток угля; положение напряженное. Завтра начнутся забастовки на всех фабриках. В Пабианицах сильные беспорядки. Войска стреляли; много раненых.

14 октября. В Варшаве все фабрики бастуют; ведется агитация за закрытие всех торгово-промышленных заведений. Город объявлен на военном положении третей степени: после 8 часов вечера никто не должен показываться на улицу.

В тот же день в Лодзи прекратил движение городской трамвай. Вследствие забастовки на железных дорогах Лодзь отрезана от внешнего мира: два дня не прибывает почта. Цены на пищевые продукты, керосин и уголь возрастают.

15 октября между Лодзью и Москвой прекратилось телеграфное снощение.

В Варшаве 16 октября при обыске найдены три бомбы. Владелец, стрелявший в полицию, арестован.

На следующий день все торгово-промышленные заведения были закрыты. Единственная лавка, которая была открыта, разрушена. Многотысячные толпы рабочих ходили по улицам и рвали русские флаги. Военные патрули стреляли холостыми зарядами. Все ждали кровавого столкновения.

В Варшаве все фабрики, банки и другие учреждения закрылись. Коночные вагоны повсюду опрокидываются, разбиваются и сжигаются. В уездных городах везде вспыхивают забастовки. Особенно критическим становится положение в Лодзи и Лодзинском уезде. Там бастует более 100 тыс. рабочих.

В Сувалкской губернии вооруженные толпы разгромили 11 винных лавок. В предместье Прага убит жандарм. Из Эгержа сообщают, что солдаты отказались стрелять.

События в Польше назревают и готовы вылиться в серьезное восстание. Его все ждут, к нему готовятся. Оно всюду прорывается...

Целую неделю идет открытая непрерывная агитационная работа среди масс политических партий.

Только 24 октября генерал-губернатор объявил, что с этого дня запрещаются всякие шествия, собрания и митинги под открытым небом. Но это плохо помогало. Наконец, 30 октября все десять губерний были объявлены на военном положении. По сообщению корреспондента, „официальное сообщение об этом произвело в Варшаве очень тяжелое впечатление. Число сторонников продолжения всеобщей забастовки увеличивается. Решение бороться за свободу укрепляется. Из провинции получаются такие же известия. В беседе с графом Тышкевичем, Либицким и Янцевым ген. Скалон заявил, что не разрешит образовать городскую милицию и не только не выведет войск из города, но и не снимет их с улиц. На заявление, что движение может перейти в массовое, генерал-губернатор заметил, что это также *предусмотрено*“...

„Предусмотрительное“ начальство отвергало услуги польской буржуазии для удушения революции...

В Прибалтийском крае та же картина террористических актов до 12 октября, когда началась всеобщая стачка. Начальство издает обязательное постановление с угрозой тюрьмой и штрафами за собрание, за „самовольное прекращение работ“ и пр., но рабочие делают свое дело. Однако, события здесь вначале были как будто не так еще грозны. Например, 13 октября из Ревеля вывезли морем в Петербург шесть батальонов пехоты, но уже 14-го в Ревеле началась всеобщая стачка.

По газетным телеграммам там стачка сразу развернулась в восстание; в трех местах начался сильный пожар; вся деловая жизнь приостановилась; войска заняты рассеиванием восставших. Инсургенты при криках „ура“ разграбили оружейные магазины и овладели револьверами и другим оружием. Все магазины закрыты[1]). Всю ночь происходили многочисленные столкновения с войсками и полицией. Убито — 8, ранено — 40 чел. Толпы, вооруженные ружьями

[1]) „Пролетарий“, № 24 за 1905 г.

и револьверами, мешали пожарной команде тушить охваченный пламенем городской театр.

Было опрокинуто много телеграфных столбов. Вследствие порчи газового завода, улицы остались без освещения. Кучки рабочих двигались по улицам, стреляя.

В то же время и в Риге возбуждение нарастало. Все школы, магазины и фабрики были закрыты. Улицы полны рабочими, препятствовавшими движению. Вся промышленная жизнь замерла. Какой-то полковник был убит открыто на улице.

17 октября из Прибалтики сообщали: в Риге и Ревеле происходят кровавые сцены. В Риге вчера были многочисленные столкновения с войсками, при чем много раненых как холодным оружием, так и выстрелами. В Ревеле бастовавшие решили во что бы то ни стало добиться удовлетворения своих политических требований. При столкновении с войсками эти последние дали два залпа по толпе: убито 45 человек; раненых, вероятно, вдвое больше...

В Финляндии, в общем, события развертывались по тому же типу, как и на других окраинах.

17 октября забастовали железные дороги, фабрики и заводы[1]). В тот же день в Гельсингфорсе полиция и жандармы были обезоружены. 19 октября забастовка продолжалась. В Финляндии образовалось нечто вроде временного правительства. Ген.-губернатор кн. Оболенский, знаменитый усмиритель харьковских крестьян в 1902 г., „находился под наблюдением" депутатов революционного правительства...

В западных губерниях дело так далеко не заходило, но в общем события шли таким же путем, как и в других местах[2]).

16 октября. Вильно. Город замер. Затих уличный шум; не было ни извозчиков, ни конок, закрылись все магазины, банки, конторы, прекратилась работа во всех мастерских, заводах, фабриках, на электрической станции и газовом заводе. С утра назначен первый общий митинг в железнодорожном кружке.

К 10 часам стал стекаться народ к кружку, а к 11 часам уже все улицы и переулки, ведущие на Георгиевский пр., были

[1]) *Пажитнов.* — „Положение рабочего класса в России", т. III, стр. 146.
[2]) „Право", № 48 — 49, 1905 г.

оцеплены казаками и войсками; раздражение усиливалось с каждым моментом, атмосфера была наэлектризована.

Публика, собравшаяся в здании кружка и возле него в количестве трех тысяч, сильно волновалась. Слухи с улицы об избиении во многих местах города, о выстреле околоточного, ранившего работницу, повели к тому, что депутаты от бюро железнодорожников отправились к губернатору с предложением немедленно снять патрули и самому приехать на Георгиевский пр. для наблюдения за действиями полиции. Губернатор отказался снять патрули. В это время кем-то (имеются данные, что это был провокатор) был сделан выстрел в зале; раздались крики, что на улице стреляют, начались обмороки и произошла паника. К этому времени на собрание приехал губернатор гр. Пален. К нему еще раз обратились с просьбой удалить с улицы военные патрули. Губернатор, объяснив, что он не может этого сделать, не доложив генерал-губернатору, предложил представителям собрания обратиться по этому делу совместно с ним к главному начальнику края, обещав делегатам полную неприкосновенность.

Сев на пролетку вместе с делегатами, губернатор ехал шагом и, стоя в пролетке, разговаривал с окружающим народом. В этот момент в губернатора неизвестным лицом произведен был из толпы выстрел, пуля, пробив платье, контузила графа Палена в бок, в область правой почки. Кучер губернатора бросился бежать по направлению к стоящим у здания военно-окружного суда военному отряду и полиции, с криком „выручайте губернатора". На помощь губернатору бросился пристав, выхватив револьвер, но был тяжело ранен в голову и упал. Тогда солдаты произвели ряд выстрелов по направлению толпы, откуда, в свою очередь, произведены были выстрелы в солдат. Кроме пострадавших графа К. К. Палена и пристава, ранено два солдата, из толпы убито и ранено 15 человек.

Так быстро всюду созревали „события". Так стремительно всюду стачка переходила в восстание в атмосфере царистского режима. Для полноты характеристики революционного возбуждения пролетарских масс в октябрьские дни 1905 г. интересно указать на значительное число всякого рода террористических покушений, убийств и бомб в октябре 1905 г.

В обстановке массового выступления этим „актам“ может быть дана несколько иная оценка, чем в „мирное“ время. Это уже не „акты“ отчаяния, не „акты“ бессилия, а скорее — революционные факты.

В дни октябрьской стачки всюду непрерывно идет вооруженная борьба с полицией, с казаками, с начальствующими лицами, в которых стреляют, бросают бомбы и т. д. Атмосфера этими „актами“ накалялась в достаточной степени.

Для характеристики подъема революционной волны в октябре интересно отметить также введение военных положений и усиленных охран. Такого рода распоряжения имели место почти по всей стране.

Объективные данные к использованию всеобщей стачки в смысле более решительного перевода ее в восстание в провинции были налицо.

Москва и Петербург.

Вопрос о восстании, однако, должен был решаться не в провинции, а в центрах.

В какие формы выливалось здесь массовое рабочее движение?

Всеобщая политическая стачка и в Москве, и в Петербурге охватила все важнейшие отрасли хозяйства и быта населения вплоть до так называемого „общественно-необходимого“ производства, как электричество, водопровод, местные пути сообщения, больницы, аптеки.

14 октября стачечное движение начинало ставить себе вопрос — что же дальше?

Стачка упиралась в восстание. Иного выхода не было.

Это очень хорошо учитывали Витте, Трепов и К°, приказывавшие не допускать сборищ и собраний, резко изменившие свое отношение к автономии высших учебных заведений. Реакция усиленно мобилизовала свои силы, и особенно в столицах.

Во избежание вооружения рабочих полицейским оружием, все посты на улицах были сняты. Кое-где у домов виднелись только безоружные дворники.

В Петербурге Трепов объявил, что он не допустит посторонних „к участию в собраниях в стенах учебных заведений“, угрожая расстрелом. Приказ „патронов не жалеть“ оставался

в силе и сопровождался решительным сбором в Петербурге военной силы. Из всех окрестностей войска стягивались в город. Петербург разделили на четыре военных района с генералами во главе. На совещании у Витте Трепов заявил, что в Петербурге достаточно войск, чтобы подавить вооруженное восстание, „если таковое проявится в городе и в ближайших резиденциях государя", но что в то же время он не располагает техническими войсками, „которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа" [1]).

Присутствовавший на совещании военный министр Редигер, возражая Трепову, заявил, что армия далеко не так надежна, что в войсках много чинов запаса, при чем среди них началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Это обстоятельство, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри империи.

В этот же день в Петербурге на Обуховском заводе была расклеена прокламация Невского райкома ПК большевиков, с резолюцей двух тысяч рабочих завода, в которой они заявляли:

1) Мы объявляем политическую забастовку, выставив требование немедленного освобождения политических арестованных, и заявляем о своей готовности бороться до конца за полное низвержение самодержавия и установление демократической республики.

2) Мы признаем, что достигнуть этого можно только путем всенародного вооруженного восстания. Поэтому мы призываем всех рабочих, понявших это, сплотиться вокруг партийных революционных комитетов для *подготовки и проведения надвигающегося вооруженного восстания* (курсив мой. *А. Ш.*)

3) Мы призываем товарищей воздерживаться от частичных столкновений с полицией и войсками, так как мы должны вступить в решительный бой, тогда, когда это выгодно нам, а не нашему врагу. Мы зовем всех товарищей начать этот последний натиск на самодержавие не иначе, как по призыву и под руководством РСДРП.

4) Свою политическую забастовку мы будем продолжать до тех пор, пока наши организации не призовут нас к прекращению ее.

Пролетариат ясно ставил себе цели и понимал, что без восстания не обойтись.

[1]) Витте называл создавшееся положение дел „постыдным", так как „верноподданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь". („Воспоминания", т. II, стр. 15).

Развязки событий в этом же направлении ждали и другие группы населения. Так, московские врачи в больницах приступили к организации в разных частях города перевязочных пунктов.

Председатель биржевого комитета А. А. Найденов подписал ходатайство перед правительством о введении в Москве военного положения.

Не спроста Витте, к которому 14 октября явилась делегация железнодорожников пенсионного съезда, с места в карьер стал с ней разговаривать о восстании. Витте пытался взять своих собеседников на зубатовскую удочку, заявляя, что „если падет правительство", то в процессе борьбы погибнут и они — „лучшие сыны народа" и, таким образом, в выигрыше окажется буржуазия, „против которой вы боретесь", — закончил граф свою беседу.

Интересно, что когда делегаты рассказали на пенсионном съезде о своих переговорах с Витте, то начались чрезвычайно страстные, бурные прения, где весь вопрос вертелся около „кровавой развязки", т. е. около восстания. „Кровавая развязка" вошла и в резолюцию, принятую на этом собрании. В ней опять повторялось, что „труженикам железнодорожного дела остается надеяться только на свои силы и силы трудящихся классов и, присоединяясь к требованиям рабочей массы, добиваться в первую очередь немедленно *во имя предупреждения кровавой развязки* (курсив мой. *А. Ш.*): 1) всеобщей амнистии всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения и стачки; 2) свободы слова, печати, собраний, союзов, совести, манифестаций и стачек; 3) созыва Учредительного Собрания на основании всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права". Буржуазно-интеллигентский состав железнодорожного съезда и не мог высказаться как-либо иначе.

Так же ставили вопрос на своем съезде и кадеты. Или политические свободы, или восстание. Это был путь сделки с царизмом, путь компромисса. Но теперь всеобщая стачка поставила его ребром и требовала немедленного ответа.

О чем говорилось в эти дни на митингах в высших учебных заведениях?

Все о том же — о восстании.

Правда, еще не говорилось, что оно уже на улице, но, что оно вот-вот начнется, что необходимо к нему готовиться, необходимо добывать оружие— об этом говорили везде и всюду.

Гласных кадет на митинге рабочие и студенты в московском университете освистали и в особой резолюции предложили им сообщить городской думе, чтобы она сложила власть и передала ее стачечному комитету, выдав деньги для организации национальной гвардии. Шатались и „устои".

Городовые Петербургской стороны устроили в университете собрание для обсуждения своих „экономических нужд".

Телефонные барышни Петербурга, „несмотря на уговоры чиновника особых поручений при градоначальнике, предлагавшего им повышенную оплату на 50 коп. в день за хорошее соединение полицейских номеров, все же составили петицию. Они требовали сокращения рабочих часов и увеличения жалования, более вежливого обращения старшей барышни и проч. В случае неудовлетворения этого требования в течение трех дней, они решили забастовать".

14-го же октября активность масс проявилась в политических демонстрациях. В Москве полиция разогнала демонстрантов, разбивавших окна в домах черносотенца Шарапова и гласного думы Карякина, выступившего против удовлетворения экономических требований городских рабочих.

На другой день в московском университете образовалось нечто вроде революционного штаба. Здесь с утра начались обычные митинги с посторонними, несмотря на их запрещение; заседали представители революционных партий. Сюда же сносили избитых на улице черной сотней раненых, и врачами им делались здесь перевязки.

Еще накануне на Моховую улицу были согнаны все наличные силы черной сотни.

„С утра перед университетом по всему противоположному тротуару стояла стеною „черная" толпа и движение было возможно только рядом с университетом. Здесь в разных местах студенты и рабочие с шапками звенящих денег выкрикивали: „на вооружение", — описывал П. Ярцев в „Правде" [1]) впечатления того дня. — На углу, со стороны Охотного ряда, стояла кучка людей в белых передниках... Перед думой...

[1]) „Правда", ноябрь 1905 г., ст. „Красные дни".

разнообразная толпа... тихо переговариваются: „новобранцы отказались от присяги", „в думе важное совещание", „скоро в городе будет объявлено временное выборное правительство"...

На крыльце думы полицейский офицер и несколько городовых... вдруг в эту толпу врываются драгуны, выехавшие из-за угла... и обнаженные шашки — бьют и рубят... Крик, ужас, смятение... Драгуны исчезают, толпа бежит, и площадь обнажается, открывая фигуры барахтающихся стонущих людей... От университета бегут люди с мешками на плечах и белыми перевязками с красным крестом...

Между тем, у университета кучка людей в белых передниках медленно возрастала и в стане „черных" началось глухое волнение. Невидимым током оно проносится по всей стене, достигает манежа, и у манежа высыпают казаки. Прохожие на противоложном тротуаре бегут назад, хотя еще ничего не совершается и черные стоят неподвижно. Толпа студентов, рабочих и женщин, выходящая из университета, замирает в воротах... Задние толкают ее вперед... шум и крики... толпа не может сдерживать движение и, выталкиваемая на улицу, в ужасе жмется к решетке университетского двора, лезет на решетку...

В это время в кучке людей в белых передниках сверкают ножи, проносится резкий, странный, травящий клич: „уль-лю-лю", черные его подхватывают, мгновенно сдвигаются с тротуара и наваливаются на толпу у ворот. Несколько минут; толпа, сгрудившись и смешавшись, хрипит и стонет, избивая друг друга, слышатся револьверные выстрелы, и дым пороха стоит над толпой... По боковой улице медленно проезжают драгуны, посматривая на побоище; казаки смотрят на зрелище из низеньких дверей манежа...

К вечеру этого дня часть университета стала крепостью. Молодежь забаррикадировала ворота, ведущие с Моховой к анатомическому театру, а также стала разбирать плиты с тротуара, булыжник со двора, доставать откуда-то доски, брусья, железные палки и другие предметы, пригодные для обороны. Кучи булыжника были принесены во внутренние помещения, к окнам, выходящим на Моховую. На внутреннем университетском дворе собрались студенты, курсистки, рабочие. Среди кучек ходили распорядители и распорядительницы

с белой перевязкой на руке. У ворот на Моховую и Большую Никитскую были выставлены флаги с самодельным красным крестом, обозначавшие, что здесь находится перевязочный пункт. Часов с пяти на дворе стали разводить костры. Жгли доски, лестницы, мебель и пр. Осажденные разделились на отряды, выставили караулы, заготовили пищу... Черная сотня по-прежнему стояла на своем посту всю ночь; она выросла и продвинулась на Никитскую. Поздно ночью, в полной тишине, пришли серые, мелкорослые пехотные солдаты с ружьями и стали плотной стеной, оцепивши красный лагерь.

О дальнейших событиях дадим слово А. Соколову [1]): „Половина московских комитетчиков вместе с значительной частью партийной периферии оказалась захлопнутой в ловушку. Мы, засевшие в университете, решили защищаться: лихо щелкали затворами браунингов (увы!— весьма немногочисленных) и с минуту на минуту ждали неприятельского штурма. Но неприятель не торопился. К ген.-губернатору и московскому градоначальнику непрерывно приезжали делегации земцев, думцев, умолявшие не обострять положения и вносившие еще больший сумбур в без того растерянный правительственный аппарат. Отчасти под влиянием кадетских делегатов, обладавших удивительным талантом сбивать с толку и самих себя, и всех тех, кто приходил с ними в соприкосновение, отчасти по природной своей боязливости, власти оценивали нашу боевую готовность несравненно выше, чем оценивали ее мы, и страшились открытого столкновения. Бездействовали солдаты, бездействовали и мы. Блокада поддерживалась настолько халатно, что ночью многие из организаторов без помехи выбрались из университета и разошлись по районам".

Другой из очевидцев, т. Бреслав [2]), сообщает некоторые подробности по вопросу, почему в университете забаррикадировались рабочие и студенты и чем все это кончилось.

Московский комитет партии в эти дни выдвинул следующие предложения городской думе (вокруг них и была построена агитация на митингах): 1) дума слагает полномочия, 2) на место думы создается временный революционный комитет по управлению городом Москвой, 3) основная задача комитета —

[1]) „О 1905 г." —*Н. Рожков, А. Соколов* —„Воспоминания", стр. 43—44.

[2]) „Пятый год", стр. 163—167.

вооружить рабочих, 4) временный революционный комитет составляется на 2/3 из представителей „революционных и оппозиционных партий“, остальная треть наполовину от профессиональных организаций и наполовину от старых гласных думы.

В виду того, что правительство и либеральная профессура (особенно старался проф. Мануйлов) постановили закрыть двери вузов для революции, с одной стороны, и в виду возможности возникновения в Москве чего-то вроде временного революционного правительства — с другой, — выдвинули на очередь задачу удержать за собой во что бы то ни стало вузы, не только как центры агитации, но и как „базы возможной борьбы с царской властью“. С этой целью были организованы по учебным заведениями комиссии для проверки пригодности их для сопротивления войскам и полиции.

Из некоторых учебных заведений вооруженные рабочие и студенты были направлены в университет на подкрепление забаррикадировавшегося здесь гарнизона революции.

В старом здании университета решено было засесть „крепко“. Был образонан „временный революционный комитет по управлению университетом“ совместно со студенческой организацией. О состоявшемся решении было объявлено с крыльца здания университета многотысячной толпе.

Затем весь университет привели в боевую готовность. В верхних коридорах университета был установлен караул, правильно менявшийся и зорко следивший за возможными движениями врага. Все, имевшие хоть какое-нибудь огнестрельное оружие, были взяты на учет, их число доходило до 200. Большинство оружия были браунинги. Отдельно брались на учет и те, кто имел какое-нибудь холодное оружие — их тоже набралось до 300 — 400 человек. Среди оружия было два винчестера, которые находились у „кавказской“ дружины. Врачи и сестры милосердия организовали перевязочные пункты.

Университетский гарнизон революции рассматривал себя, как вооруженную базу будущего революционного правительства.

Утром, 16 октября, у групп рабочих, желающих проникнуть в университет, произошли стычки с войсками. Видно было, что вторая сторона решила действовать против нас серьезно; кольцо войск все больше и больше приближалось к университету, а мы ничего не знали: создан ли „временный революционный комитет Москвы“ или нет? Наконец, часам к 12 дня, делегация студенческих организаций в городской думе, пробравшись к нам через знакомые профессорские квартиры, рассказала, что гор. дума в 3 часа ночи, после долгих прений, отвергла окончательно предложение революционных организаций и никакого революционного комитета поэтому нет. Тогда наше сидение в университете стало излишним и непонятным, но „сдаться позорно и отдать врагу оружие“ никто не хотел. На общем собрании было решено повести переговоры о „почетной капитуляции“. Переговоры велись до самого вечера через посредство ректора университета проф. Мануйлова, когда стороны пришли к соглашению. Условия капитуляции были следующие: мы очищаем университет в течение двух часов после принятия нами условий; после нашего ухода на один час дольше в университете остается медицинская помощь Красного Креста. Обыскивать нас не будут и оружие наше остается при нас. Мы должны выйти на Б. Никитскую и пойти вправо, к Никитским воротам. До Никитских ворот мы идем толпою, а потом должны рассеяться. Переулки с правой стороны Б. Никитской будут заняты драгунами и сюда можно будет уходить группами не свыше 5—6 человек, переулки же с левой стороны — к Воздвиженке - будут свободны и в них может уходить сколько угодно людей. Взамен всего этого мы обязуемся не выбрасывать никаких флагов, не выкрикивать никаких возгласов и не петь никаких песен. Но впереди нас, в качестве заложников, должны идти градоначальник или его помощник и ректор университета проф. Мануйлов. Все эти условия с точностью были выполнены обеими сторонами [1]).

А. Соколов полагает, что такого рода исход для забаррикадировавшися в университете можно объяснить лишь тем, что в этот момент сама власть была уже достаточно разложена революцией.

[1]) „Пятый год“, стр. 166.

За истекшие дни база стачки расширилась. Прежде всего ряд частных банков кряхтел от того, что капиталисты забирали у них свои деньги с текущих счетов, вклады и т. д. Пришлось прибегать к помощи государственного банка. Затем на бирже в Берлине 15 октября государственный заем 1904 г. пал на $2^1/_2{}^0/_0$, а акции русского для внешней торговли банка — на $9^1/_4{}^0/_0$.

Объявлен мораториум и в Петербурге, и в Москве. В последней забастовал окончательно телеграф, телефонистки разошлись по домам, и городской телефон не работал. Под охраной войск еще действовал междугородный телефон Петербург—Москва.

В Петербурге войска стали занимать помещения высших учебных заведений. Разгоняются митинги с десятками тысяч собравшихся. Рабочие собираются по фабрикам и заводам. Всюду идут дополнительные выборы и перевыборы в Совет рабочих депутатов.

Витте представил Николаю II проект манифеста о „свободах", написанный кн. А. Д. Оболенским. Царь положил проект в стол и заявил, что „помолится богу, еще подумает и скажет ему (Витте), решится ли он на этот акт или нет".

Николай II колебался и после беседы с Витте долго совещался с бар. Будбергом и Горемыкиным, которые высказались против манифеста [1]).

На утро забастовала последняя ветвь петербургского узла—Финляндская железная дорога.

Митинги нигде не могли состояться. Возле учебных заведений беспрестанно собирались громадные толпы народа, но они рассеивались — нагайками и ружейными прикладами.

К вечеру 16 октября военная охрана учебных заведений была усилена. Мимо некоторых из них уже нельзя было ни пройти, ни проехать, так как на всех ближайших углах расставили рогатки и конные разъезды, без разбора избивавшие всех, кто смел хотя бы случайно перешагнуть на охраняемую территорию. Помимо учебных заведений точно так же, до битья прохожих нагайками включительно, „охранялись" войсками многие другие учреждения, рабочие и служащие которых

[1]) *Витте.* — „Воспоминания", т. II, стр. 22.

бастовали (т. е. это означало прекращение собраний забастовщиков и на местах их службы или работы); фактически в городе к этому времени было осуществлено военное положение. По всем улицам разъезжали патрули. Войска расположились всюду, где только возможно, — в дворах частных домов, в пустующих по случаю забастовки актеров театрах, как, например, в театре „Фарс", на Офицерской улице, и т. д. Ночью на 17 октября в больницы уже начали доставлять тяжело избитых нагайками мирных граждан, между прочим, одну семилетнюю девочку [1]).

В вольно-экономическом обществе 200 городовых разогнали сходы фармацевтов.

На курсах Лесгафта явились депутаты от 18 флотского экипажа с просьбой отвести им помещение для митинга. Курсы в это время были уже оцеплены войсками. Всех депутатов арестовали.

К вечеру Невский освещался большим прожектором, взятым из складов морского ведомства. Горели костры. Лекарства отпускались из военных аптек в ограниченном количестве.

Среди студенчества боролись два течения: одно — „академическое" — предлагало назначить на 17 октября студенческую демонстрацию с протестом против действий властей, другое — социал-демократическое — от имени „Объединенной социал-демократической организации студентов 15 вузов Петербурга" в прокламации по этому вопросу заявляло — „не на улицу, а к пролетариату, к рабочим, зовем мы вас сейчас, товарищи, чтобы в решительный момент выступить не отдельно, обособленной группой, а в стройных рядах его, и общими усилиями свергнуть, наконец, самодержавие".

К 17 октября стачка настойчиво нуждалась в том или ином исходе. И рабочие, и студенчество Петербурга рвались на улицу. Партийным организациям приходилось удерживать наиболее передовых. Вместе с этим среди некоторых кругов стачечников в Москве настроение как будто стало снижаться. Об этом имеются свидетельства Д. М. Котляренко — одного из членов стачечного комитета железнодорожников и А. В. Соколова. Первый пишет: „Надо сказать, что числу

[1]) „Сын Отеч.," „Право", № 45 — 46, 1905 г.

к 15 октября было трудно сдерживать бастующих, особенно служащих“ [1]).

О железнодорожниках же сообщает и А. Соколов [2]). „Особенно сильно недоверчивое, подозрительное отношение сказывалось среди неквалифицированных железнодорожных служащих (стрелочники, рабочие по линии и т. д.), которые 15 и 16 октября стали уже переходить в оппозицию к жел.-дор. стачечному комитету, руководимому, главным образом, представителями высшего технического персонала. Накануне появления манифеста положение создалось настолько неопределенное, что железнодорожный союз стал уже подумывать о ликвидации забастовки. Забастовка явно упиралась в тупик, и поскольку она *не могла вылиться в вооруженную борьбу за власть, к которой массы были не готовы,* она, очевидно, должна была разыграться впустую“. Впрочем, 16 октября в Москве положение нисколько не изменилось. Освещение — газовое и электрическое — бездействовало; движение конок и электрических трамваев не возобновилось. Телефон, телеграф и почтамт не работали [3]), большинство магазинов было закрыто, и входы и окна в них были закрыты щитами и ставнями. Торговали только магазины и лавки съестных припасов, при чем окна были заставлены деревянными щитами. Городские водопроводы стали работать; в разных частях города вода появилась в разное, время, начиная с утра и до $1^1/_2$ час. дня („Р. В.“).

Казаки, сконцентрированные в манеже, целый день 16 октября „развлекались“ избиением проходившей мимо манежа вдоль Александровского сада публики, в особенности студентов и других учащихся.

Вечер 16-го был вечером жестоких избиений „черными“, полицией и военными патрулями отдельных людей. Всюду открыты пункты Красного Креста. *„Город стал боевым полем“* [4]). Впуск публики в Кремль закрыт; все ворота заперты и охраняются войсками [5]).

[1]) „Пятый год“, стр. 98 — 97.

[2]) *Н. Рожков, А. Соколов.* — „О 1905 годе“, стр. 43.

[3]) По сообщению градоначальника „особо указанные №№ на телефонной станции“ все же обслуживались (Д. М. О. О. № 773, т. VIII, 1905 г.)

[4]) „Правда“, ноябрь, стр. 317.

[5]) „Право“, № 45 — 46, 1905 г.

С утра 17 октября стачечный „маразм“ захватил и государственных служащих в Петербурге; прекратили занятия чиновники государственного банка и министерства финансов, служащие всех страховых обществ. Не было заседаний коммерческого суда. Не состоялись присутствия в отделе заготовления главного управления кораблестроения (морского министерства). Забастовали чиновники сенатских канцелярий. Министры бросились лично уговаривать своих подчиненных. Министр финансов Коковцев в государственном банке произнес речь, закончив ее словами: „Господа, подумайте о том, что скажут вам современем ваши дети. Они спросят: „Папа, что ты делал в те дни, когда родина наша переживала тяжелую смуту? Был ли ты на стороне порядка?“ Что же вы тогда ответите вашим детям?“ Речь министра была встречена общими свистками. После этого один из служащих вскочил на стул и, пародируя слова министра, взволнованным голосом воскликнул:

„Товарищи! Разойдемся немедленно. Иначе, что мы ответим нашим детям, когда они нас спросят: А были ли вы в смутное время на стороне свободы?“. При громе аплодисментов, служащие в сильном волнении разошлись.

Министр юстиции сенатор Манухин требовал продолжения занятий под угрозой расстрела. В здания судебных учреждений были введены войска.

Стачка достигла зенита. В последующие дни стачечная волна не подымалась выше. 17 октября в Петербурге не бастовали: сахарный завод Кенига, водопровод (рабочие в нем были заперты и не выпускались домой, работая под угрозой штыков), Финляндское пароходное общество, извозчики, рестораны, кафе, большинство магазинов и булочных.

Вся остальная жизнь была скована политической стачкой. Заседание Совета рабочих депутатов в Вольно-экономическом обществе полиция разогнала. Совет собрался вторично на Рождественских курсах. На нем присутствовало 248 депутатов от 111 фабрично-заводских предприятий и пяти профессиональных союзов. Совет по вопросу о стачке принял следующую резолюцию: „Принимая во внимание: 1) что настоящая забастовка имеет не местный, а всероссийский характер, 2) что борьба пролетариата всей России с самодержавием в настоящий

момент обострилась до того, что *настоящая всеобщая забастовка может нанести решительный (? А. Ш.) удар* падающему самодержавию и 3) что во многих городах волна пролетарского движения растет, а прекращение забастовки в Петербурге, в виду важности последнего, может затормозить рост всероссийского движения, петербургский рабочий Совет постановляет продолжать забастовку".

Совет постановил не только продолжать стачку, но и предложил всем рабочим ставить прекращение ее в зависимость от решения Совета.

Считаясь с тяжелым материальным положением забастовавших рабочих, Совет рекомендовал рабочим временно, впредь до начала работ, за квартиры и за взятые в долг товары денег не платить; домовладельцам и магазиновладельцам — во время забастовки за неплатеж денег судебных исков не предъявлять.

Создав исполнительный комитет, Совет разбился на районные организации.

Делегатский съезд железнодорожников (пенсионный) приветствовал забастовку Финляндской ж. д., высказавшись за привлечение в свою среду представителей и от этой дороги. Затем съезд подтвердил еще раз свое решение поддержать забастовку на ж. д. до тех пор, пока орган, руководящий ею, не объявит ее прекращения; но вместе с этим, на съезде стали раздаваться голоса о бесполезности дальнейшего пребывания в Петербурге. Делегат Попов после пространного доклада на эту же тему предложил съезду самораспуститься. Роль промежуточных групп во всеобщей стачке, переходившей в вооруженное столкновение, этим самым определялась чрезвычайно выпукло — они были бесполезны и никому не нужны.

В Москве 17 октября среди бастующих наступил серьезный кризис. Первыми стачколомами явились железнодорожники; характерно, что это были „казанцы" и „ярославцы", т. е. те, кто забастовал первыми. Но, наряду с прорывом стачки на ж. д. и на конке, в политическую стачку в этот же день вступил текстильный гигант Москвы — Трехгорная мануфактура, до сих пор остававшаяся в стороне от движения. 17 октября остановилась фабрика Михайлова, механические

заводы Шварцкопф, Бромлей и Зотова. Это были новые отряды стачечников до сих пор работавших предприятий.

В этот же день забастовали чины и служащие канцелярий московской судебной палаты и окружного суда, старшего нотариуса, мирового съезда и т. д. Все они требовали Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого, и тайного избирательного права и пр.

Митинги в высших учебных заведениях не прекращались.

Слои пролетариата, начавшие стачку раньше других, истомились от ожидания благоприятного успеха, который им обещали их вожди. Успеха не было и не могло быть, так как стачкой сломить самодержавие оказалось нельзя. Прямого призыва к восстанию до последнего момента ни от кого не последовало. Рабочие и мелкие железнодорожные служащие оказались в подлинном тупике, а так как ко всему прочему они еще изголодались и на них же сыпались претензии всей остальной обывательской массы, жаловавшейся на отсутсвие и дороговизну продуктов, то вполне естественно, что они пошли на срыв стачки. Новые группы стачечников исправить положение не могли, хотя численно их было гораздо больше, чем тех, кто приступил к работам 17 октября. Здесь был еще один момент — воздействие на железно-дорожников черной сотни, но об этом в следующих главах.

Таким образом, мы подходим к пятому и последнему моменту октябрьской стачки — к ее ликвидации. Но сначала подведем итоги предшествовавших стадий стачки и бегло проанализируем отношение к стачке буржуазии.

Общий итог обзора событий по провинциям и столицам за данный период времени дает нам право пока придти к следующим выводам: 1) развертывание всеобщей политической стачки неизбежно упиралось в условиях полицейского режима в восстание, 2) переход стачки в восстание происходил всюду неорганизованно, стихийно, под напором революционного пролетариата крупнейших центров, 3) ряд окраин России уже в октябрьскую стачку был вполне подготовлен к вооруженному выступлению, 4) пролетариат в центральных губерниях оказывал серьезное давление на другие круги населения и в случае общего восстания смог бы в нем сыграть руководящую роль, 5) большевистские организации Москвы и Петербурга

не имели достаточного кадра сил и средств для руководства движением и запаздывали с ним, 6) общероссийский партийный аппарат большевиков был так слаб, что связать вооруженные выступления воедино было нельзя, 7) демократическая интеллигенция была вместе с пролетариатом и оказывала ему всяческую поддержку, а иногда стремилась и самостоятельно разрешать задачи революции (напр., харьковские и московские студенты), 8) меньшевики и эсэры своей тактикой тормозили развертывание стачки в восстание, 9) мелкая буржуазия городов: ремесленники, лавочники, прасолы, извозчики и т. п. подпадала под влияние полиции, организовывавшей из этих групп контр-революционные черные сотни, 10) люмпен-пролетариат подкупался полицией, как наемные банды громил, 11) солдатская масса еще недостаточно была „раскачана“ революцией и представляла большую реакционную силу, 12) либеральная буржуазия ряда городов выступила в качестве „примиряющей“ силы, что объективно означало подавление революции, и в тех случаях, где думские деятели вместе с буржуазной интеллигенцией выносили решения об уводе войск в казармы, о разоружении полиции и вооружении милиции, позиция либералов также вела к срыву революции (см. критику Ленина позиции меньшевиков по вопросу о революционном самоуправлении в начале статьи гл. II), 13) если организация революционных сил пролетариата провинции и столиц в октябрьские дни перехода стачки в восстание была не велика, то здесь следовало учитывать тот революционный энтузиазм, который в данный момент охватил массы.

Глава VIII

Буржуазия и октябрьская стачка.

Буржуазия в революции 1905 года делилась на несколько группировок. С одной стороны, замечание Витте о помощи революционерам со стороны отдельных групп буржуазии подтверждается рядом известных фактов о Морозове, Шмидте и др. С другой, мы имеем в только-что разобранном материале: 1) воззвание екатеринославских думцев во время екатеринославской всеобщей стачки в октябре о сдаче пролетариатом оружия старой власти, 2) телеграмму председателя московского биржевого комитета А. Найденова о введении в Москве военного положения. К этому можно добавить еще отказ одесского городского головы Крыжановского подписать 18 октября воззвание, начинавшееся словами: „самодержавие, наконец, провалилось в пропасть" и, наконец, общую политику ряда городских дум, решительно саботировавших борьбу пролетариата. Здесь мы имеем, так сказать, два откровенных „полюса": 1) группки, вернее, лица, помогавшие пролетариату хотя бы только деньгами на покупку оружия, технику и т. д. и 2) значительное ядро воротил буржуазии, которые были против борьбы рабочего класса. Эта последняя группировка—впоследствия „октябристы"—с лидером А. И. Гучковым во главе была против прямого избирательного права, против республики, за военное положение в нужный момент для подавления рабочих восстаний и т. д. Они же были ярыми руссификаторами, решительно возражали против наделения крестьян землей за счет помещиков и т. д. К ним близко примыкали группы, лидерами которых являлись люди вроде М. М. Ковалевского, заявлявшего в октябрьские дни о своих монархических чувствах и ссылавшегося при этом на царелюбие крестьянской массы. Но наиболее распространенным типом выразителей интересов буржуазии вообще и в октябрьскую

стачку, в частности, с которыми пролетариату пришлось чаще всего иметь дело, были кадеты.

Важнейшим документом эпохи для оценки политической и социальной линии кадетизма является резолюция по поводу октябрьской стачки на первом учредительном съезде партии, собравшемся в Москве 13 — 14 октября и разгонявшемся, как мы видели раньше, полицией. В этой резолюции, на которой мы и остановим наше внимание, в первых строках говорилось „о беспримерном по размеру и по характеру движении организованных рабочих масс, об огромном его политическом значении". Кадеты констатировали, что „дело идет о чем-то несравненно более серьезном, чем простые одиночные вспышки стихийного недовольства. Движение проявляет уже теперь ту высшую степень силы, которая характеризуется самообладанием: из стихийного оно быстро превращается в организованное и сознательное и быстро научается управлять само собою. Движение знает, чего хочет и к чему стремится".

Далее, в резолюции кадеты очень ловко смазывали основные политические требования пролетариата и заявляли, что это требования общие с их требованиями. И из этого они делали вывод о своей „полной солидарности с „забастовочным движением", гордо подчеркивая решительный отказ от мысли добиться своей цели путем переговоров с представителями власти" [1]). Наговорив кучу кислых слов по поводу этой власти, кадеты от имени русского народа декларировали: „Народ устал и не хочет более терпеть над собой бюрократических упражнений в реформах". Далее они заявляли, что „русский народ достаточно богат зрелыми политическим силами (читай— кадетами. *А. Ш.*), чтобы самому распорядиться своей судьбой, и он более не нуждается в опеке временщиков". Но сами кадеты отнюдь не отказывались от опеки над революцией. Партия буржуазии очень хорошо учитывала революционную ситуацию и предупреждала: „Вопрос теперь уже не в том, быть или не быть в России политической свободе, и не в том, согласятся ли ввести ее сверху. Вопрос только в том,

[1]) Тут они оказывались на словах даже более радикальными, чем эсэры из железнодорожного союза, предлагавшие как раз вести эти переговоры. (см. гл. IV „Ж.-д. октябрьская стачка"—проект центр. бюро ж.-д. союза.

осуществится ли свобода путем насильственным или мирным (курсив мой. *А. Ш.*), путем стихийного взрыва или организованного действия народной силы". И кадеты, конечно, за мирный путь, и потому-то они так и приветствуют крупный шаг народа на том пути, на котором стоят сами: „организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно могучего". Но после этих выводов кадетская мысль упиралась в неразрешенный спор между царизмом и пролетариатом. Не доверяя последнему, кадеты неизбежно обращались к первому.

„От правительства зависит,— говорили они в резолюции,— или открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе, или превратить его в кровавую бойню. Наученное опытом 9 января, правительство, может быть, остережется повторить его и не решится еще раз заслужить эпитет убийц. Но если оно все-таки это сделает, пусть оно знает, что все, что есть в России просвещенного и сознательного, стоит на стороне народа".

Из этих слов ясно, что кадеты стояли за мирное разрешение спора, т. е. за сделку с царизмом. Сказать это прямо им было неловко. Лучше на всякий случай попугать правительство революцией, но и на это у ка́дет пороху не хватало. Они, в конце концов, совершенно недвусмысленно высказываются дальше: „Конституционно-демократическая партия предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение, но удастся ли ей это или нет, она наперед отожествляет себя с народными требованиями и кладет на весы народного освобождения все свое сочувствие, всю свою нравственную силу и окажет ему всяческую поддержку". Всякий разбирающийся в политических заявлениях должен был понять, что кадеты определенно стремятся *предупреоить возможное столкновение*, т. е. что они против восстания, против революции и только для обмана простачков драпируются в тогу защитников интересов народа. Кадеты были, по существу, теми же „гучковцами", только они умели прикрывать свои волчьи зубы лисьим хвостом.

Далее, чрезвычайно важно указать, что кадеты не только декларировали свою готовность *„предупреждать столкновения“*, т. е. бороться с революцией, нет, они это проводили и на практике. Наиболее яркий пример произошел с московской городской думой, где в вечернем заседании 14 октября по предложению кадетского лидера С. А. Муромцева (попавшего, можно сказать, „с корабля на бал“— прямо со съезда к.-д. в думу со свеженькой резолюцией об октябрьской стачке в кармане) была принята от имени думы новая резолюция такого содержания: „Гласные думы должны собраться вместе с представителями всех существующих в Москве организаций, партий и учреждений, вместе с московской губернской земской управой и губернскими гласными, с представителями других общественных групп, *которые живут одним духом спасения отечества,* что нужно сделать *в целях предотвращения бедствия* (курсив мой. *А. Ш.*); опубликовать во всех газетах от имени городского головы обращение к московскому населению, чтобы успокоить его, напомнив великую задачу, которую несем мы, *спасти эту задачу освободительного движения от смуты* (курсив мой. *А. Ш.*); послать графу С. Ю. Витте и статс-секретарю Д. М. Сольскому телеграмму с изъяснением настоящего положения города *и необходимых мер для его успокоения* (курсив мой. *А. Ш.*) и позаботиться об учреждении городской милиции“.

Буржуазия чувствовала надвигающуюся „смуту“— революцию и срочно доносила куда следует о принятии „надлежащих мер“.

Кадеты, реализуя постановления своего съезда, на деле выступали сейчас же в роли душителей революции. Все красивые слова о солидарности с пролетариатом и его борьбой были сплошным лицемерием, и только тупоголовые меньшевички могли всерьез поверить, что они сумеют с этой буржуазией столковаться на предмет совместных действий.

Этот опыт проделали, в первую очередь, меньшевики из петербургского Совета рабочих депутатов, направившиеся 14 октября в городскую думу с требованиями (опубликованы в книжке „1905 г. в Петербурге“, стр. 312): „1) установить нормальные цены на съестные припасы и открыть столовые для детей рабочих, 2) отказать полиции и казакам в отпуске

довольствия и квартир, 3) предоставить помещения для собраний рабочих, 4) дать отчет в 15 тыс. руб., отпущенных городским управлением в августе на помощь нуждающимся за Невской заставой, так как никому „неизвестно, как расходовались эти деньги".

Хрусталев-Носарь в „Истории Совета рабочих депутатов" рассказывает (стр. 67), что к четырем перечисленным пунктам были добавлены еще: „5) выдать из имеющихся в распоряжении думы народных средств — деньги, необходимые для вооружения борющегося за народную свободу петербургского пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетариата. Руководство этой частью народной революционной армии должно находиться в руках самого пролетариата. Суммы должны быть переданы общему рабочему Совету, 6) рабочий Совет, находя, что закрытие водопровода может вредно отразиться на здоровье населения, требует от городской думы немедленного принятия мер к удалению войска из здания городского водопровода и предоставления его в распоряжение рабочих. В противном случае, Совет предупреждает о возможности закрытия водопровода".

В ответ на эти требования, буржуазные гласные городской думы лицемерно заявляли: дума позаботится о детях и будет выдавать пособия наиболее нуждающимся рабочим. О 15 тыс. руб. будет представлен отчет. О помещениях для рабочих собраний дума позаботится. По пункту 2 — отказать полиции и казакам в отпуске довольствия и квартир — думцами очень много говорилось о законности и незаконности.

В первый день переговоров на счет вооружения пролетариата никакого ответа дума не дала, но все же из описанного приема явствует, что буржуазия пыталась установить некоторую связь с Советом и затянула с ним переговоры до 16 октября, когда она выразила полное доверие полиции и главные требования рабочих отклонила.

Тактика „революционного самоуправления" у меньшевиков „на этом самом месте" определенно сорвалась.

Если в питерской думе кадеты, на которых они думали опираться, не имели большинства, то тем хуже было для меньшевиков, носившихся со своей идеей „революционного

самоуправления". Какая тут революционность, когда думцы выносили чуть ли не благодарность полиции и казакам за спасение их от „смуты".

Не повезло меньшевикам и в Москве. На заседание 15 октября они явились, правда, вместе с представителем МК большевиков—с т. С. Черномордиком. Из рассказа последнего мы и заимствуем некоторые подробности этого „исторического" в своем роде заседания [1]). Перед открытием заседания думы состоялось межфракционное совещание общественных представителей... Кадеты были представлены Маклаковым, Шаховским, Тесленко, Мандельштамом, союз-союзовцы—Таном, от союза рабочих печатного дела — меньшевик Круглов, от с.-д. меньшевиков—Колокольников (Дмитриев), от с.-р.—Гавронский и масса других представителей от многочисленных буржуазно-интеллигентских „союзов". Большевики оказались в этом почтенном собрании в полном одиночестве. Их требование о сложении думой полномочий и пр. (смотри выше) не встретило сочувствия. Кадеты ограничивались следующими предложениями думе: 1) обновить свой состав введением представителей демократических организаций с совещательным голосом, 2) организовать городскую милицию для охраны порядка. Тан считал возможным пойти на уступки думе, „смотря по ходу событий". Меньшевики и эсэры заняли выжидательную позицию. Представители МК большевиков по открытии заседания совещания под председательством того же С. А. Муромцева в своих речах „покрыли, как следует" думских цензовиков, мотивируя требования МК о сложении думой полномочий и т. д. Цензовики были смущены этими речами. Кадеты и союз-союзовцы поспешили вывести думу из неловкого положения, заявив, что требования с.-д. большевиков „незаконны", а потому-де они готовы присоединиться к заявлению думы. Эсэры потом присоединились к кадетам, а меньшевики сохраняли „нейтралитет", далеко не дружественный большевикам.

Так, например, меньшевик Круглов уверял думцев в утопичности большевистских требований, в их переоценке сил рабочего класса, в демагогии и пр. Затем он „всецело

[1]) „Декабрьское восстание в Москве 1905 г." Сборник. М. 1920 г. ст. „Московский комитет большевиков в городской думе 15 октября 1905 г.".

присоединился" к платформе кадетов, которая, в конце концов, стала общей платформой для всех представителей, кроме большевиков.

Так создался своеобразный блок от кадетов до меньшевиков включительно.

Он еще более укрепился в перерыв, когда думцы совещались, когда им предстояло „нарушить закон". В 2 часа ночи думцы объявили свое решение: 1) требование ввести представителей от „общественных организаций" в состав думы — отклонить, 2) городскую милицию организовать для порядка своими силами и под своим управлением. Таким образом, купеческая дума нашла даже кадетское предложение для себя неприемлемым, и компания Муромцева оказалась в меньшинстве.

А на улице в эти часы драгуны и полицейские, охранявшие думу, избивали любопытствовавших граждан, толковавших о возможности смены властей, забаррикадировавшиеся же в университете ждали „чего-то вроде временного революционного правительства".

Любопытно добавить к этому телеграмму Рачковского на имя градоначальника Медема:

Товарищ министра имеет сведения, что в виду забастовки телефонов в Москве администрация и *город* (курсив мой. *А. Ш.*) входят в сношение с революционным комитетом для прекращения забастовки. Генерал Трепов предлагает принять самые решительные меры к охране телефонной станции и телефонных сооружений и к восстановлению их действия, отнюдь не вступая в сношения с революционными элементами. Если революционный комитет выяснен, его лучше всего скорее ликвидировать. Заведывающий политической частью *Рачковский* [1]).

Рачковский был уверен, что буржуазия поможет властям ликвидировать „революционный комитет"... Это не говорилось прямо, но поскольку сношения городского головы с властями были очень тесны, то надеяться на это власти вполне имели право. Правда, некоторые думцы, напр., в Самаре, во время октябрьской стачки просили губернатора убрать казаков, не прибегать к силе и дать право сходок, но ведь они „просили". Губернатор мог их „ходатайство" и отклонить. Вообще, насчет понимания роли буржуазии в революции и кадетов, в частности, хромали многие и из испытанных людей. Так,

[1]) Дело М. О. О. № 773, т. VIII.

тов. Войткевич, член московского комитета большевиков рассказывает[1]) о случае, который весьма характерен для того тумана, который напускали на себя те же кадеты, выдавая себя за друзей революции: „В МК сообщили, что кадеты, у которых в это время происходил съезд, собираются пожертвовать крупную сумму—тысяч в 30—40—на боевые дружины, и что претендентами на эти деньги являются не то эсэры, не то меньшевики. У нас в то время организация боевых дружин шла во всю, и поэтому мы полагали, что всего целесообразней будет передать эти деньги нам. *С санкции МК* (курсив мой. *А. Ш.*) я отправился на съезд, где бывший на съезде в качестве корреспондента Кирик Левин, которого я осведомил о своем поручении, познакомил меня с Милюковым. Последний довел до моего сведения, что они не только не собираются делать пожертвования в пользу боевого дела, но что они вообще против вооруженной борьбы".

Конфуз для почтенного т. Войткевича получился полный. Кадеты, как мы видели, и из их резолюции о стачке, и из их практических действий, конечно, были далеки от мысли о вооруженном восстании, и связанный тогда с ними С. Н. Прокопович в „Праве" (№ 41) напечатал большую статью „Эволюция революции", где со ссылками на Маркса и Энгельса доказывал, что теперь время восстаний уже прошло и есть одна лишь чудодейственная форма смены политических форм — всеобщая политическая стачка.

Здесь кадеты сходились очень близко с представителями буржуазной интеллигенции, которые также рассматривали всеобщую стачку не как начало революции, а как ее завершение. Таким образом, среди этого слоя интеллигенции идея „вооруженного восстания" являлась также своего рода жупелом, что мы видели хотя бы на примере пенсионного ж.-д. съезда и др. Однако, было бы неправильно „кадетизм" такого рода распространять на широкие круги интеллигенции вообще, оказавшей октябрьской стачке неоценимые услуги. Имели место случаи, когда интеллигенты, даже состоявшие в партии к.-д., помогали боевикам захватить оружие, пироксилин для бомб и т. д.[2]). Но все же, в общем и целом, буржуазная интеллигенция

[1]) „Пятый год", — стр. 66.

[2]) Рассказ т. Войткевича в „Пятом годе", стр. 67.

частенько сбивалась на кадетские позиции замаскированного соглашательства с царизмом.

Буржуазия в 1905 г. консолидировалась в партию буржуазной монархии европейского типа. Такого рода документы, как докладная записка гр. Витте от совещательной конторы железозаводчиков, типичны в качестве кадетского „credo“ [1]). Железозаводчики, как и кадеты, без большого доверия встретили манифест 17 октября. Они заявляли Витте, что „кровь и нищета страны не позволяют верить словам“, и требовали фактами подтвердить провозглашение свобод. Они настаивали на амнистии политическим заключенным, на отмене исключительных положений и на расширении избирательных прав в Гос. Думу. На такой же жалкой, ублюдочной (с точки зрения пролетариата) политической платформе кадеты делали шум и в конце 1905 г., при выборах в I Думу. Буржуазная интеллигенция, напуганная всеобщими стачками и восстаниями, шарахнулась тогда в кадетские объятия и отдавала свои голоса реакции, думая, что она стоит за революцию.

Октябрьская стачка очень мало помогла интеллигенции разобраться в сущности кадетизма в революции. Большевики в этом отношении также не сделали всего, что надо было сделать.

[1]) См. приложение № 20.

Глава IX.

Роль черной сотни в октябрьской стачке.

О социальной природе черной сотни мы уже говорили. О недовольстве стачкой мелкой буржуазии городов можно было привести ряд справок. Напомним здесь об избиении извозчиками в начале стачки московских железнодорожников. Очень много недоумений, драк и пр. происходило почти во всех городах на почве насильственного прекращения торговли в лавках, на базарах. Чрезвычайное недовольство петербургских гостинодворцев, торговцев Сенного рынка, московских охотнорядцев и торговцев с Сухаревки питалось тем, что им мешали торговать, мешали их бессовестной эксплоатации труда „рабов прилавка". Курьезнее всего то, что у самых ярых черносотенцев в Охотном ряду в Москве в одно время забастовали все работники по убою птицы, их общипке и пр., считавшиеся самыми преданными „монархистами" и среди которых были записанные в охранные дружины. Зараза проникала и в эти черные ряды.

Но основные кадры черной сотни вербовались из других слоев населения. Чаще всего здесь можно было встретить и дворников, и сыщиков (уголовных и политических), переодетых городовых и, главным образом, деятелей „добровольной охраны", в которую входили и служащие, и рабочие, и монархически настроенные интеллигенты. По инструкции начальники отделов охраны, пятисотники, сотники и десятники должны были тщательно проверять „благонадежность" и нравственность каждого лица, вступающего в охрану. Учитывался также стаж и велись особые списки членов охраны, имевших особые билеты. Духовенство, близкое черной сотне по духу, официально не числилось в ее рядах, но все самые зверские избиения стачечников и просто бедноты, особенно евреев, происходили с поповского ведома и благословения.

Не малую роль в черносотенном движении играло офицерство, вообще всякого рода чиновники и, наконец, небольшая группа интеллигентов — руководителей движения, тесно связанная с охраной и наружной полицией и вообще с властями. Центральными организациями черных сотен были Москва и Петербург.

О том, что делали черносотенцы в октябрьскую стачку до манифеста 17 октября мы располагаем материалами, главным образом, по Москве. Здесь черная сотня организовывалась специально в качестве активной силы против стачечников. Уже с начала октября она серьезно проявляла себя избиениями интеллигенции, студентов и рабочих. У памятника Пушкина происходили их черные митинги; на них назывались имена лучших агитаторов московского комитета большевиков. Был случай захвата ими зала в инженерном училище под свое собрание. Другой раз во время митинга большевиков черная сотня произвела нападение на училище, но была отбита боевой дружиной рабочих; слабее, но все же действовала черная сотня и в рабочих районах: напр., на Гороховской ул., около Басманной, черносотенцы устроили засаду и вечером избивали прохожих. В связи с этими явлениями перед московскими рабочими встал вопрос о „самообороне". Необходимо было охранять также митинги от разгромов. Даже некоторые предприниматели, уступая требованиям рабочих, организовывали рабочую самооборону от черной сотни и давали рабочим оружие. „Это дало возможность полулегально вооружиться рабочим на глазах управлений заводов: так была организована дружина у Шмидта на Пресне, у Мамонтова, вооружал рабочих и Сытин. В Рогожском районе появилось оружие у Губкина-Кузнецова, Гакенталя и Перенуда [1]). Черная сотня, главным образом, вызывала ответное вооружение рабочих.

В начале октябрьской стачки в Москве было много разговоров о поездке к царю депутации добровольческой охраны, подносившей Николаю II адрес и икону.

Депутация в адресе называла себя „торговыми, ремесленными, фабричными, слободскими и ямскими людьми" и выражала благодарность царю за созыв Гос. Думы (по закону

[1]) „Пятый год", стр. 239.

6 августа), считая это событие столь же великим, как и 19 февраля 1861 г. Из 10 человек депутатов, ездивших к царю, у 7 были свои дома в разных частях города. Наиболее видным из депутатов был трактирщик Гладышев—с собственным большим домом на Триумфальной площади. Градоначальник аттестовал членов депутации—„все лично мне известны, благонадежность вне сомнения". Царь говорил депутации речь, но вся эта комедия, проделанная в первые дни октябрьской стачки, прошла как то незамеченной. Революционные организации и в частности партийные комитеты большевиков не обращали на организацию черной сотни должного внимания. Между тем, из черных сотен выросла та сила, которая добивала вместе с войсками и полицией октябрьскую стачку. Такое прохладное отношение к черной сотне наблюдалось всюду. Правда, принимая московскую черносотенную депутацию, Николай II сам не очень-то верил в мощь этой „охраны", но во всяком случае он нащупывал в черной сотне организованную контр-революционную базу. Охранка, сочинявшая документы о „господчине" (см. выше), подготовлявшая еврейские погромы (об этом подробнее можно прочесть в „Воспоминаниях" Лопухина), несомненно использовала все возможности, чтобы использовать черную сотню для подавления революционного движения.

В сферу влияния черной сотни втягивались также и войска. Как подготовлялся такой альянс, видно из следующего сообщения[1]): „В Москве 6 октября состоялось частное собрание членов русской монархической партии. На собрании в качестве гостя присутствовал командир 34-го казачьего полка полковник И. И. Сулин.

„Собравшиеся в большом числе члены партии выразили в лице полковника Сулина горячее, сердечное приветствие 34 казачьему полку и всему славному донскому казачьему войску. По предложению некоторых членов, единодушно постановили поднести 34 казачьему полку икону иверской богоматери и приветственный адрес, а также просить полк принять по русскому обычаю хлеб-соль. Полковник Сулин был глубоко тронут выраженными чувствами и сердечно благодарил собрание за оказанное его полку внимание.

[1]) „День", 8/X — 1905 г.

В собрании была открыта тут же подписка на патриотическое дело, которая дала 400 рублей. Некоторыми из членов было выражено мнение, чтобы всем москвичам, желающим примкнуть к чествованию 34 славного казачьего полка, дана была возможность присоединить свою лепту. Это предложение встретило полное сочувствие". Пожертвования принимались в конторе „Московских Ведомостей". Так контр-революция обрабатывала нужные ей военные силы.

Когда стачка охватила и столицы, когда опасность поражения для власти стала вполне очевидной, черная сотня была двинута в бой, и, успешно проделав „усмирение революции" с ее помощью в ряде городов, власти ввели употребление черной сотни, как правило, в практику по всей стране.

В следующей главе мы ознакомимся с некоторыми фактами из области подвигов черносотенных банд, пока же отметим еще два очень существенных явления в деле обработки и организации черносотенных сил.

Первое—это пресса. В руках правых партий имелся, кроме официальных „Ведомостей" и „Листков" всякого рода, аппарат таких распространенных газет, как „Новое Время" в Петербурге, „Русский (потом „Московский") Листок" и ряд других газет в столицах и в провинции, вроде Комаровского „Света", „Московских Ведомостей", „Живого Слова" в Воронеже и т. п. О том, как изображали октябрьскую стачку эти газеты, можно судить хотя бы по выдержкам из „Нового Времени". 11 октября эта газета писала: „Что может иметь еще более последствий (чем общая стачка) — когда прекращается возможность передвижения воинских частей, так как в случае возникновения беспорядков, — а по нынешнему времени это вовсе не редкость,—целые местности могут быть поставлены в отчаянное положение, и даже бежать нельзя из охваченных беспорядками областей, а войска, как известно, далеко не везде имеются". Через три дня в „Новом Времени" раздавались уже такие речи: „Вот она—началась революция, т. е. началась она давно, а теперь разгорелась и дошла до той степени, которая чувствительна каждому жителю в его ежедневном обиходе. В столь тревожные дни, как ныне, естественно возникает мысль о крутой репрессии, как единственном средстве восстановить порядок и нормальное течение

жизни... Пусть найдется несколько энергичных, талантливых проводников военной диктатуры, и пламя, вырывающееся то здесь, то там наружу, может еще раз обратно быть вогнано внутрь". По существу, Трепов и стал таким проводником военной диктатуры. Черная сотня была у него правой рукой в подавлении рабочего движения. „Новое Время" и другие монархические газеты подготовляли черную сотню к „принятию диктатуры", воспитывали в ней ненависть к революции. Другой силой, работавшей в этом же направлении, было духовенство.

О подвигах архиерея томского Макария мы уже упоминали. О царицынском Гермогене два слова дальше. Но из всех их отличился московский митрополит, разославший 14 октября по церквам через благочинных распоряжение о молебнах против „тяжелой народной смуты" с поучением прихожанам на тему „Что нам делать в эти тревожные дни?" В поучении прихожане призывались к уничтожению смуты и ее носителей, т. е. просто к погромам [1]).

От поучения некоторым попам стало неловко, и они заявили в „Русском Слове" о своей несолидарности „с возмутительным" поучением, которое их обязывали читать. Даже московские цензовики из городской думы нашли, что „владыка" зашел слишком далеко и что такого рода агитация с амвонов церквей может иметь весьма печальные последствия. Против черной сотни по существу думцы не возражали, но они боялись, что, если начнется „смута черных" против „красных", то события могут повернуться как раз в сторону „красных" и, во всяком случае, „буржуазная собственность" при такого рода схватках может серьезно пострадать.

Черносотенцы, между прочим, очень обиделись на городскую думу, постановившую обратиться к московскому митрополиту с просьбой принять сответствующие меры против возбуждения церковными проповедями населения к насилию. В ответ на это в органе черной сотни „Московских Ведомостях" появилось следующее заявление группы москвичей, поступившее в центральное бюро русской монархической партии: „В виду того, что теперешняя

[1]) Текст этого поучения можно прочесть в „Московских Ведомостях" от 16 октября 1905 г.

московская городская дума своею революционной деятельностью порвала последние связи с верноподданным населением Москвы, мы решили ходатайствовать перед правительством о лишении московской думы ее полномочий и просим всех сочувствующих нам москвичей собирать подписи под настоящим ходатайством, представляя их в центральное бюро монархической партии".

Монархисты вообще были настроены агрессивно. Но в Москве в общем они оказались бессильными. Так, собрания и канцелярия „союза русских людей" в помещении государственного коннозаводства во время разгара всеобщей стачки из-за опасения разгрома их революционерами были закрыты, и штаб черной сотни переместился в „Московские Ведомости" и в частные квартиры.

Влиятельные в Петербурге черносотенные „ушаковцы" (тип московских „зубатовцев") имели покровителя и защитника в лице великого князя Николая Николаевича, того самого князя, который, по словам Витте, требовал у царя подписать манифест 17 октября с револьвером в руках, угрожая лишить себя жизни. Этот самый князь после этой сцены, когда манифест был подписан, заявлял Витте: „Сегодня 17 октября и 17-я годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от неменьшей опасности происшедшим историческим актом" [1]).

Великий князь хорошо учитывал „ситуацию" и слабо надеялся на „союз русского народа", во главе которого он потом оказался. От роли диктатора, которую ему навязывал барон Фредерикс, Николай Николаевич решительно отказывался. Одной диктатурой сломить всеобщую стачку он уже не мог. Понадобился целый арсенал средств, чтобы ее ликвидировать. Войска считались ненадежными. Черная сотня в общем была еще слаба и еще мало испытана. Буржуазия как будто вместе с революционерами хочет конституции.

Но с буржуазией сговориться не трудно. Виттевский манифест о свободах значительно упрощал вопрос о сделке с буржуазией и с буржуазной интеллигенцией. Труднее была задача расправиться с рабочими. Их на удочку манифеста

[1]) *Витте.* — „Воспоминания", т. II, стр. 24.

можно было и не поймать. В таком случае есть еще войска, казаки, полиция и, наконец, сам „народ“, „верноподданные“ черные сотни, уже показавшие свои клыки в последние дни перед 17 октября. Революцию можно было задушить, пустив в дело лишь весь полностью арсенал имевшихся в распоряжении царизма средств. Так или почти так рассуждал тайный глава черной сотни, великий князь Николай старший, вместе с царем Николаем младшим решивший вопрос о подписании манифеста 17 октября.

Глава X

Ликвидация стачки.

Москва и Петербург.

Коро[illegible] подписал [illegible] „свободах“ в шестом часу дня 17 октября [1]).

В П[illegible] в тот же день.

В провинции о нем узнали лишь 18 октября.

К [illegible] пункта[illegible] Начало[illegible] ние [illegible] лен[illegible] людом [illegible]

О[illegible] низа[illegible] Почти [illegible] стач[illegible] рощицы были предупреждены полицией, что их будут снимать с работ забастовщики, которым-де необходимо дать отпор. Под руководством хозяев рабочие с утра 17-го вооружились ломами, топорами, шкворнями и другими скулодробильными орудиями и стали ждать. Около 11 часов утра показались забастовщики, большею частью железнодорожники и заводские рабочие, и не подозревавшие о подготовленном на них нападении. Ломы, топоры и шкворни неожиданно выскочили из засад и пошли гулять по головам забастовщиков. В ход были пущены и сапожные ножи. Из домов высыпали обыватели, бросившиеся на помощь „своим“ ребятам. Побоище

[1]) Манифест 17 октября 1905 г., см. в прил. № 15.

[2]) События 17 октября в Москве изложены по материалам московского охранного отделения (Дело № 797, 1905 г.) и по газетным сообщениям.

закончилось победой марьинорощинцев. 30 забастовщиков отправили в больницу, как тяжело или смертельно раненых.

Это была первая серьезная победа черной сотни в Москве.

Происходившее в тот же день нападение черных на бастующий Миусский трамвайный парк было отбито рабочими.

На Казанской железной дороге события разыгрались еще более печально для общего хода дела. Мобилизованным на „Казанку" военным машинистам и помощникам удалось привести станцию в порядок и 17-го начать движение пригородных и товарных поездов на ближайшие к Москве пункты. На Рязано-Уральской ж. д. стачка продолжалась и поезда с Казанской не принимались. Охранка стянула на Николаевскую ж. д. и на „Казанку" все свои черносотенные кадры и под их угрозами и влиянием на обоих дорогах в этот день начали служить молебны по случаю „царского дня". Певчие пели гимн, черная сотня кричала „ура". Эта демонстрация подействовала угнетающе на растерявшихся машинистов, увидевших также, что поезда задвигались и без их помощи. На общем собрании групп машинистов с Ярославской, Казанской и Николаевской дорог решено было начать работу как с пассажирскими, так и с товарными поездами. На собрании же читалась опубликованная в „Русском Листке" речь какого-то зубатовца, произнесенная им в межевом институте, с проклятиями по адресу интеллигенции. Черная сотня работала среди машинистов вовсю. Под ее влиянием машинисты „Казанки" отслужили в своем депо специальный молебен о начале работ. В три часа дня они явились на Казанский вокзал с иконой и царским портретом и с пением „Боже, царя храни!" и криками „ура!" двинулись к Николаевскому вокзалу. Эти молебны и манифестации повлияли на настроение и линейных работников железной дороги, и на мастеровых. О прекращении стачки заговорили и кондуктора.

17 октября в Петербург были отправлены из Москвы поезда № 4 и 16, в Москву пришел поезд № 61 из Твери.

На Ярославском вокзале черной сотней был избит рабочий Максимов, призывавший к продолжению стачки. Конторщики держались более стойко.

В московском стачечном комитете о плохом настроении железнодорожников было уже давно известно, но никаких

более решительных мер, кроме уговоров, им не предпринималось, и появление черных сотен с молебнами было большой неожиданностью.

17-го же октября на городских бойнях мясники избили студента, выступавшего перед ними с предложением прекратить работу (бойни в этот день начали работать).

Открылось много магазинов.

Городская дума заявила градоначальнику, что от организации своей милиции она отказывается.

Таким образом, всеобщая стачка в Москве определенно срывалась, и в первую очередь железнодорожниками под несомненным организованным воздействием черной сотни.

Охранка использовала настроение наиболее отсталых слоев рабочих и ударным нажимом на железнодорожников трех дорог сразу же пробила в стачке серьезную брешь. Стачечный комитет растерялся. Московский комитет большевиков не имел возможности так быстро исправить срыв стачки, так как его аппарат был еще менее осведомлен в железнодорожных делах и приспособлен к ведению стачки на ж. д. К тому же отношения со стачечным комитетом оставляли желать лучшего... В Петербурге настроение рабочих масс и руководящих кругов железнодорожников было революционнее, чем в Москве. Здесь стачка держалась крепко. И против нее в первую голову был пущен военный нажим. Так, в ночь на 18 октября, т. е. в те часы, когда в газетах набирался текст манифеста о свободах, полковник Мин обстреливал технологический институт, выбивая оттуда группу революционеров, обстреливавших войска и бросивших бомбу в казаков [1]). 87 человек были арестованы и оставлены под арестом в самом институте.

С утра 18 октября в Петербурге начался боевой день. Толпы рабочих, студентов и всякого рода бастующей публики вплоть до сенатских чиновников запрудили улицы города с пением революционных песен, красными знаменами и проч. Огромные митинги происходили у Казанского собора, у технологического института, где сидели арестованные, главным образом, студенты.

[1]) *Аристарх Правдивый.*—„Правда об октябрьских днях в Петербурге“ (черносотенная брошюрка с подлинными документами донесений и пр. о событиях), стр. 20 — 22.

Войска разгоняли и избивали демонстрантов, пуская в ход оружие [1]). Утром корнет Фролов с эскадроном конной гвардии повел на толпу кавалерийскую атаку и лично шашкой поранил проф. Тарле. В полдень полковник Мин получил от Витте инструкцию „щадить кровь русских людей" и поэтому случаю расстрелял на Гороховой красный митинг. Оратор, студент университета Бибиладзе, говоривший речь с газового фонаря, меткими стрелками Семеновского полка был „снят". Несколькими залпами толпу удалось рассеять — подобрали пять раненых, и в их числе мальчика семи лет. По другой версии раненых было более 10 человек. Возмущенное расстрелом население стало нападать на встречных военных. Жандармского ген. Шмакова студент ранил финским ножом, приняв его за командира семеновцев — Мина. Жандармы, охранявшие генерала, тяжело ранили студента и арестовали его. К вечеру около технологического института под напором толпы, атаковавшей камнями конную гвардию, арестованные были освобождены. Столкновения толпы с войсками происходили также у Лесного (двое убитых) и Политехнического институтов. Вечером же казаки боевыми зарядами разгоняли демонстрацию рабочих Путиловского завода, в результате два убитых, 7 раненых. Петербургский градоначальник опровергал газетные сообщения о массовых расстрелах, сообщая, что за 18 октября было убито всего лишь 5 человек, ранено 12 (из находившихся в больницах).

Черные сотни также были выпущены на работу. Их демонстрации с белыми флагами, царскими портретами и пр. по числу участников оказывались весьма скромными по сравнению с красными. Но черносотенцы действовали под охраной войск и местами выступали очень агрессивно по отношению к красным. За 18 октября отмечен ряд случаев нападений „черных" на „красных". На углу Невского пр. и Садовой ул. черносотенцы пустили в ход ножи, которыми был убит один из красных

[1]) В приказе по войскам петербургского гарнизона от 18 октября за № 3 было напечатано: „Его величество государь император собственноручным рескриптом на мое имя высочайше повелеть соизволил: объявить войскам вверенного мне гарнизона свою горячую благодарность за их беззаветную верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. О вышеизложенном почитаю себя счастливым объявить войскам гарнизона. *Трепов*".

и мясорядцы. Начавшуюся между черными и красными драку разогнала полиция, избивавшая красных. На Сенной площади черные избили около 40 чел. Гостинодворцы, отслужив молебен, демонстрировали с национальными флагами и пением гимна. У Казанского собора они были двинуты на красных [illegible] речей красного оратора, призывавшего не расходиться [illegible], а готовиться к восстанию. Со стороны красных [illegible] стрелять [illegible], и [illegible] [illegible]. [illegible] красные [illegible]... Налетевшие [illegible] разогнали красных [illegible]. Раненых, по „Новому Времени", „было много".

Следует [illegible] то, что полиция [illegible] угрозою [illegible] заставляла торговцев [illegible] к [illegible]. Петербургские [illegible] несколько позднее [illegible] ходу [illegible] торговцев Сенной за „любовь к государю" и за избиение его врагов — студентов и пр.[1]).

Если [illegible] Петербургской части в одной из [illegible] осудили эти „патриотические" [illegible] и [illegible] стали [illegible] и войска. Так, в [illegible] состоялся митинг военных: нижних чинов, [illegible], юнкеров и офицеров. Собрание единогласно приняло следующую резолюцию: „Мы, собравшиеся 18 октября [illegible] военных — нижних чинов и офицеров флота и армии, [illegible] что происходящая теперь революционная борьба [illegible] и трудового крестьянства есть последний акт кровавой русской революции, которая даст нашей стране демократическую республику — объявляем, что всюду, где народ будет выступать активной революционной силой и где будет литься его кровь, наши штыки и все наше оружие будет обращено против [illegible] нас гнусного самодержавия".

В тот же день произошел следующий случай; в 4 часа пополудни громадная толпа рабочих и студентов с красными знаменами подошла к казармам 14-го флотского экипажа и устроила матросам овацию. Последние кричали из окон: „Мы с народом, отоприте двери, и мы пойдем с вами", но двери казарм долго не отпирались. Наконец, одна половина двери открылась, и толпа хлынула в эти двери, но в это время

[1]) „Право", № 48 — 49, 1905 г., стр. 123.

с двух сторон появилась кавалерия. Демонстранты отступили и разошлись [1]).

17-й флотский экипаж был также заперт в казармах.

Любопытно сопоставить действия толпы в этот день в Петербурге и в Москве. Если в последней настроение масс поднялось до хождения десятками тысяч к тюрьмам с настойчивым требованием освобождения политических заключенных, то в Петербурге в этот день все политические остались за решетками. Хрусталев-Носарь заявляет в „Истории Совета рабочих депутатов", что нельзя было добиться освобождения политических, так как петербургская толпа была „настроена пугливо". Нам кажется, на основании целого рода документов, что испуга больше было в меньшевистском Совете, чем в массах.

Петербургский комитет большевиков на эти события реагировал следующим призывом:

„Только вооруженное восстание и временное революционное правительство, только народная революционная армия избавит нас от всей гнусной шайки... А теперь, товарищи, оружия, оружия, прежде всего. Оружие и народная милиция. Пусть это будет нашем боевым кличем, нашей главной заботой. Долой полицию и царское войско!"

Петербургский комитет немного нервничал. События застали его несколько врасплох. Лозунга восстания все еще не было. Вооруженному пролетариату ставилась лишь задача „защищать мирных граждан от царских башибузуков и хулиганов". Далее в листовке говорилось: „И защищая мирных граждан, вооружаясь и организуясь, мы будем готовиться, чтобы рука об руку с нашими братьями, рабочими поляками, евреями, кавказцами, финляндцами и другими, нанести последний удар старому, гнилому строю. Долой царя и его конституцию! Да здравствует революция и демократическая республика! Да здравствует социализм!"

Совет рабочих депутатов, как и подобало органу, руководимому меньшевиками, ничего не понял в политике коронованных черносотенцев и в первых же строках резолюции, принятой в заседании 18 октября, вслед за кадетами, констатировал, — что „стиснутое железными тисками всеобщей

[1]) „Право", № 48 — 49, 1905 г., стр. 122.

политической забастовки российского пролетариата *самодержавное правительство пошло на уступки*".

Далее в резолюции говорилось о борьбе за установление демократической республики, о политической амнистии, об отмене исключительных положений, о созыве Учредительного Собрания. В отличие от требований кадетской партии [1]) в резолюции говорилось об устранении всей полиции сверху донизу, об удалении из города войск, о создании народной милиции, для чего указывалось на необходимость вооружения пролетариата. К кому должны были относиться эти требования — меньшевики, вероятно, и сами не очень ясно себе представляли. Кадеты и вообще цензовая буржуазия уже заявили Совету, что никакого оружия пролетариату они не дадут. Не у царской же клики Совет рабочих депутатов собирался получить это оружие.

Большевики давали 18 октября питерским рабочим лозунг— „добывай оружие всеми способами". Это понимал всякий. Меньшевики требовали „выдачи оружия пролетариату", и это был никуда негодный, не революционный лозунг. А такие лозунги в острые моменты борьбы срывают революции.

Единственно правильный, понятный и нужный массам был лозунг Совета рабочих депутатов о продолжении всеобщей стачки [1]), но без перспективы, без актуальной задачи он терял всю свою остроту и значимость. Несомненно, что петербургские руководители стачки были не осведомлены о том, что в Москве 18 октября железнодорожники определенно стачку сорвали.

В этот момент на путях трех главных московских дорог уже шла подготовка к пуску движения. Об окончании стачки

---

[1]) Постановление съезда к.-д. партии от 18/X — 1905 г. по поводу манифеста 17/X. См. приложение № 17.

[2]) Забастовочный комитет железнодорожных служащих и рабочих принял вечером 17 октября следующую резолюцию: „Изданный правительством манифест является новой попыткой обмануть русский народ. Необходимо бороться дальше и добиваться полного удовлетворения профессиональных и политических требований, заявленных железнодорожным союзом и делегатским съездом. Народ уже понял, что ему нужно, и не удовлетворится теми подачками, которые правительство ему подносит. Поэтому Совет считает необходимым продолжать начатую борьбу и поддерживать забастовку до выполнения всех требований".

[illegible] ж.-д. [illegible] рабочих [illegible] весть [illegible] рабочих.

[illegible] стачечный комитет [illegible] 17 [illegible] стачки, [illegible] „[illegible]“. [illegible] „[illegible] комитет, [illegible] [illegible] рабочих и служащих [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] 17 [illegible] с. г. [illegible] правительства, правда, пока только на словах, [illegible] требований.

[illegible] товарищам — [illegible] забастовку, [illegible] [illegible] берутся [illegible] [illegible] [illegible] под [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] в манифесте 17 октября:

1) [illegible] личности и [illegible] свободы слова, печати, совести, собраний, союзов и стачек;

2) [illegible] Учредительного Собрания на началах всеобщего без различия пола и национальности равного, прямого и тайного, избирательного права;

3) амнистия всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, а также за стачку и крестьянские движения;

4) удовлетворение в законодательном порядке основных насущных социально-экономических нужд рабочих и служащих.

Вместе с тем, московский стачечный комитет приглашает всех рабочих и служащих уполномочить своих делегатов, московский

стачечный комитет и комитеты партии социал-демократов и социалистов-революционеров [illegible] отметить день новой великой политической [illegible] к тому встретится надобность, опросив для этого [illegible] своих товарищей.

„Московский [illegible] стачечный комитет [illegible] приглашает стачечные [illegible] железных дорог [illegible] требования для отдельных [illegible] рабочих и служащих, продолжение [illegible] при чем [illegible] что весь пролетариат [illegible] также и каждого уволенного за забастовку.

„[illegible] в борьбе [illegible] (курсив мой. [illegible]) [illegible] все вместе [illegible] международного социализма: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

„Центральное бюро всероссийского железнодорожного союза, входящее [illegible] в московский стачечный комитет, присоединилось к [illegible] манифесту и предлагает всем [illegible] прекратить забастовку на основаниях, [illegible] в манифесте московского стачечного комитета“.

Проголосовать только манифест, [illegible] московского стачечного комитета [illegible] по фабрикам, заводам, железным дорогам и т. д. [illegible] как о манифесте, так и о собрании.

В это же время почти во всех учебных и других начались собрания. На них манифест также был оглашен, как директива, обязательная для всего московского пролетариата.

Московский комитет большевиков выступил с решительным осуждением деятельности московского стачечного комитета.

Это было действительно решение необдуманное, с революционными партиями несогласованное и во всяком случае политически нецелесообразное и по существу „паническое“.

Московский комитет большевиков, объединившийся 18 октября с меньшевиками в Федеративный Совет, опубликовал заявление, что после призыва московского стачечного комитета о прекращении стачки он считает необходимым разъяснить

рабочим г. Москвы, что от московского пролетариата в состав данного стачечного комитета входят лишь представители от железнодорожных рабочих, от рабочих городского управления и от торговых служащих. Разрешение вопроса о прекращении всеобщей стачки в Москве подлежит обсуждению общего стачечного комитета, к созыву которого и приступлено.

Но исправить положение дел было уже совершенно невозможно.

Правда, освобожденные из тюрем большевики и более революционно настроенные эсэры железнодорожники с утра 19 октября явились на „Казанку" и здесь сумели несколько подбодрить служащих и рабочих, готовившихся *приступить к работам.*

Они устроили объединенную трехдорожную „красную" демонстрацию и в результате *общее* начало работ на ж. д. несколько отсрочилось.

Демонстрация — похороны Баумана — 20 октября также отвлекала внимание масс от начала работ, и стачка на ж. д. все еще продолжалась. Так, на Казанской дороге 20 октября администрации удалось пустить лишь к вечеру четыре дальних поезда и принять три [1]).

Ночной расстрел у университета демонстрантов, возвращавшихся с похорон Баумана, вызвал общее возмущение рабочих масс Москвы. Московскому комитету оставалось одно — продолжать дело подготовки восстания. Листки этих дней полны гневных призывов к мести, к вооруженной борьбе.

22 октября на общепартийной конференции организованного пролетариата Москвы, созванной московским комитетом большевиков, прошла резолюция, совершенно правильно характеризующая положение дел. В ней говорилось:

1) Так как всеобщая политическая забастовка еще раз показала, что, несмотря на все ее огромное значение и достигнутые ею результаты, одной ее недостаточно для окончательной ликвидации старого строя и осуществления намеченных пролетариатом целей, — временно ее прекратить;

2) немедленно и энергично готовиться к следующей забастовке, которая должна превратиться в решительную битву пролетариата за свои минимальные политические и экономические требования;

3) усилить и расширить организацию пролетариата, ибо всеобщая забастовка еще больше сплотила его, дала нам новые кадры сознавших свои классовые

[1]) Дело М. О. О. №799 — 1905 г.

интересы рабочих, и с несокрушимой очевидностью доказала всему рабочему классу, что его сила в стройной организованности, дружной взаимной поддержке и классовом самосознании;

4) приглашая прекратить всеобщую политическую забастовку, настойчиво рекомендовать продолжение забастовок там, где были предъявлены различные требования к хозяевам и где условия благоприятствуют борьбе; просить рабочих помогать хотя бы материально бастующим товарищам;

5) всеми силами отстаивать взятую пролетариатом с бою свободу слова и собраний и требовать от администрации заводов и фабрик помещений для устройства рабочих митингов, лекций и т. д.;

6) товарищей, предательски убитых 20 октября казаками и черной сотней, организованной и вооруженной полицией, хоронить, во избежание новых жертв, без демонстративных шествий, приготовить им могилы рядом с могилой тов. Баумана; послать на похороны депутатов от районов и комитета с венками; устроить, как только это окажется возможным, грандиозное шествие на дорогие могилы павших товарищей и поставить им от имени московского пролетариата общий памятник;

7) принять соответствующие меры против бесчинств казаков и организаторов, подстрекателей и руководителей черносотенных шаек, а также и против попустителей их бесчеловечных действий...

Так хоронил московский комитет большевиков великую октябрьскую стачку, ряды которой были наполовину дезорганизованы мелкобуржуазными руководителями стачечного комитета, наполовину смяты черной сотней.

Теперь наступали дни, когда над Москвой, как и всюду, шквалом пронеслась неделя бессмысленных, зверских убийств гнусной армии царских молодчиков.

Они же ломали стачку и в Петербурге.

Но главной силой здесь все-таки были отборные войска гвардейцев, жандармов и казаков.

19 октября, по распоряжению совета министров у стачечников снова отняли высшие учебные заведения, как места для собраний. Били и убивали народ у университета (кирасиры), на Невском — даже на тротуарах и даже офицеров (жандармов напоили вдрызг), женщин и детей (кавалергарды). Кадетская профессура университета „настойчиво указывала премьеру Витте на необходимость снятия военной охраны и открытия университета". Но „кот Васька слушает, да ест". Витте не желал считаться с требованиями профессуры.

Он проводил линию „порядка"...

Один из делегатов железнодорожного съезда в этот день заявлял: „Самодержавие еще не пало: мы взяли лишь одно

из укреплений бюрократического Порт-Артура и должны продолжать наши усилия, чтобы Порт-Артур самодержавия пал окончательно". Но от [illegible] гор-чих, [illegible] решительное „Порт-Артур" [illegible], а, в свою очередь, „[illegible]", кому считал необходимым.

С[illegible] прекратить [illegible] по слу-чаю „[illegible] рабочих Петербурга". [illegible] после [illegible] переговоров с Витте и с Треповым на этот раз [illegible] бесполезностью этой меры" как гласит протокол № 21 [1]).

[illegible] Петербурга продолжали [illegible] и [illegible] Сытина, [illegible] из Москвы [illegible] и фабрик. Собрания рабочих, [illegible] собраний, [illegible] продуктов, а [illegible] вести из Москвы привели также к тому, что Совет рабочих депутатов 19 X [illegible] постановление о прекращении стачки.

В листке по этому поводу, датированном тем же 19 X [2]), значилось следующее: „Считая необходимым для рабочего класса опираться на достигнутые победы, организоваться наилучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного Собрания на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для учреждения демократической республики, Совет рабочих депутатов постановляет прекратить 21 X в 12 ч. дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета, возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор завоевали указанные выше требования"...

Настали тяжелые дни „ликвидации"...

Витте провел отставку обер-прокурора синода Победоносцева, министра внутренних дел Булыгина, министра народного просвещения ген. Глазова... Начались переговоры с октябристами и кадетами о вхождении их в министерство... Но все это была одна „мишура" и „видимость". Трепов и его приятель Рачковский, Комиссаров и вся охранная братия делали по-своему „конституцию", о чем будет дальше.

1) См. „Бюллетени Съезда", № 12, 1905 г.

2) „1905 год в Петербурге", № 153. стр. 822.

Витте „обхаживал конституцию" с другого конца. Он старался в первую очередь „умаслить" железнодорожников. Так как петербургский узел продолжал бастовать, несмотря на постановление Совета рабочих депутатов, то вышло как-то так, что председатель делегатского съезда Орлов, не считаясь с постановлениями о бесполезности разговоров с Витте, все же к нему отправился в сопровождении члена стачечного комитета линейных служащих, члена всероссийского союза ж.-д. служащих и члена союза ж.-д. служащих Царства Польского.

Витте сообщил, что не только он, но и Николай II только и думают о том, как бы улучшить положение железнодорожников. Доклад Витте с резолюцией Николая „согласен" якобы только случайно затерялся, но что он будет вскоре разыскан и приведен в исполнение. Далее Витте обещал за забастовку никого не увольнять. Он не против и „кооперативных объединений железнодорожников, если эти организации будут устроены по примеру американских и западноевропейских" ¹).

Разговор Витте с делегацией кончился „согласованием" следующих пунктов об условиях общего окончания железнодорожной стачки: „1) Постепенно увеличивается содержание низшим служащим и рабочим и улучшается их материальный быт. Испрашиваемый ныне дополнительный кредит на сей предмет будет утвержден полностью; 2) немедленно образуется комиссия с участием свободно избранных представителей служащих и рабочих для выработки мероприятий по улучшению экономического и правового положения служащих и рабочих; 3) кооперативная организация железнодорожных служащих и рабочих на началах, применяемых в Западной Европе и Америке, приемлема немедленно; 4) военное положение на железных дорогах немедленно снимается; 5) разрешаются собрания служащих на всех железных дорогах в помещениях и пределах дорог для обсуждения вопросов о забастовке и о своих нуждах, без предварительного уведомления полиции; 6) забастовщикам обеспечивается полная неприкосновенность и принимаются обратно все уволенные за забастовку; 7) отменяются все ограничительные циркуляры и распоряжения о приеме и продолжительности службы лицам польского

¹) Бюллетень № 14. Всероссийский делегатский съезд железнодорожных служащих. Протокол заседания от 22 октября 1905 года.

происхождения на дорогах Царства Польского, юго-западного и западного края; 8) допускается во внутреннем делопроизводстве на частных железных дорогах Царства Польского польский язык".

Петербургский железнодорожный стачечный комитет выработал в соответствии с этим „соглашением" резолюцию, которая и обсуждалась на всех общих собраниях железнодорожников. В резолюции указывалось, что уступки, сообщенные графом Витте, „создавая для трудящихся классов возможность пользоваться основными правами человека и гражданина, предоставляют эту возможность в столь узких размерах, что открывают собою лишь новое поле дальнейшей борьбы путем развития организации трудящегося класса". Далее, в резолюции отмечалось: „Железнодорожники в борьбе шли рядом с товарищами рабочими, рядом и рука об руку пойдут они в деле сплочения трудящихся классов России и организации их в боевую силу. Сознавая при том, что железнодорожная забастовка падает тяжелым бременем на страну, хотя может быть оправдана борьбою за право, узловой комитет не находит возможным продолжать ее. Забастовка должна быть прекращена 22 октября, в 11 часов 59 минут пополудни. Если же правительство в ближайшем будущем не выполнит всех требований железнодорожного союза и делегатского съезда, то комитет снова призовет к забастовке, которая должна будет продолжаться до исполнения всех требований" [1]).

В назначенный день и час петербургский железнодорожный узел приступил к работам.

Из провинции получились известия, что на Ташкентской железной дороге движение возобновилось 20 октября, на Киево-Полтавской — 21-го.

С 22 октября повсеместно, за исключением Царства Польского, начало постепенно восстанавливаться правильное движение.

22 октября начальником управления железных дорог была разослана начальникам дорог телеграмма следующего содержания: „От имени министра объявите всем, что правительством будут приняты решительные и безотлагательные меры к улучшению быта низших служащих дорог. Вместе с сим, объявите

[1]) Приложение к „Праву", № 48—49, стр. 116, 1905 г.

служащим и рабочим, что если 24 октября, или через сутки после получения этой телеграммы, они вступят на работу, и нормальное течение деятельности на дорогах восстановится, то проступки их, вызвавшие замешательство на дорогах, преследоваться не будут, и жалованье будет им уплачено. При неисполнении вышеизложенного в указанный срок, уплату жалованья не производить“ [1]).

21 октября, в 12 ч. дня, приступили к работам почти все крупнейшие предприятия Петербурга.

Рабочие хотя и явились на работу, но на многих заводах в первые дни жизнь не могла войти в правильную колею. „Рабочие были слишком возбуждены нахлынувшими новыми событиями. Хозяева и заводская администрация еще не освоились с новым положением“,—рассказывает один из очевидцев—Б. Петров-Радин [2]).

Пролетариат вынес из всеобщей стачки огромный политический урок и вместе с этим он чувствовал, что по существу никаких политических перемен не произошло, что борьба еще вся впереди.

Особенно печальные вести шли из провинции, где фашисты-черносотенцы громили стачку по всей стране самым диким и зверским образом.

Напуганный этим движением, петербургский Совет рабочих депутатов отказался от устройства 23 октября торжественных похорон павших товарищей. В резолюции по этому поводу говорилось: „Мирные намерения петербургских рабочих поставили на ноги всех представителей умирающего строя. Трепов дает понять в своем объявлении, что возможно нападение на мирное шествие вооруженных полицией банд черной сотни, чтобы снова залить кровью улицы Петербурга. В виду этого плана, который лишний раз показывает, какую цену имеют обещания, выраженные в манифесте, Совет депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет ген. Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату.

[1]) „Право“ № 48—49, 1905 г., стр. 116.

[2]) „История Совета рабочих депутатов“, стр. 248.

Совет рабочих депутатов постановил заменить всеобщее траурное шествие [illegible] чествования жертв, [illegible] что [illegible] борцы своей смертью [illegible] условия для общего освободительного дела [1]).

Но [illegible] такими решениями Совета. [illegible] Москве, [illegible] что [illegible] устраивать [illegible]. Здесь [illegible] (меньшевиков и эсэров).

Чтобы [illegible] 23 [illegible] 1905 г.). [illegible] „Вечную память“,—„Вы жертвою пали“...

Провинция.

В [illegible] без [illegible] 17 октября [illegible] средством заманить массы в ловушку и расстрелять их.

По [illegible] „[illegible] революции“ с 17 по 23 октября [illegible] погромов насчитывается свыше 100.

Главными [illegible] погромов явились [illegible] бедноты, [illegible] в [illegible] губерниях армян — [illegible], еврейской и русской интеллигенции — всюду [illegible] в городах центральной России и в Сибири.

Затем шли грабежи, убийства, изнасилования женщин, поджоги домов и таких учреждений, как земские управы, железнодорожные учреждения. При поджогах разыгрывались дикие сцены вплоть до бросания живых людей в огонь, ловли на штык людей, прыгающих из окон и с балконов горящих зданий.

1) „Право“, № 48 — 49, 1905 г., стр. 127.

Как развертывались такого рода события, можно видеть из нескольких ниже приводимых иллюстраций.

Из украинских центров остановимся на Екатеринославе, Киеве и Одессе [1]).

Начальник екатеринославской охранки доносил директору департамента полиции:

16 октября в горном училище состоялся большой митинг, на котором произнесено много противоправительственных речей.

Полиция окончательно деморализована. Был случай, когда городовые и околоточные надзиратели отказывались идти на обыск, заявив, что переутомлены и боятся.

17 октября забастовка всех заводов, железнодорожных мастерских и управления Екатерининской железной дороги продолжалась. К работам приступили лишь городские рабочие мелких производств. В фабричном районе происходил ряд сходок рабочих.

18 октября забастовка заводских рабочих продолжалась. Повсюду в разных частях города происходили беспрепятственные митинги.

19 октября в городском саду происходил многотысячный митинг; собрались в отдельных пунктах сада все существующие местные противоправительственные организации с революционными знаменами. Выступало много ораторов. Везде на столбах был наклеен смертный приговор губернатору и чинам полиции.

На бульварах повсюду производился открытый сбор пожертвований на динамит и бомбы для уничтожения губернатора и всей администрации, „на гроб Николаю II", а речи ораторов сводились к возбуждению недоверия к высочайшему манифесту и действиям правительства и в большинстве заканчивались призывом требовать казни государя и к вооруженному восстанию.

Вышедшие местные газеты открыто возбуждали революционное население к мести администрации.

По проспекту ходили революционные организации со своими флагами, заставляя прохожих отдавать честь флагам. Полиция попряталась. Значительная часть населения была объята паниксй.

20 октября крупнейшие заводы в Екатеринославе приступили к работам. В поселке Амур-Нижнеднепровск продолжалась общая забастовка.

После продолжительной задержки вышли первые поезда.

Забастовали *частью городовые и околоточные надзиратели*, курьеры правительственных учреждений и часть пожарных. Толпа еврейской молодежи врывалась в дома и силою снимала с работ кучеров, дворников, прочую домашнюю прислугу и лакеев в ресторанах и гостиницах. Все это происходило совершенно безнаказанно и вызывало сильное озлобление против евреев, нахальство коих росло.

Под вечер начиналась было патриотическая манифестация, но так как

[1]) Сведения о погромах в этих городах заимствованы частично из книги „Материалы к истории русской контр-революции", т. I (Погромы по официальным документам).

она не была хорошо организована, число манифестантов, вышедших с портретом государя и национальными флагами на проспект, было незначительно, а затем подверглось нападению со стороны революционных организаций. и демонстранты рассеялись, но предварительно между ними и революционерами произошла перестрелка.

Местами начинается еврейский погром, вызвавший панику евреев, но громилы скоро успокоились [1]).

21 октября охранка стала действовать более организованно. Как и всюду, в центре города у собора отслужили молебен.

Далее жандарм сообщает, что на Соборной площади оказалась значительная толпа русского (? *А. Ш*) населения города. Направившись с портретами царя, национальными флагами и пением народного гимна по главному проспекту, манифестанты остановились около дома губернатора и выделили делегатов, заявивших верноподданнические чувства и просивших в видах общественной безопасности разоружить евреев. При дальнейшем следовании манифестации, направившейся по просьбе рабочих (? *А. Ш.*) к Брянскому заводу, из домов в манифестантов и бывшие с ними войска начали стрелять евреи. Манифестанты бросились в дома, разбивая окна и двери. Появившаяся толпа евреев на ближайшем проспекте дала залп из револьверов по войскам и манифестантам, войска ответили залпом. Толпа же русских начала громить еврейские магазины, дома. Есть жертвы. В настоящий момент погром немного успокоился, евреи стреляют в одиночных проходящих русских. Настроение обоюдно весьма враждебное. Вчера ночью стреляли в трех моих офицеров.

Ротмистр *Шульц*.

Так изображал ход событий жандармский охранник. Погром, однако, 21 октября не закончился. В город подвезли артиллерию. Тот же ротмистр Шульц сообщил 22 октября в Петербург по телеграфу: „Погром еврейских магазинов продолжается, громят местные кучера, дворники, босяки; меры прекращению почему-то (? *А. Ш.*) почти не принимаются. При продолжении погром принесет тяжелые последствия".

Жандарм притворялся невинной овечкой. 23 октября из новой его телеграммы видно, что „погром продолжается. К вечеру немного тише, толпа громил усиленно ищет вооруженных евреев; имущество громят сегодня в частных квартирах; заняты избиением евреев. Дома, откуда стреляли евреи по русским, сжигались. Губернатор лично пытался успокоить громил, но тщетно. В городе в разных местах пожары, сплошное зарево, всюду перестрелка".

[1]) Охранно-жандармская провокация, очевидно, сорвалась. Надо было действовать по-другому.

И только 25 октября губернатор сообщил Трепову в Петербург: „В Екатеринославе беспорядки прекращены, водворяется спокойствие, сегодня выезжаю в угольный район для подавления начавшихся там беспорядков и волнений".

На железной дороге в Екатеринославе работы начались лишь 24 октября, а в мастерских — с 25. В железнодорожную больницу поступило за дни погрома 29 раненых и 4 убитых. Из раненых евреев было только двое; таким образом, от погромов пострадала в железнодорожном районе, главным образом, железнодорожная беднота, избивавшаяся черной сотней [1]). Всего убитых за дни погрома было 80 чел. и масса раненых [2]).

В Киеве стачка протекала более мирно, чем в Екатеринославе, и только 18-го, с опубликованием манифеста, красные устроили грандиозные демонстрации и захватили городскую думу.

В вечеру на митинг около думы набросились драгуны, открывшие огонь пачками по толпе. В результате убито 7, ранено 130.

С утра 19 октября после этого предварительного кровопускания выпустили черную сотню. Погром продолжался под руководством священников во главе с архиереем, купцов, ремесленников и пр. с национальными флагами, оркестром военной музыки, царскими портретами и т. д. до 22 октября. За три дня было разграблено около 1.500 еврейских квартир и торговых помещений. Всего убитых оказалось 47 человек, ранено 205, но эти цифры явно преуменьшены, так как „убитые и раненые уносились толпою".

Кошмар погрома подробно описан в вышеупомянутых „Материалах к истории русской контр-революции", т. I.

Там же мы найдем и описание событий в Одессе.

„Всеми ненавидимый", по словам Витте, градоначальник Одессы Нейдгардт побил рекорд в погромном деле. Он сам составлял и печатал погромные воззвания, сам инструктировал своих агентов по организации погромов.

При таком градоправителе даже домовладельческая одесская городская дума вынесла публичную благодарность студенческой милиции за охрану города.

[1]) Материалы по истории екатерин. с.-д. организации большевиков и рев. соб. 1904 — 06 гг.

[2]) *Обнинский.* — „Полгода русской революции".

События в Одессе разыгрались с 19 октября со стычек демонстрантов с полицией. В этот день городской голова Крыжановский подал в отставку, отказавшись подписать воззвание думского революционного комитета, начинавшееся словами: „Самодержавие, наконец, свалилось в пропасть".

С утра портовой люмпен-пролетариат, под руководством полиции хлынул к собору, где в присутствии градоначальника духовенство отслужило молебен и благословило черную сотню на патриотическую работу. Собор, как и в Екатеринославе, явился центральным пунктом сбора черносотенной армии, хлынувшей отсюда после молебна в разные стороны города для „работы".

Впереди погромщиков войска обстреливали улицы, разгоняя самооборону. В одном случае градоначальник лично руководил действиями своего казачьего конвоя, защищая попавших в затруднительное положение погромщиков.

В двух местах рабочие пытались захватить полицейские участки, но войска их отбили. Попытки захватить телефон и телеграф также оказались неудачными. Нейдгардт на всякий случай имел три тайных телеграфных станции, построенных задолго до восстания...

Так начался знаменитый одесский погром, продолжавшийся три дня и три ночи — с 19 по 23 октября. В этой кровавой эпопее погибло свыше 2.000 убитых и раненых...

В Харькове в дни, предшествовавшие манифесту 17 октября, стачка была так разгромлена, что нового „выступления" уже не понадобилось. Еще продолжали появляться объявления временного генерал-губернатора о „недопущении в среде рабочих распространителей вредных учений и слухов, волнующих общественное спокойствие", о запрещении сборищ и собраний и т. д., но черную сотню выпускать на работу уже не имело смысла — харьковский пролетариат без особого восторга встретил царскую грамоту о свободах.

В Саратове дело прошло сложнее.

До 18 октября там никто не мог сказать, у кого же в городе власть — у губернатора (П. А. Столыпина) или у стачечного комитета. Комитет упорно устраивал запрещенные митинги и демонстрации, а губернатор их настойчиво разгонял, но без особого кровопролития. Думские деятели просили

у губернатора разрешить свободу собраний, он им в этом отказывал, ссылаясь на распоряжение Трепова. Потом у губернатора было много хлопот с крестьянством, пользующимся красными октябрьскими днями для добычи „землицы" и по сему случаю неладившими с помещиками.

Такая неопределенность, однако, разрядилась 18 октября арестом 175 железнодорожных делегатов на дебаркадере ж. д. парохода. Особый отряд казаков и полиции арестовал всю головку стачечного движения в Саратове во главе с председателем ж. д. съезда Обморшевым и популярными железнодорожными деятелями — Киселевым, Кнушевицким, Бровцыным и другими. Столыпин действовал тихо и метко, но манифест 17 октября испортил ему всю „обедню".

Этот арест, совпавший с опубликованием манифеста, возмутил все население города. Громадные толпы явились к дому губернатора и буквально вырвали у него арестованных, которым были устроены шумные овации. Затем начались уличные митинги, продолжавшиеся до поздней ночи и начавшиеся с раннего утра на другой день.

Губернатор решил тогда пустить в работу черную сотню. Епископ Гермоген благословил эту им сагитированную рать[1]). Началось с того, что неподалеку от большого красного митинга на базаре открылся небольшой митинг черных. Пра солы, извозчики, „гавахи" (босяки) — центральное ядро черных. Они сделали первую вылазку на красный митинг, но двух — трех револьверных выстрелов оказалось достаточно, чтобы отогнать негодяев. Но вскоре из столовой братства св. креста появился новый черный отряд — подмога. К красным подошли с цеховыми знаменами ремесленники из управы, чтобы выразить сочувствие „свободным гражданам". Цеховые знамена присоединились к красным.

Казалось, у черных больше нет никаких резервов.

Но их толпа росла и вскоре начала атаку камнями. Выстрелами их опять отогнали. Тогда губернатор направляет войска для защиты патриотов. Под их прикрытием громилы ударили на красных со всех сторон, и „началась потеха": били вилами, палками, камнями, до потери сознания.

[1]) См. об этом журнал „Правда" — ноябрь, 1905 г., стр. 332.

На выручку красных бросилась дружина боевиков с другого митинга, за нею вся остальная масса граждан.

„Боевая дружина“ сделала залп, который остановил черносотенцев. Среди них произошло замешательство: наиболее смелые и, кстати сказать, пьяные, бросились было на „граждан“ с камнями. Но выстрелы обратили их в бегство. Большинство выстрелов было произведено в воздух. Несколько человек из хулиганов, однако, оказались ранеными. Войска разделили обе стороны, защищая черных.

Произошло еще несколько стычек с громилами. Митинги были сорваны. Публика постепенно рассеялась. Вечером весь город очутился в руках грабителей. С Гор и из Глебова оврага вылезла громадная дикая толпа. Здесь были и мужчины, и женщины, и старики, и подростки. В нескольких местах показалось зарево пожаров... Всю ночь по городу ходили толпы хулиганов, грабя магазины, лавки, квартиры, почти исключительно еврейские. На Старой Острожской и Цыганской улицах, где сосредоточено еврейское население, опьяневшая, никем не сдерживаемая толпа врывалась в квартиры, избивала их обитателей и расхищала их имущество. По улицам бежали раздетые женщины с грудными детьми. Пожар подожженной синагоги освещал дикую оргию грабителей. Люди, казалось совсем мирные, приняли деятельное участие в погроме. Говорили, что „жидов позволено три дня грабить“. Погром не прекращался всю ночь. На другой день он возобновился с новой силой. По Немецкой улице часов в 12 прошла „патриотическая манифестация“. Это была большая, тысячи в две — три, толпа, состоявшая из всякого сброда. Несли два царских портрета. В воздух с криками „ура“ бросались шапки. Толпа была вооружена громадными кольями, с надетыми на них шапками, и палками. На шестах белые флаги. По дороге разбивались магазины, оставшиеся грабители расхищали товар.

Сорганизовалась „боевая дружина“, человек сто, вооруженных револьверами. На Грошевой „дружина“ разогнала шайку грабителей. Далее, на Театральной площади произошла схватка с многотысячной толпой черносотенцев.

В толпу на Николаевской ул. у магазина Ауэра красные бросили бомбу. Несколько человек черных легли на месте.

Толпа в панике бросилась бежать, бросая награбленное имущество. Бомбами разгоняли черных на Ильинской и на Мало-Сергиевской улицах. Весь день 20 октября производился такой же грабеж, как и накануне. Жители выставляли на окнах иконы, но и это не всегда спасало от разгрома. Вечером по всему городу были расставлены патрули солдат; это несколько успокоило население. Ночью город погрузился в тяжелую тишину. Запрещалось ходить, проходящих обыскивали. На другой день 21 октября погром прекратился.

Столыпин торжествовал победу.

Стачечное движение в Саратове было раздавлено.

В других истинно-русских городах разыгрывались аналогичные события.

Из Ярославля телеграфировали: „Манифест принят восторженно, на улицах идет стрельба".

В Твери в день манифеста громилы на глазах войск сожгли губернскую земскую управу и убили десяток земских служащих и других, попавших в этот день в управу.

В Тифлисе та же картина.

Опишем ее по официальным источникам [1]).

21 октября здесь впервые появились демонстрации так называемых „патриотов" с портретом царя и с церковными знаменами. Группа „патриотов", достигающая 300—500 человек, ходила по улицам, бесчинствовала, срывая шапки с прохожих, и избивала „подозрительных".

После молебна у собора с наместником и пр. повторилась та же история, что и в Одессе. Черная сотня под прикрытием войск и казаков достигла нескольких тысяч и прорепетировала подготовку к погрому. На другой день черносотенная манифестация повторилась. Красные также подготовились. Столкновение произошло у храма Славы, где из нескольких домов завязалась перестрелка с манифестантами и солдатами, их охранявшими. В толпу было брошено 3 бомбы.

В результате перестрелки всего зарегистрировано пострадавших 22 окт.: убитых 85 человек, скончавшихся от ран 6, всего 91 человек. Тогда же взорвалась корзина с бомбами — убиты двое, ее переносившие. Еще несколько дней шли мелкие

[1]) „Кавказ", „Возрождение", телеграммы и сообщения, собранные в „Правде", № 48—49, 1905 г.

стычки, но забастовка была сломлена силой войск и провокации. 24 начались работы на некоторых заводах и в торговых предприятиях.

Железнодорожное движение восстановилось еще позднее.

В Баку с 20 октября начинается полоса чудовищной провокации, избиений, погромов армян, обстрела армянских домов артиллерией.

Генерал Фадеев сжигал дома, расстреливал красных демонстрантов, охранял черные манифестации, вместе с войсками пять дней грабившие армян и нападавшие потом и на русских. „Обстреливаемый войсками дом обливался керосином, поджигался, толпа грабила и убивала живущих в нем, казаки, солдаты и татары подстреливали даже прыгавших с балкона людей", — так описывали события очевидцы...[1]).

Из других страшных цифр последнего периода всеобщей октябрьской стачки приведем лишь наиболее яркие[2]):

Ростов-на-Дону — убито 176, ранено — 500.

Томск — сожжено управление Сибирской железной дороги, театр и масса магазинов; убитых и сгоревших — 1.150, тяжело раненых — 76[3]).

Гомель — сожжен лучший квартал города. Число убитых и раненых не установлено.

Орша — убито более 40.

Кишинев — убито 60, ранено около 200.

Феодосия — сожжена городская управа и места других зданий, пострадало 100 чел.

Казань — расстреляно здание думы, магазинов, много убитых и раненых.

Минск — убито свыше 100, 400 тяжело ранено.

Тула — убито более 40, раненых до 100.

Богополь — местечко — разрушено до тла.

Кагараш, мест. (Бессарабия)—убито 60, тяжело ранено 80.

Таков кровавый счет последних дней всеобщей октябрьской стачки, о котором мы не можем забывать при учете ее роли и значения в ряду событий революции 1905 года, к чему мы сейчас и переходим.

---

[1]) „Право" № 48—49, 1905 г., стр. 185.

[2]) *Обнинский.* — „Полгода русской революции".

[3]) Подробнее см. „Прол. Рев." № 6 (47), 1925 г., ст. Броннер.

Глава XI

Значение октябрьской стачки в революции 1905 г.

Во время всеобщей октябрьской политической стачки по В. Е. Варзару имело место 2.628 случаев остановки работ на фабриках и заводах из 13.110 за весь 1905 г., т. е. 20%, а по числу участников — 481.364 из 2.709.695, т. е. 17,7%, за год. В эти количества случаев стачек и участников не входят железнодорожные предприятия, где число бастовавших, вероятно, не многим меньше всей массы постоянных рабочих транспорта — 712 тысяч (без поденных).

Приводимая Обнинским цифра стачечников в 268.000, как максимальная в средине октября 1905 года, заведомо преуменьшена. Если принять во внимание, что к стачке примыкали и масса мелких предприятий, торговые служащие, наконец, служащие и рабочие городских учреждений, земств, телеграфа, телефона и в последнюю минуту многие из служащих в государственных учреждениях, то все цифры числа октябрьских стачечников, приводимые в официальных справочниках, окажутся значительно преуменьшенными..

Точно так же, если бы мы стали сравнивать это число октябрьских статечников всех групп и категорий с таковым же за весь 1905 год, то в результате процент первых был бы несомненно выше 17,7.

К. Ф. Сидоров в диаграммах „Забастовочное движение в России" октябрьскую волну стачек определяет в 500.000 и ставит ее выше, чем она когда-либо была на всем протяжении истории борьбы пролетариата в России. По существу это так и есть, но цифра 500.000 безусловно не охватывает, что, впрочем, оговаривает и сам К. Ф. Сидоров, всех категорий и групп стачечников. По нашему очень грубому и приблизительному подсчету общее число стачечников в октябрьские

дни для всей России с окраинами определится в цифрах так:

Фабрично-заводских рабочих	500 тыс.
Железнодорожников	700 „
Муниципальных служащих и рабочих	50 „
Торговых служащих и местного транспорта	150 „
Рабочих мелких предприятий, не подчиненных фабричной инспекции	200 „
Государственных служащих	50 „
Разных служащих и рабочих	50 „
Всего	1.700 тыс.

Такого одновременного охвата политическим движением и такой массы людей, как в дни октябрьской стачки — в течение 2—3 недель, в России до этого времени не наблюдалось. Если к этим кадрам причислить учащуюся молодежь, то мы можем смело сказать, что в октябрьские дни 1905 г. свыше двух миллионов людей было выведено на улицы под красное знамя революции. Всеобщая октябрьская стачка становится, таким образом, крупнейшим революционным событием. Это действительно массовая стачка. Несомненно, что она приняла такие грандиозные размеры именно в связи с общим революционным движением 1905 г. Вместе с этим мы подчеркиваем, что волна движения в октябре 1905 г. по количеству охваченных лиц и по размерам территории, по одновременности и интенсивности является наиболее высокой, чем во все другие моменты драматического 1905 года.

„Октябрьская всеобщая стачка, — говорит Плеханов, — произвела потрясающее впечатление как в России, так и за границей“[1]). Она выдвинула на первый план революции, на первое место ее гегемона — пролетариат, огромную пробуждающуюся массу всех эксплоатируемых капиталом и задавленных царизмом обездоленных тружеников.

И Россия, и заграница — все командующие группы эксплоататоров всего мира были потрясены этим невиданным, казалось, невозможным для отсталой экономически страны событием. Не менее сильное впечатление произвела октябрьская стачка и на западно-европейский пролетариат, впервые увидевший, что и у русских рабочих можно кое-чему поучиться.

[1]) „Дневник социал-демократа“, № 4, стр. 4.

Октябрьская политическая стачка стала предметом обсуждения этой формы борьбы в целом ряде статей в партийных газетах и журналах. Ей же было посвящено несколько книг.

Но больше всего эта стачка имела значение для пролетариата России. Только теперь, только в октябрьские дни 1905 г., он увидел самого себя, почуял, какая мощь таится в нем, в его жесте „скрещенных рук", в его непреоборимой тяге к оружию, к восстанию. От спячки — к стачке, от экономической стачки — к политической, и от последней — к восстанию, — вот тот путь, который проделал пролетариат России в эти буйные дни октября.

В октябрьскую стачку в том или ином виде оказались втянуты самые отсталые слои пролетариата („металлисты составляли 21% от 519 т. общего числа фабрично-заводских" [1]) рабочих. Заметно повысилось участие в ней текстильщиков, которых до сих пор приходилось „раскачивать" экономическими требованиями и только постепенно вводить в политическую стачку. В октябре 1905 г. текстильщики дали вдвое большее число стачечников, чем в январе, и несколько оттеснили с первого места металлистов. Октябрьская стачка вовлекла в революционное движение „рабов пера" и „прилавка", в размерах, до сего времени неслыханных. Объединение ж.-д. пролетариата в октябрьские дни сделало колоссальные успехи.

Пролетариат в кровавые январские дни 1905 г. получил первый урок политграмоты о царистском строе. В дни октября он явился уже активным деятелем, сделавшим соответствующие выводы об этом политическом строе, который закачался под его ударами.

В октябрьскую стачку пролетариат создал свои организации для борьбы — Советы рабочих депутатов и стачечные комитеты, по работе которых рабочий класс мог судить о бесплодности политики меньшевистских вождей сторговаться с буржуазией, о невыдержанности буржуазной интеллигенции из Союза союзов, из партии эсэров, которые пытались взять движение в свои руки и этим губили его, срывали успехи пролетариата, не умея сделать из событий соответствующих тактических выводов.

[1]) *Ленин.* — Рабочее движение в России в эпоху первой революции, стр. 22.

За время стачки пролетариат имел возможность ознакомиться с наиболее выдержанной тактической позицией революционной социал-демократии — большевиков, с ее трезвым учетом сил, с ее подлинно революционной ненавистью к царизму и буржуазии.

За дни политических свобод, завоеванных рабочим классом в октябре, пролетарии многому научились на многолюднейших митингах и собраниях. Они научились понимать и ценить эти свободы, о которых до сих пор говорилось только в прокламациях. В октябрьские дни пролетариат использовал и свободу печати, поглощая сотнями тысяч листки, брошюрки, „Известия" своих Советов рабочих депутатов.

Свобода коалиций — первые полулегальные профсоюзы возникли также в период октября. К ним, в первую очередь, тянулись распыленные самым характером производства типографы, столяры, конторские и торговые служащие и всякие другие рабочие в мелких мастерских и ремеслах. Профсоюз для них был единственной формой сплочения сил в водовороте октябрьских событий, они лихорадочно организуются в союзы, тем самым закладывая новые камни в фундамент строительства сил пролетариата.

Всеобщая октябрьская стачка вырвала из тюрем многих политических деятелей пролетариата и этим пополнила чрезвычайно возросшую в них потребность. Борьба требовала организации сил, агитации, пропаганды, учета сил противника и своих, руководства. Пролетариат в октябрьскую стачку сумел выделить из своей среды нужные силы. Он создал тогда же и свои боевые отряды — эти первые опорные точки будущих пролетарских кадров в революции. Один из организаторов боевых дружин московского пролетариата рассказывает, как в октябрьские дни организовывались эти дружины и как учились они.

Как в бой идти,
Как в бою воевать...

„Открытые собрания типографов явились как бы первым удобным случаем для применения на практике наших маленьких боевых дружин и первым экзаменом для них. Узнав об этих открытых собраниях, МК дал мне прямую директиву: охранять боевыми дружинами открытые собрания типографов от жестокого и быстрого разгона их полицией и казаками. Дружины,

к величайшей их радости, были приведены в „боевую готовность“ — разделены на три очереди в каждом отдельном случае: на активную, резерв и разведку. По плану города Москвы и личным обходом всякий раз исследовалась местность, где должно было состояться собрание, и, соответственно расположению местности, вырабатывался план защиты собрания. Особо мы обращали внимание на проходные дворы и тупики. Первые должны были нами охраняться на случай „отступления“, а возле вторых должны были быть поставлены два — три вооруженных товарища, для предупреждения толпы, чтобы она не попала в полицейскую ловушку. Первые шаги действия были удачны — оканчивались почти всегда небольшой перестрелкой; но митинги почти всегда без особой паники, под прикрытием наших дружин, расходились. Однажды мы даже из бульварных тяжелых скамеек, лежавших сложенными, пользуясь темнотою ночи, устроили нечто вроде преграждений против казаков, налетавших, обычно, в конном строю, — первый опыт постройки баррикад“[1]).

Другой товарищ о тех же днях и по тому же вопросу сообщает:

„В техническом училище был штаб боевой организации. Туда привозилось оружие, там круглые сутки несли дежурство отряды боевиков, подвал училища был превращен в тир, в котором производилось обучение стрельбе. На каждом шагу встречались вооруженные люди, среди которых встречались растерянные физиономии служащих училища“[2]).

Так выковывались первые кадры пролетарских борцов. Так в октябрьскую стачку пролетариат уже имел небольшие подготовленные силы, с которыми была возможность сделать шаг дальше, чем стачка. Но об этом потом.

И еще важно отметить здесь боевой дух, повышенное революционное настроение масс, сопровождавшее октябрьскую стачку. Пролетариат заражал своим энтузиазмом самые „затхлые углы“, и даже меньшевики в ряде случаев выглядели чем-то вроде революционных именинников. Разговор Хрусталева-Носаря — председателя петербургского Совета рабочих депутатов — этого беспринципнейшего типа, с городским головой Красовским о вооружении пролетариата служит

[1]) „Пятый год“. Воспоминания Б. А. Бреслава, стр. 157.

[2]) Там же. Воспоминания т. Войткевича, стр. 68.

типичнейшим образцом той психической революционной заразы, которую разносил пролетариат по всей стране, которой заболевали неожиданно даже кадеты, певшие гимны всеобщей стачке на своих съездах.

Как велик был подъем настроения в партийных большевистских кругах, видно из одной прокламации петербургского комитета первых дней октябрьской стачки — после московских событий конца сентября:

Как далеко ушли мы вперед от 9 января. Рабочие уже не верят больше в царя; не идут просить у него милостей, не разбегаются при первом появлении полиции, а с оружием в руках, не раз разгоняя отряды полицейских и жандармов, убивая и раня не малое количество этих царских палачей, смело идут в борьбу.

Товарищи! Мы не знаем, чем кончатся московские события. Мы живем в такое время, когда всякая подобная вспышка может превратиться во всеобщий пожар, во всероссийское восстание пролетариата и крестьянства...

Объединяйтесь, организуйтесь, вооружайтесь, становитесь в ряды РСДРП.

Товарищи, революция продолжается — да здравствует революция!

Долой царя, долой государственную думу и либералов!

Честь и слава нашим московским товарищам. Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм и РСДРП! [1]).

Не менее характерно и другое воззвание, но уже общее — большевиков и меньшевиков — петербургского федеративного комитета, в котором кратко и выразительно заявлялось:

Граждане! Нужно оружие, нужны деньги для покупки оружия! Давайте оружие, давайте деньги! Социал-демократия передаст их в мускулистые руки рабочих, надежных защитников всенародной свободы [2]).

Деньги на оружие, „чтобы добыть оружие для масс", — собирались повсюду.

МК большевиков в десятке своих листков призывал: „Октябрьская забастовка есть начало всеобщей борьбы. Быть может, завтра наступит момент, когда пролетарии выйдут на улицу с оружием в руках и на пальбу, на казацкие нагайки ответят силой и свергнут ярмо, общего врага — царское самодержавие". И все эти листки кончались лозунгами: „Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!", „Добывайте оружие!", „Народ должен овладеть оружием, добыть его, сколько бы трудов и жертв это не стоило!" [3])

[1]) „1905 г. в Петербурге", № 156.

[2]) Там же.

[3]) Из прокламаций в архиве М. О. О.

И пролетариат не только добывал оружие, но проявил высокую активность революционера, выступая с этим оружием на баррикадах Екатеринослава, Харькова, Одессы, отстреливаясь от войск, полиции, расстреливая черные банды в Москве, в Петербурге, всюду.

Пролетариат в октябрьские дни не шел за меньшевистскими лозунгами „всенародной думы", как центра восстания. Захват в свои руки власти, организация временного революционного правительства были не только большевистскими лозунгами, которыми пугали либералов. Пролетариату кое-где, напр., в Киеве в городской думе, удалось хотя и на короткий момент такую власть создать [1]). В других местах, как в Одессе, было подобие такой власти в лице „революционного городского комитета, в Петербурге — Совет рабочих депутатов в Томске — комитета революционного самоуправления. Пролетариат делал первые, иногда не совсем удачные, попытки укрепления своих революционных позиций, дезорганизуя старую власть, создавая эти комитеты, советы и пр.

„Революционное самоуправление" пролетариата, общее с буржуазией, пропагандируемое меньшевиками, опрокидывалось в вихре событий. Пролетариат так быстро созревал в борьбе, что буржуазия шарахалась в сторону от его лозунгов и требований и ни на какие общие с рабочим классом революционные выступления не шла. И сам пролетариат этого не хотел.

„Долой буржуазную городскую думу, сложите свои полномочия и передайте их революционному народу" — заявляли „отцам города" забастовщики на многолюднейших митингах в Москве, в Томске, в Казани, в Киеве и в ряде др. городов.

Евг. Маевский в книжке „1905 год" говорит, что рабочие в октябрьскую стачку „далеко еще были от республиканских идей", что их „настроение также было далеко от готовности к продолжению суровой борьбы" [2]).

По материалам, приведенным выше, можно легко убедиться, что дело обстояло совсем не так, как его изображает этот патентованный меньшевистский историк. Если рабочая масса

---

[1]) Об этом подробнее в „Материалах по ист. русской контр-революции" в связи с деятельностью Шлихтера и Ратнера.

[2]) „Материалы по ист. русской контр-революции", стр. 72.

без оружия вступала в схватку с полицией и казаками, если в вооруженных с головы до ног царских опричников сплошь и рядом летали камни, кирпичи, револьверные пули и иногда даже и бомбы, то главной действующей силой здесь был бесстрашный пролетариат, боровшийся за свое освобождение. Каким образом такой пролетариат мог быть не республиканским — остается на совести меньшевиков, вообще-то слабо веривших в революционность пролетариата. Если среди рабочего класса были отсталые слои, не поспевшие за лозунгами дня, то все же эти слои были относительно не велики. Пропорция октябрьских политических случаев стачки фабрично-заводских рабочих к экономическим — 120 тыс. экономических стачек из общего числа 500 тыс., т. е. 24% [1]). Железнодорожный пролетариат, чиновники, муниципальные служащие и рабочие — все они выдвигали лозунг Учредительного Собрания, политических свобод и пр. К царизму никто из них ничего, кроме ненависти, не питал. Таким образом, это смазывание политической сознательности пролетариата в октябрьские дни, выдвигаемое Маевским и др. меньшевиками, просто напросто не соответствует действительности.

Сошлемся здесь еще на одного беспристрастного свидетеля — Вл. Войтинского [2]) и на показание рабочего на суде над петербургским Советом рабочих депутатов. На вопрос председателя суда: „Не призывал ли вас, рабочих, Совет к восстанию?“ — рабочий отвечал: „Не Совет призывал нас, а мы его“. Вспомним, что при этом питерским Советом в октябрьские дни овладели меньшевики и пытались тащить его за собой — по линии не восстания и временного правительства, а по линии сделки с буржуазией, по линии пресловутого „революционного самоуправления“, и тогда заявление рабочего на суде пояснит нам многое.

Совершенно иной подход к пролетариату был у большевиков.

Очень любопытную иллюстрацию в этом отношении мы имеем в воспоминаниях т. Черномордика — секретаря московского комитета в октябрьские дни, который говорит, что в это время улучшившейся возможности для открытой работы первой

[1]) *К. Сидоров.* — „Забастовочное движение в России“. Диагр. VII.

[2]) „Годы побед и поражений“, стр. 185 и др.

мыслью московского комитета было введение в жизнь партии организационного принципа демократического централизма. Таким путем московский комитет большевиков видел в поднимающихся волнах движения новые силы и черпал *из них свои руководящие* кадры. Пролетариат дал московскому комитету не только десятки пропагандистов и агитаторов, работников районов, сотни боевиков, но поставил на командные посты своих выборных — рабочих от станка, ставших членами московского комитета.

Между поднявшимся пролетариатом и руководящей группой идеологов революции — партией большевиков — завязались в октябрьские дни узы взаимного понимания, полной слитности в целях, методах и путях борьбы пролетариата.

Здесь было одно из важнейших завоеваний октябрьской стачки, еще сильнее развернувшееся и укрепившееся в дни декабря и в дни последующих лет реакции.

Т. Ленин, в дни стачки, за границей чутким ухом прислушивался к биению ее пульса, внимательно всматривался в удивительное богатство ее событий и пророчески говорил: „Пролетариат сделал уже чудеса для победы революции. Всероссийская политическая стачка страшно приблизила ее победу, заставив врага заметаться в предсмертных судорогах... Борьба еще не подошла к настоящей развязке. Рабочий класс поднимается, мобилизуется, вооружается именно теперь в невиданных реньше размерах. И он снесет, наконец,—кончает с величайшей бодростью стратег революции, — целиком ненавистное самодержавие... поставит *свое* временное революционное правительство и покажет всем народам России, как „возможно“ и как необходимо именно „теперь“ созвать действительно Всенародное и действительно Учредительное Собрание“ [1]).

Меньшевистские „оценки“ октябрьской стачки и роли в ней пролетариата по сравнению с тем, что думали и делали рабочие и их действительные вожди, еще раз и здесь вскрывают все убожество мысли, всю „трухлявость“ этой, с позволения сказать, „революционной“ интеллигенции.

Т. Ленин также учитывал, что наряду с передовыми бойцами революции среди пролетариата есть и отсталые

[1]) „Пролетарий“, № 23, 18 октября 1905 г.

слои, с которыми „предстояло не мало работы". 25 октября он рекомендовал усиление работы в армии, указывая, что в октябрьскую стачку уже были случаи нейтрализации войска. Он ставил перед рабочим классом и его авангардом—партией задачу „добиться полного перехода войск на сторону народа" [1]), „расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни" [2]).

Т. Ленин находил, что осуществление этой задачи и возможно, и должно. Он указывал, что осенью 1904 г. русская революция только начала зарождаться, и политическую авансцену занимали тогда либеральные буржуа, „революция встала на ноги, когда выступил рабочий класс 9 января", *она одержала первую победу в дни октября и встряхнула царский трон*, она „добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся еще раз и поведут за собой крестьянство".

Крестьянство непосредственно прямого участия в октябрьской стачке не принимало, за исключением отдельных случаев, нами отмеченных (Саратовская губ., близ Екатеринослава и др.). Октябрьская стачка имела косвенное отражение на крестьянское движение конца 1905 г., о чем есть интересные штрихи у П. Маслова [3]). Он сообщает, что приостановку ж.-д. движения крестьяе учитывали, как начало разгрома помещичьих имений, предъявления помещикам требований о повышении заработной платы, снижения арендных цен и т. д. Классовая борьба в деревне окрашивалась рабочим движением. Так, в Донецком округе у Маслова записан следующий рассказ крестьянина:

„Читаем газету на вокзали. А там просют помощи. *Значит*, щоб робить забастовку. Пійти на сход. Все, як слід, „имели суждение" и приговором приговорили: іти до пана *з забастовкою*. Пришли. Зараз собак з ружіев, прикащиків — у винбар (амбар) *забастували*"...

[1]) *Ленин.* — Собр. соч., т. VI, стр. 541.

[2]) Там же.

[3]) „Общественное движение в России в начале XX в." т. II, стр. 240—241 и след. Об этом же имеется ряд указаний в готовящихся к печати материалах по крестьянскому движению 1905 — 1907 гг., подобранных тт. Дубровским и Грове.

Потом вместе с другими забастовщики „бастували“ помещичью пшеницу, а потом их самих войска и полиция „забастували“ в тюрьму.

Устраиваемые полицией в ряде мелких городов в дни октябрьской стачки еврейские погромы в нескольких случаях перешли на погромы помещичьих имений.

В октябрьские дни очень ярко определилась мелкобуржуазная интеллигенция, оказавшаяся очень активной в организации своих сил, сумевшая огромные группы пролетариата (особенно всякого рода служащих) связать в политико-профессиональные организации и даже известным образом руководить борьбой (делегатский пенсионный съезд ж.-д. служащих в Петербурге, московский стачечный комитет, отдельные комитеты безопасности в различных городах и т. п.). Это „овладение“ пролетариата мелко-буржуазным влиянием, хотя бы и с большой революционной настроенностью, во-первых, означало слабость рабочих с.-д. организаций, а во-вторых, давало направление борьбе далеко не по тому пути, по какому ей следовало бы идти.

Но вместе с этим нельзя отрицать огромное значение в октябрьской стачке разночинной, более пролетарской, интеллигенции и особенно студенчества, помогавшего пролетариату вооружаться духовно (через митинги в вузах и на улицах) и физически (боевые дружины).

Т. Б. Петров-Радин (Богдан Кнуньянц — один из немногих большевиков в Совете рабочих депутатов Петербурга — его секретарь) давал такую оценку влияния октябрьской стачки на интеллигенцию: „Специальное пролетарское средство борьбы — стачка, стало общенациональным орудием борьбы против абсолютизма. Пролетарская борьба накладывала на все свой отпечаток: чиновники, инженеры, юристы, банковские служащие и даже профессора — все превратились в забастовщиков, все стихийно шли за пролетариатом, перенимая у него не только самый способ борьбы, но и тип его учреждений, как-то: стачечные комитеты, стачечные фонды и т. д... Буржуазная оппозиция льнула к силе, стараясь хоть сколько-нибудь замаскировать свою слабость“ [1]).

---

[1]) „История Совета рабочих депутатов“, стр. 245.

Эсэро-народническая интеллигенция разделяла ту же участь. А. В. Пешехонов в октябрьские дни писал: „Неприятельскую армию нельзя победить только идеей. *Со многими ее элементами неизбежна борьба на жизнь и на смерть, борьба* оружием... Настала пора, когда даже приходится писать с револьвером в руках“ [1]).

Конечно, А. Пешехонов немного кокетничал с революцией и с револьвером, но все же это заявление в устах правого народника чрезвычайно характерно для учета революционной волны, поднятой октябрьской стачкой.

От Пешехонова легко перейти к П. Н. Милюкову и всей группе его единомышленников. Об их позициях в октябрьские дни мы уже говорили особо в главе VIII — „Буржуазия и октябрьская стачка“. Здесь отметим еще раз их явную контрреволюционность, о которой неустанно твердил В. И. Ленин и которая в октябрьскую стачку вскрылась не столько в кадетских словах, сколько в делах. Кадетская буржуазия была левее октябристской только лишь в своих резолюциях. По существу же эти две группы буржуазии действовали заодно против развития революции, против пролетариата. Это сказалось в препятствиях пользоваться высшими учебными заведениями, в проводившейся „думской кампании“, в организации городской милиции и пр.

Более реакционные круги буржуазии заявляли устами городских голов протесты против даже формальных ограничений самодержавия (Крыжановский — в Одессе) или же поощряли расстрелы бастующих (Красовский — в Петербурге, — заявивший на заседание думы 17/X, по поводу обстрела толпы у технологического института: „Теперь так и надо! Что им еще нужно?“ [2]).

Но было бы несправедливо отнести все группы буржуазии и особенно промышленной к этим типам контр-революционеров. Фабриканты и заводчики в известной мере соглашались с тактикой Витте и даже шли дальше, настаивая на конституции не только на словах, но и на деле (записка железозаводчиков). Они очень хорошо понимали, что прекращение стачки

---

[1]) „Русское Богатство“, октябрь, 1905 год.

[2]) Факт заимствован из книжки т. *Бабахана* „Советы 1905 г., стр. 28.

21 октября в 12 час. дня, в Петербурге и так же в назначенные дни и часы в других городах показывало, что пролетариат вышел из стачки не разбитым, а еще более сильным, еще более сплоченным, чем до стачки. Отсюда и те факты, которые отмечает Хрусталев-Носарь: „В октябрьскую стачку капиталисты не только не препятствовали рабочим митингам на ф-ках и заводах, они выдали большинству рабочих заработную плату в половинном размере за стачечные дни, а в некоторых предприятиях заработок был выдан полностью. За стачку никто не был рассчитан. На Путиловском и др. заводах фабричная администрация выплачивала депутатам Совета заработок полностью в те дни, когда они были заняты на заседаниях Совета.

„Администрация Обуховского завода предупредительно предоставляла депутатам Совета заводский пароход для поездок в город“ [1]).

Этого рода либерализм был, конечно, не спроста и объяснялся несомненно, с одной стороны, „робостью“ буржуазии, а с другой—надеждами, что рабочие обломают у царизма его наиболее отжившие „атрибуты“ власти и помогут им организовать эту власть в духе более тонкой защиты интересов буржуазии.

Царизм явно упирался и думал сохранить все по старому. Манифест 17 октября был по существу не столько уступкой, сколько средством смять революцию в особо критический момент ловким ходом старой власти, искавшей выхода из создавшегося во время стачки положения.

Главная сила октябрьской стачки была выражена в двух направлениях: с одной стороны, в необычайно быстром созревании революционного настроения масс, с другой — в разложении противника. Аппарат самодержавия кряхтел, скрипел, местами застопоривался, и как выход из положения и явился манифест о свободах. Но царизм вовсе не отказывался от боя, как это изображает т. Троцкий [2]), царизм воевал всеми средствами, какие были в его распоряжении: и армией, и полицией, и уступками материальными (железнодорожниками), и манифестом о свободах, и указами об организации новых генерал-губернаторств, и черной сотней. Это все лишь формы

1) „История Совета рабочих депутатов“, стр. 127.
2) Там же, стр. 14.

борьбы с таким опасным противником, как пролетариат, который оказался в центре всего того возмущения и политического, и экономического, которое было заложено в революции 1905 года.

Ленин в первый период стачки называл тактику царского правительства—„лавирование и отступление с аррьергардным боем“ [1]).

Когда в результате октябрьской стачки развернулось фашистское движение черной сотни (очень, кстати, напоминающее итальянские события недавнего времени), соц.-дем. призывала пролетариат к борьбе с ней, и кое-где успехи были на стороне пролетарских боевых дружин. Что черносотенное движение в условиях революции есть обоюдоострое оружие—в этом власть могла убедиться хотя бы на примере украинских еврейских погромов, переходивших из городов и местечек на помещичьи имения. Сам манифест 17 октября был также экспериментом, который мог нанести удар его инициаторам. Мы знаем напр., что в Казани после 17 октября город оказался в руках 20 тыс. массы, руководимой социалистическими партиями. Толпа обошла город, конфисковала у постовых городовых, в оружейных магазинах, в участках оружие, свалила его на возы и привезла на митинг возле университета, где оружие роздали охранным дружинам, занявшим с 19 октября городские посты. В этот и на следующий день в Казани в помещении городской думы заседала в качестве второй власти своеобразная „коммуна“ из представителей социалистических партий. Губернатору посылались приказы: удалить войска, распустить запасных, устроить выборы новой думы и т. д. 20-го же происходят грандиозные похороны убитых 17 октября... 21-го на „коммуну“ нападает черная сотня, но против вооруженных дружин черные бессильны, и только после правильной осады думы войсками „коммуне“ пришлось сдаться [2]).

Дальше убийства, разгромы и пр. в обычном порядке... Нечто аналогичное разыгрывалось в Киеве, в Томске и в др. местах. Таким образом, манифест о свободах был таким же обоюдоострым средством, как и черные сотни.

[1]) „Пролетарий“, № 22, ст. „Уроки московских событий“.

[2]) „Новая Жизнь“, 1905 г.

И надо отдать справедливость Витте и Трепову—главным руководителям контр-революции. Из „лавированья с арьергардным боем“ они ловко сумели перейти в наступление и смять силы революции[1]).

В поражении октябрьской стачки по существу было заложено поражение всей революции 1905 г. Анализ дальнейших событий не входит в нашу тему, но мы еще раз должны подчеркнуть, что всероссийская октябрьская стачка в 1905 году была *такой* всеобщей только один раз. Стачка в декабре 1905 года носила уже другой характер. Она разыгралась, может быть, в более ярких формах, она местами перешла в восстания более широкие, чем в октябре, но все же в декабре был уже „ущерб“ революции, тогда как в октябре — это было ее „полнолуние“.

Один из активных деятелей октябрьской стачки 1905 г., подводя итоги, говорит: „Главным недостатком и одной из причин поражения революции 1905 года была организационная слабость нашей партии и наша боевая неопытность, благодаря чему мы не смогли организованно охватить все движение 1905 года и, тем более, всех сочувствующих этому движению слоев и особенно частей армии, куда нам труднее всего было проникнуть. Когда сейчас смотришь назад, ретроспективно, на эти события, с тем опытом, который нами приобретен в нашей гражданской войне последних лет, приходится сказать, что теперь, в такой революционной обстановке, какая была в октябре 1905 года, мы бы иначе действовали: мы бы такую действительно всеобщую и небывалую забастовку, как октябрьская 1905 года, перевели сразу в вооруженное восстание с ясными и конкретными задачами. А у нас тогда, в 1905 г., было еще много „романтики“ и „маниловщины“. Мы учились, это, может быть, было неизбежно. Вместе с другими кричали: „да здравствует свобода!“ „долой самодержавие!“, без конца митинговали и ни разу не поставили конкретно перед бушевавшей рабочей массой вопроса об

[1]) В приложении № 19 помещается чрезвычайно важный циркуляр министра внутренних дел от 2 ноября 1905 г. за № 1400 об организации военных сил для подавления беспорядков, основанный на опыте октябрьской стачки. Если мы занимались разработкой вопросов тактики уличных боев, то „реакция“ тоже не дремала. *А. Ш.*

уличной борьбе сейчас и немедленно, ни разу мы не звали рабочие массы всерьез выйти на эту борьбу, мы вообще говорили о необходимости вооруженной борьбы и только. А что эта борьба нужна была сейчас же, немедленно, об этом ни слова, — а рабочая масса была действенно настроена.

В обстановке, когда вся жизнь в стране остановилась, когда пролетарские массы вышли на улицу, когда эти массы жадно слушали призывы к вооруженной борьбе и эти призывы впитывали в себя, когда во всех речах и в сознании масс не было оттенка сомнения о том, нужно ли вооруженное восстание или нет — как-то само собою подразумевалось, что наша борьба должна неизбежно к этому привести, — при несомненном сочувствии пролетариату всех слоев населения и значительной части армии и флота, при полной ненависти к правительству всех слоев населения, за исключением кучки черносотенных хулиганов и негодяев, при растерянности правительства—*мы не могли не поставить в порядок дня, как задачу момента, вооруженное восстание.*

Это было сделано на два месяца позже, в декабре, когда иначе нельзя было уже действовать, когда царское правительство спровоцировало рабочий класс на вооруженное восстание в худшей для революции обстановке, когда манифест 17 октября внес расслоение и колебание и когда некоторые слои населения, в том числе либеральная буржуазия, бросились в объятия реакции, когда само правительство очухалось и революционный пыл и натиск первой поры у масс ослабел. Поскольку в октябре было больше шансов на победу у рабочих масс, постольку эти шансы увеличились у царского правительства в декабре. В этом, по моему мнению, значительная доля причин поражения революции 1905 года [1]).

К выводам т. Бреслава, с которыми мы вполне солидаризируемся, следует добавить одно коротенькое определение всеобщей октябрьской стачки 1905 г., сделанное т. Лениным.

В „Детской болезни „левизны" в коммунизме" по поводу бойкота Булыгинской Думы т. Ленин отмечает, что *октябрьская революция 1905 г.* смела совещательный „парламент" [2]).

---

[1]) „Пятый год", восп. Бреслава, стр. 171.

[2]) *Ленин.* — Собр. соч., т. XVII, стр. 127.

Курсивом, сделанным нами, отмечена оценка великим стратегом революции всеобщей октябрьской стачки. По мнению Ильича это был не только этап революции, *это была сама революция*, не победившая по ряду причин старой власти, не смогшая развернуться в восстание, хотя оно стояло и ждало ее на улицах всей страны.

Глава XII

Уроки октябрьской стачки.

В резолюции XIV партконференции РКП (1925 г.) о задачах Коминтерна говорится, что „к концу 1905 года непосредственно-революционная ситуация переходила в прямую революцию (однако, не победившую)". Из приведенного нами обзора событий в дни всеобщей октябрьской стачки можно сделать вывод, что определение „к концу 1905 г." в значительной степени должно быть отнесено к октябрю 1905 года.

Октябрьская стачка была массовой революционно-политической стачкой. Поэтому, если бы мы хотели делать из нее те или иные выводы для современности, то прежде всего должны были бы найти в этой современности подходящую ситуацию. В тот момент, когда пишутся эти строки, такая ситуация намечается в Китае, и события в Шанхае, Ханькоу и др. китайских центрах очень ярко напоминают октябрьские дни 1905 г. Те же всеобщие политические стачки, которые развертывались до 1905 г. в Западной Европе — бельгийские 1893 и 1902 гг., шведская 1903 г., голландская и итальянская 1904 г., проходили в другой политической и социальной обстановке, чем октябрьская стачка 1905 года в России[1]). Там и цели, и характер стачек не вели непосредственно к революции, к вооруженному восстанию.

В этом их основная разница от октябрьского выступления русского пролетариата. Такие историки всеобщих стачек, как Роланд-Гольст, совмещавшая членство в голландской коммунистической партии с членством в религиозно-социалистическом союзе, конечно, не понимали значения русской всеобщей

[1]) Подробнее об этих стачках у *Роланд-Гольст* — „Всеобщая стачка и с.-д-тия", у *Р. Люксембург* — „Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия" и *Луначарский* — „Пролетарий" № 1 — 1905 г. [27 (14) мая] и др. его статьи и доклад на эту же тему на III съезде РСДРП.

стачки в 1905 г., когда помещали в своих книжках призывы против перевода таких стачек в вооруженное восстание.

Эта типичная оппортунистка, поддерживаемая К. Каутским, заявляла в 1905 г.: „Если бы главной формой движения была не стачка, а вооруженное восстание, то пало бы не несколько сот или тысяч пролетариев, а весь пролетариат русский лежал бы теперь, истекая кровью, как парижский пролетариат после Коммуны“ [1]).

Роза Люксембург, отзываясь о взглядах голландской социалистки, как весьма умеренных, в оценке уроков октябрьской стачки в России не далеко ушла от Роланд-Гольст. Во-первых, она была также не большей сторонницей баррикадной борьбы, открытого столкновения с вооруженной силой государства — это, по ее мнению, „составляет в современной революции только крайний пункт“ [2]).

Во-вторых — и это была главная ошибка „красной Розы“ — она выдвигала на первый план элемент стихийности во всеобщей стачке, заявляя, что „революции вообще не поддаются восстанию“ [3]), „что массовую забастовку нельзя искусственно „делать“, что ее нельзя „постановлять“ на ветер, или „пропагандировать“, а что она, историческое явление, которое в известный момент с исторической неизбежностью вытекает из общественных отношений“ [4]).

Как известно, еще в „Что делать“ т. Ленин провел ясную грань между стихийностью и сознательностью в классовой борьбе пролетариата. Роза Люксембург в этом вопросе находилась в плену у старых предрассудков, за которые, по словам т. Мануильского, она „заплатила своей кровью“ [5]).

В главе „Руководство октябрьской стачкой“ в настощей работе мы специально остановились на моменте этой „сознательности“, на руководстве стачкой пролетарскими организациями. К сказанному необходимо добавить, что вопрос о массовой политической стачке, как о средстве борьбы, перед

[1]) *Роланд-Гольст.*—„Всеобщая стачка и социал-демократия“, стр. 193.

[2]) *Р. Люксембург.*—„Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия“, стр. 62.

[3]) Там же, стр. 43.

[4]) Там же, стр. 8.

[5]) См. по этому поводу брошюрку *Мануильского*—„Большевизация компартий“, стр. 29.

большевиками стоял еще на III съезде партии и был решен в формуле: „Выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически организационную сторону предстоящего вооруженного восстания и выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания".

В докладе III съезду партии т. Луначарский подчеркивал, что „массовая политическая забастовка есть оружие более или менее развитого пролетариата и мыслима лишь в связи до вооруженным восстанием" [1]).

Разница в подходе наиболее левых западных товарищей и русских большевиков к вопросу о роли всеобщей стачки в борьбе русского пролетариата, как видите, огромна.

Первые, как и русские эсэры, и меньшевики, и кадеты, выдвигали всеобщую стачку, как *решающее* средство для побед русской революции, вторые — рассматривали ее, как средство вспомогательное. Первые стояли за стихийность и внезапность всеобщей стачки и только в этом случае гарантировали ей успех. Большевики находили целесообразным увязать всеобщую стачку с решениями партийных органов и в конце концов, хотя и несколько позднее—в декабре 1905 г., блестяще разрешили задачу установления срока начала стачки и начала восстания.

Мы еще раньше отмечали, что русские меньшевики и вместе с ними т. Троцкий в 1905 г. переоценивали значение массовой политической стачкн. В „Истории Совета рабочих депутатов" т. Троцкий писал: „Сила такой стачки состоит

[1]) „Третий очередной съезд РСДРП" (протоколы), стр. 122. В докладе же т. Луначарский привел мнение Каутского об условиях победы массовой политической стачки: 1) если она неожиданна для правительства, 2) если за правительством не стоят сплоченной массой все буржуазные классы и группы, 3) если правительство не отличается энергией, единством и героической решимостью и 4) если в армии и среди государственных служащих и рабочих имеется большее или меньшее недовольство и брожение.

Т. Луначарский в момент съезда считал, что в России имелись налицо все эти условия и „ничто не говорит против возможности победоносного восстания в форме массовой стачки и уличного боя".

Здесь тов. Луначарский стачку мыслит лишь уже, как момент восстания, а не как его преддверие.

в том, что она дезорганизует государственную власть. Стачка тем ближе к победе, чем больше вносимая ею „анархия". Но это правильно лишь в том случае, если эта анархия не создается анархическими средствами. Класс, который приводит изо дня в день в движение аппарат производства и вместе с тем аппарат власти, класс, который путем единовременного прекращения работ парализует не только промышленность, но и государственность (? *А. Ш.)*, должен быть достаточно организован, чтобы не оказаться первою жертвою им же созданной анархии. Чем в высшей степени стачка упраздняет (? *А.Ш.*) существующую государственную организацию, тем более организация стачки вынуждена брать на себя государственные функции. Совет рабочих депутатов осуществляет свободу печати. Он организует уличные патрули для обеспечения безопасности граждан. В большей или меньшей (? *А.Ш.)* мере он берет в свои руки почту, телеграф и ж. д. Он делает попытки узаконить 8-часовой рабочий день. *Парализуя самодержавное государство стачечным восстанием*, он вносит свой собственный демократический порядок в жизнь трудящегося городского населения" (стр. 10).

Из чтения этого отрывка получается впечатление, что т. Троцкий рассматривал стачку, как какое-то стихийное вростание в существовавшие общественные отношения и какое-то своеобразное отмирание „старой власти" под давлением „стачечного восстания". Слово „вооруженное всстание" здесь подменялось неопределенным термином „стачечное восстание", изобретенным т. Троцким, и, конечно, только затемняло вопрос. Захват государственных функций в итоге побед восставшего с оружием в руках пролетариата подменялся сладеньким „стачечным восстанием", против которого не возражали, казалось, даже и кадеты.

Это был типичный меньшевизм, отчасти повторенный т. Троцким в книжке „1905 г.", от которого он, впрочем, решительно отказался в 1924 г. На заседании военно-научного общества 29 июля 1924 г. он заявил: „Революционная всеобщая стачка, переливающая через все берега буржуазного общества стала для Люксембург синонимом пролетарской революции. Но всеобщая стачка, какой бы мощной массовидностью она не отличалась, еще не решает проблемы власти,

а только ставит ее. Чтобы взять власть, — нужно, на основе всеобщей стачки, организовать вооруженное восстание"...

Т. Троцкий в той же речи подчеркивает важность „сознательно организованного вооруженного восстания с тем, чтобы вырвать у врага власть", решительно возражая против „*фаталистической* пассивности".

Эти заявления т. Троцкий делал в связи с „вопросами гражданской войны" текущей современности. И в свете проблем современности — только такое решение вопроса об уроках всеобщих стачек прошлого имеет свое серьезное основание.

На III конгрессе Профинтерна вопросы стачечной стратегии подверглись тщательному изучению на основе международного опыта стачечной борьбы. Наибольший интерес в связи с нашей темой представляет то место из речи т. Лозовского, где он определяет место всеобщих стачек в общеклассовой (политической) борьбе пролетариата. Он говорит [1]): „в моменты максимального обострения социальной борьбы стачка сочетается с вооруженным восстанием, при чем возможно прекращение стачки и продолжение восстания и наоборот".

В октябрьскую стачку 1905 г. мы видели эти попытки восстания в Екатеринославе, в Харькове и продолжения всеобщей стачки после подавления восстания, но создавшееся положение уже означало проигрыш для борьбы пролетариата. Во время декабрьского восстания в Москве стачка в некоторых районах была смята, а восстание на Красной Пресне еще продолжалось, но и эта форма движения также являлась характерной для упадка борьбы.

Наиболее выгодной для пролетариата является форма *перехода стачки в восстание,* как это было теоретически разрешено III съездом большевиков, испробовано на опыте декабря 1905 г. (без победы) и проведено в октябре 1917 г. с успехом.

Т. Лозовский отмечает далее вообще подчиненную роль стачек в общеклассовой борьбе пролетариата: „Без вооруженного восстания, без захвата власти, без разрушения аппарата буржуазного государства, без *установления пролетарской*

[1]) „Проблемы стачечной стратегии" (доклады и речи на III конгрессе Профинтерна)—1924 г., стр. 35.

диктатуры любая стачка может закончиться поражением рабочего класса". Это безусловно так, но следовало бы еще более уточнить моменты взаимоотношений между стачкой и восстанием. Опыты русских всеобщих стачек 1905 и 1917 года в этом отношении дадут очень ценный материал.

Пока же мы отметим некоторые детали практического разрешения вопросов, связанных с массовой политической стачкой, сопоставив их с октябрьскими днями 1905 г.

Так, тов. Квелч на том же III конгрессе Профинтерна в докладе о стачечной борьбе в Англии предлагает: „Если капиталисты приступят к организации „гражданской гвардии"— фашистов и других групп наемников,—авангард должен приступить к организации рабочих сотен для отпора" [1]). На это необходимо указать, что опыт октябрьской стачки 1905 г. как раз подсказывает целесообразность организации боевых дружин ранее и в большем числе, чем это сделают правящие группы. Никаких „если", к этому надо готовиться „загодя", при самых мирных „ситуациях", потому что буржуазия к этому уже давно подготовлялась и продолжает готовиться.

Не лишнее напомнить т. Квелч хотя бы о забастовке 1911 г. железнодорожников в Манчестере, где наряду с посылкой войск буржуазия подготовляла штрейкбрехеров. Нынешние отряды „технической помощи", организованные буржуазией, вряд ли не известны т. Квелч.

Ряд товарищей по Профинтерну не учитывает того обстоятельства, что *в подходящий исторический момент* обычные массовые экономические стачки могут легко превращаться в политические, а затем и в революционные, и, наконец, переходить в восстание, как это было в октябре 1905 г.

Такого рода переходы мы видим сейчас, в китайских событиях 1925 г.

Необходимо еще заметить, что т. Д. Ларкин неправильно указал в своей речи на III конгрессе Профинтерна, что будто бы в „Детской болезни „левизны" в коммунизме" т. Ленин заявлял, что, „когда начинается революционная политическая стачка, то экономическая стачка прекращается" [1]).

Таких заявлений т. Ленин не делал и не мог делать, так как он очень хорошо знал, что экономические стачки

[1]) „К вопросу о стачечной стратегии", стр. 18.

возникали и могут возникать в отсталых слоях пролетариата и до, и во время, и после революционной политической стачки, как это можно видеть на приведенных нами примерах из практики октября 1905 г.

Т. Ленин в „Детской болезни „левизны" в коммунизме" и в ряде других произведений, посвященных 1905 г. и вообще проблеме всеобщей стачки, не раз подчеркивал переход из низших форм движения экономической стачки в более высшие и, наконец, „диалектически" в восстание. Кроме того, он определенно говорил о „сочетании экономической и политической стачки" [1]).

Тов. Д. Ларкин в цитируемой речи заявлял: „Неужели найдется революционный штаб или руководитель революционной классовой армии, который позволит продолжаться забастовке, когда движение уже перешло в стадию революции". Из опыта октябрьской и других всеобщих стачек в России можно сказать, что таких „левых" революционных штабов или руководителей у нас, действительно, не было. Всякую даже экономическую стачку того или иного предприятия *русские революционеры* приветствовали, а в период обостренных событий они находили, что даже такая стачка является „революционным фактом", что от спячки к стачке, от стачки — к восстанию в определенные исторические моменты расстояние очень незначительно и потому т. Д. Ларкину следует повнимательней ознакомиться с опытом русских товарищей и не вводить никого в заблуждение ссылкой на слова т. Ленина, которых он не говорил и говорить не мог.

В заключение два слова об одной серьезной ошибке деятелей октябрьской стачки, которую должны знать товарищи, учитывающие ее опыт.

Этой ошибкой мы считаем то, что большевистская партия в 1905 г. в октябрьские дни коалировала с меньшевиками. Создание федеративных советов повело лишь к ослаблению самой организации большевиков. „Нужна была организация совершенно спевшаяся, твердо знавшая, где у нее друзья, где

[1]) См. об этом у *Ленина* — Собр. соч., т. XVII — „Детская болезнь „левизны" в коммунизме", стр. 127 и 128.

[2]) Проблемы стачечной стратегии, стр. 38.

[3]) *Ленин.* — Собр. соч., т. XVII, стр. 177.

враги, бьющая в одну точку; и это было в 1917 г.“ [1]). А в октябрьские дни такой организации не было. И дружеским компартиям мира отсюда урок—подальше от реформистов, осторожней с коалициями даже в такие горячие моменты, как переход массовой политической стачки в восстание.

[1]. *Покровский.* — „Русская история в самом сжатом очерке“, т. III, стр. 172.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К РАБОЧИМ и КРЕСТЬЯНАМ.

Товарищи. Царь издал манифест о созыве народных представителей в Государственную Думу. Из этого манифеста и из правил об устройстве Думы видно следующее: 1) что рабочим нет места ни в этой Думе, ни в выборах в нее. Право выбирать и быть выбранными принадлежит в городах только тем, кто имеет значительную собственность или промысловое предприятие, обложенное значительным налогом или держит дорогую квартиру;

2) что крестьянам дается в этой Думе не действительное, а только мнимое участие. Представители от крестьян должны составить ничтожное меньшинство Думы — по одному на губернию, т. е. на 51 губ. 51 человек из 412. все остальные—от помещиков и капиталистов, так что представители крестьян не могут иметь в Думе никакой силы и значения. Кроме того, выбираются крестьянские представители не прямо крестьянами, а губернскими выборщиками, которые тоже выбираются волостными выборщиками, и только эти волостные выборщики выбираются волостными сходами, так что представители крестьян отвечают за свою работу в Думе не перед миллионами крестьян, а перед несколькими десятками выборщиков, и перед этими миллионами крестьян не берут на себя никаких обязательств, а следовательно, не могут считаться крестьянскими представителями;

3) что не только ничем не обеспечена свобода выборов и совещаний между избирателями и кандидатами в Думу, но даже сама Дума не пользуется свободой слова, свободой обсуждения, ибо ей запрещено касаться основных законов Российской Империи;

4) что эта Дума не имеет права ничего решать относительно законов, а только высказывает предположения, решает же, как и прежде, царь с Государственным Советом и министрами;

5) что, следовательно, царское самодержавие остается в полной силе, как и сказано прямо в манифесте; царское же самодержавие есть самодержавие царских советников — чиновников и придворных любимцев, помещиков и капиталистов.

В виду этого Российская соц.-дем. рабочая партия пред лицом всего мира заявляет: что царский манифест от 6 августа есть наглое издевательство над рабочим классом России, борющимся за свободу и лучшее будущее; что манифест этот есть в то же время грубая попытка обмануть русское

крестьянство и весь русский народ жалкою подделкою народного представительства; что манифест этот означает твердое и непреклонное намерение самодержавного царя с чиновниками и поддерживающими их помещиками и капиталистами бороться до конца насилием и ложью против стремлений народа к освобождению и жизни, достойной человека, и что поэтому истинным преступником против народа будет всякий, кто будет поддерживать царский обман или примет в нем участие, как избиратель. выборщик или кандидат в Государственную Думу.

Среди жестоких вековых испытаний, среди неслыханных в истории бедствий русский народ вырос и воспитался для свободы и вступил в отчаянную борьбу за нее против насилия и произвола, против самодержавного строя. Кровью тысяч героев-бойцов за народное дело засвидетельствована неизменная воля русского пролетариата и русского крестьянства покончить, во что бы то ни стало, со старым порядком, со старым бесправием и нищетой. Великая русская революция идет, и все силы ада и мрака не остановят ее грозного шествия.

Революционный народ не может и не должен ни о чем просить самодержавного царя, ни о чем с ним торговаться. Революционный народ должен раз навсегда покончить с самодержавием и со всякой царской властью.

Народу необходимо народное правление. Установить народное правление может только Учредительное Собрание представителей всего народа, избранных при полной гражданской и личной свободе, путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

Устроить выборы в такое собрание и обеспечить их полную свободу может только временное революционное правительство восставшего народа.

Революционный народ! Готовься к решительным битвам! Товарищи рабочие! Собирайте силы, вооружайтесь, подготовляйтесь нанести смертельный удар старому порядку, дружно и одновременно выступить путем всеобщих стачек, вооруженных демонстраций и восстаний на всем пространстве России. А вы, крестьяне, объединяйтесь и организуйтесь, чтобы поддерживать рабочих в этой решительной борьбе. Прекращайте теперь же всякую поддержку царскому правительству, которое живет вашим трудом и вашей кровью, а платит вам бесправием, издевательством и обманом. Не платите налогов, не давайте людей для царского войска.

Устраивайте революционные комитеты из своих сознательных людей, какие среди вас имеются, для руководства в этой борьбе, для разумного ее ведения. Помните, что только рабочие — надежные для вас союзники, потому что свобода нужна им так же, как и вам; она нужна им для борьбы за лучшее будущее самого рабочего класса и всего человечества, для борьбы за социализм. Революционная социал-демократия призывает под свое красное знамя всех, кто честно и искренно хочет бороться до конца за народное дело. Красное знамя — это знамя свободы, которая покупается кровью, — это знамя революции. Долой правительство убийц, тиранов и лжецов! Да здравствует народная революция! Да здравствует народное правление!

Центр. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Сентябрь 1905 г.

Приложение № 2.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРОВАВЫЙ ЦАРЬ.

Длинная красная тень ложится над миром. Она тянется с севера, из далекой России, из земного рая палачей и воров. Эта тень — кровь сотен тысяч убитых. Но кто бросает эту тень? Кто запаком крови дурманит голову половине Европы? Гений, богатырь, гигант?

Нет, это тешится в своей романовской вотчине маленький рыжебородый человечек, царь Николай II. Русский пьяница и глупая немецкая принцесса дали ему жизнь, судьба — корону, народ — свою спину, объезженную сотнями тысяч полицейских. Воспитанный придворными шаркунами, упоенный лестью, убаюканный ложью, он стал повелевать 140 миллионами людей; слепой к их страданиям, глухой к их мольбам. Да и что ему народ? Ведь он — „милостью божией" самодержец.

Маленький плут чувствует себя спокойно, если он только пособник большого плута. Русский царь тоже спокоен, так как он выбрал бога своим козлом отпущения.

Когда он податьми и налогами выворачивал дырявый карман мужика, он мошенничал „милостью божией". Когда он отбирал имущества у армянских церквей, он грабил „милостью божией". Когда он приказывал расстреливать петербургских рабочих, он расстреливал „милостью божией"... Когда он через своих губернаторов и казаков порол голодных крестьян и насиловал их жен и дочерей, — он порол и насиловал тоже „милостью божией". „Милость же божия" потопила на дне Тихого Океана русские броненосцы и уложила на полях Манчжурии сотни тысяч кормильцев и поильцев семей. Словом, можно подумать, что архангелы Михаил и Гавриил собственными руками строят русские тюрьмы и виселицы, шестокрылые серафимы командуют посланным на усмирение войскам: „пли", сладкоглаголевые серафимы пишут в канцеляриях указы о высылках, арестах, о введении военного положения, о повешении сотен рабочих, матросов, студентов, а прочие ангельские чины причащаются казенным пирогом.

Польза от этого очевидная: когда обманутые, ограбленные, осиротелые спросят: по какому праву их ограбили, обманули, лишили братьев, отцов, сыновей, — человек в короне ответит им: „Я действую по милости божией. Жалуйтесь на бога, он виноват". Все свои нечистые дела царь вывез на свалку — и свалку эту назвал богом.

Даже простой разбойничьей смелости нет в этой коронованной голове, которая была бы совсем пуста, если бы в ней не было шишки от японской палки.

Но, может быть, у него сильная рука? Быть может, он гарцует во главе своих баталионов, железной стопой попирая восстание измученных подданных? Быть может, он вооружился саблей и ружьем и лицом к лицу сражается со своими врагами?

Нет, гораздо проще. Он вооружился синим карандашем. Каждое утро к нему приходит один из опричников и приносит доклад о том, сколько нужно еще перебить, перевешать и перерезать народу, чтобы нищая и голодная Россия успокоилась. Августейшая рука берет синий карандаш и чертит на полях: „Быть по сему". За словом следует дело, и вскоре новые ручьи крови льются по всем углам и закоулкам России. Это царский карандаш воюет с крамолой.

Не обладая даром слова, рыжебородый человечек всюду всегда говорит следующие пять слов: „я и императрица благодарим вас". За такую милостивую речь Россия благодарит его восемью миллионами десятин удельной земли, сибирскими золотыми россыпями, алтайскими рудниками, кавказскими и крымскими виноградниками и двумя дюжинами дворцов. Это — высшая в мире премия за красноречие.

Пусть какой-нибудь терпеливый немец подсчитает, во сколько России обходится каждое из пяти царских слов.

За то, что он несколько раз в день пишет: „быть по сему", благодарные подданные платят ему миллион жалованья. Это самый дорогой писарь в мире.

Если бы русский народ был умнее, — Николай Александрович мог бы сделаться приличным лакеем, приказчиком у строгого хозяина, дельным швейцаром — словом, безвредным бездельником. Но русский народ заложил свой ум помещикам и фабрикантам. А им нужен был бодливый козел, которого можно натравить на строптивого мужика или рабочего. И вот они взяли послушного, маленького, хитрого человечка, который всех боится, но всеми повелевает, который от имени бога бьет тех, кого им нужно бить. Корона одела его убогую голову, порфира прикрыла все его преступления и земные делишки, скипетр дал ему власть убивать без конца, истреблять без сожаления. И на всех парах несется он в поход на рабочую и крестьянскую Россию.

Вот в покосившейся избушке плачет, убивается дряхлая старуха: у нее сын на войне убит. Вон из-за тюремной решетки высовывается больное, измученное лицо рабочего: он боролся за право, за свободу — и попал сюда, чтобы отсюда поехать на кладбище. Вон в Баку, в Тифлисс, в городах, в деревнях центральной России валяются люди от выстрелов: то голодных пулями кормят. Вон, как вороны над трупом, носятся над Россией тучи сыщиков и жандармов, полицейских и казаков: в ком разум не погас — к ответу его! Кто тяжкую долю не хочет сносить — вдевай в кандалы свои руки! Ибо в кровавые январские дни царь проповедывал своим подданным новое евангелие: „придите ко мне все труждающиеся и обремененные и я расстреляю вас". К расстрелу же, нищета! — ямы вырыты, солдаты ждут...

А из церквей каждый праздник слышатся особые молитвы: то служители Христа в золоченых ризах молятся об одолении внутренних врагов, и крестом распятого благословляют распинающих.

И солнце, вставая над миром, видит, как красная тень коронованного негодяя растет и растет. Растерявшийся, испуганный, жестокий, он убивает открыто и втихомолку, пускает в ход солдат и наемных хулиганов. Он не может остановиться, ибо в ту минуту, когда он в бессилии опускает руки — для него час расплаты пробил. И он бежит вперед, как закусившая удила лошадь, каждый свой шаг знаменуя новыми жертвами, новой кровью. Вместе с ним мечется его придворная свора, боясь взглянуть в лицо будущему, боясь подсчитать убитых. И они правы: будущее их так же кроваво, как и их настоящее.

Часы Зимнего Дворца не дремлют, они бегут и бегут, и скоро стрелка их остановится на той минуте, о которой историк скажет: „такого-то числа и в такой-то час русский народ воздвиг виселицу для вешателей".

Так маленький человечек сделался большим негодяем. И „милостью божией самодержец", сам того не зная, уже составил себе могильную надпись, в которой сказано: „милостью божией повешанный". Муки, страдания выжгли ее в сердцах борцов.

Рука восставшего народа начертит ее на могильном камне царя — последыша.

Центр. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Приложение № 3.

Из дела Московского Охранного Отделения
№ 773, 1905 года.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ТИПОГРАФИИ ТОВАРИЩЕСТВА СЫТИНА.

Товарищи. Администрация на днях вывесила объявление. Что же мы видим из него? Как администрация относится к нашим требованиям? Повысила ли она заработную плату? Нет. Дала ли отпуск беременным женщинам. Тоже нет. Таких женщин будут даже увольнять. А что обещает нам администрация на случай болезни? Нам обещают пособия... Но для этого необходимо свидетельство врача. Разве неизвестно, как относятся врачи к нашему брату? Разве не известно, что они тянут всегда руку своего хозяина. А если и найдется честный врач, то администрация старается спихнуть его и на его место поставить другого, который бы на просьбу выдать свидетельство о болезни, отвечал: „Ты не болен".

И опять придется даже больным надрывать свои силы на работе. Если же вздумает кто полечиться, то будет делать это на свой счет, так как у него нет свидетельства врача. А затем его прогонят, потому что администрации больные люди не нужны. Какие еще льготы обещает нам администрация? Она обещает нам сокращение рабочего дня... Но присмотримся, товарищи, поближе к этому делу, обещанию. Сейчас ли сокращают рабочий день или нет? Это откладывается до 1 октября. Администрация хочет посмотреть, как рабочие отнесутся к ее обещаниям, и, если рабочие будут вести себя тихо, администрация отложит еще на полмесяца, потом еще... а там и совсем забудет о своем обещании. Да если такое сокращение и будет, то многое ли оно даст нам? Мы теперь круглую неделю будем работать по 9 часов, а в Великий пост по 10. А там, того и гляди, у нас отнимут несколько праздников, как это делали и раньше, и никакого сокращения рабочего дня на самом деле не произойдет. И так, товарищи, администрация только насмеялася над нашей такой просьбой, и в этой насмешке виноваты мы сами. Мы думали петицией растрогать каменное сердце хозяина... Мы думали слезами подействовать на того, кто пьет нашу кровь и тянет наши жилы. Мы унижались перед теми, кто и так

топчет нас в грязь на каждом шагу. Разве так добиваются своих требований? Нет, товарищи, ни петиции, ни слезы унижения недействуют на хозяина. Только борьбой, упорной борьбой, добьемся мы своего. Посмотрите на своих товарищей, других рабочих. Смотрите на них и учитесь же у них. Посмотрите, как по всему лицу земли русской поднялся рабочий народ на защиту своих интересов. То здесь, то там вспыхивают стачки, и враг рабочего класса зашевелился. Да, товарищи, борьбой и только борьбой мы заставим капиталиста уважать наши требования. Не к сердцу его нужно взывать, а бить его по карману. Капиталист не сердцем чувствует, а карманом, и нужно сильнее бить по этому месту, бить до тех пор, пока капиталист не закричит, не пойдет на уступки. Но, товарищи, каждый из нас должен знать, что мы бессильны перед капиталистами, если будем действовать порознь. Мы только лишь тогда сильны, когда мы вместе. Итак, товарищи, подадим друг другу руки и все за одного, один за всех. Смелей, товарищи, на врага! Но, товарищи, не надо забывать ни на минуту, что у нас есть еще враг. Этот враг является постоянным союзником ваших хозяев-капиталистов, и враг этот--наше самодержавное правительство. Вспомните свою прежнюю борьбу с капиталистами, вспомните борьбу своих товарищей со своими эксплоататорами. Разве правительство не являлось постоянным защитником капиталистов? Разве мало пролилось крови рабочих от рук царских палачей — казаков и солдат? Знайте, товарищи, что наша борьба с капиталистами до тех пор не будет успешна, пока будет существовать самодержавие. Мы должны направить наши усилия против этого врага: мы должны свергнуть самодержавие, которое лишает нас свободы собраний, слова, печати. Но подобно тому, как мы не можем бороться с нашими хозяевами-капиталистами, пока мы разрознены, так и для борьбы с самодержавием нам нужно организоваться. Вставайте, товарищи, под красное знамя социал-демократии, которая только одна защищает ваши интересы. Организуйтесь, товарищи, тогда весь рабочий класс сплотится в дружную массу, семью, ударит против своего врага—самодержавия и разнесет в прах его окровавленный трон. Тогда, не стесненные никакими рогатками самодержавного произвола, смело двинемся мы в светлое царство социализма. Будем бороться, товарищи! Будем завоевывать счастье для нас и детей наших.

Да здравствует стачка!

Да здравствует солидарность!

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Городской район московского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Приложение № 4.

Требования типографских рабочих.

Его превосходительству, господину Московскому Градоначальнику.

По Охранному Отделению. Пристава 1-го участка Тверской части.

РАПОРТ.

В типографии Мамонтова, что в доме Яковлева, по Леонтьевскому пер., настроение рабочих непокойное и рабочие сегодня предъявили нижеслелующие **требования**:

1. На каждой фабрике все отделения должны иметь постоянных выбранных рабочими депутатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики и имеют дело с хозяевами от лица всей фабрики; всякий рабочий ведет разговоры с хозяевами через депутатов, хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими, помимо депутатов.

2. Личность депутата неприкосновенна; хозяин не имеет права его уволить, ни полиция арестовать. За исполнением этого требования следит вся фабрика, выбирающая депутата из своей среды.

3. В выборах депутатов участвуют и могут быть выбраны все рабочие, мужчины и женщины, без исключения, не менее 18 лет от роду. Администрация фабрики никакого участия принимать в выборах не должна.

4. Восьмичасовой рабочий день.

5. Отмена сверхурочных работ; в случаях крайней необходимости сверхурочные работы могут быть назначаемы лишь с согласия депутатов. Плата за них двойная.

6. Полная отмена штрафов. Депутаты рассматривают все случаи уклонения от фабричных распорядков.

7. Отмена обысков, где они существуют.

8. Прием и увольнение рабочих производится лишь с согласия депутатов.

9. Рабочие могут требовать увольнения отдельных лиц из администрации, Вопрос окончательно решается депутатами.

10. Обязательные двухнедельные отпуска каждый год с сохранением содержания.

11. На случай болезни — выдача полного жалованья в течение 3 месяцев, остальное время, до полного выздоровления — половинное жалованье.

12. До введения государственного страхования — обеспечение семей умерших или получивших увечье за счет хозяина, в размере, определенном депутатами.

13. Там, где работают женщины — освобождение от работы с сохранением содержания за 4 недели до и 6 недель после родов. На время кормления обязательный отпуск через каждые 3 часа на $^1/_2$ часа.

14. Санитарное состояние мастерских, ограждение машин в предупреждение несчастных случаев. Администрация обязуется выполнять указания депутатов по поводу необходимых санитарных улучшений.

15. Свобода входа безработным в типографии для приискания занятий.

16. Расчет производится 1 и 16 каждого месяца в рабочее время.

17. Отмена работы через подрядчиков.

Ученики-наборщики предъявили нижеследующие требования:

1. Учение должно производиться не более 3 лет.

2. Хозяин не имеет права в течение этого времени употреблять учеников для личных услуг, ни вообще для какой-либо работы, кроме наборного дела.

3. Возраст учеников не менее 15 лет.

4. Время денного занятия учеников 6 час.: с 9 до 12 час. дня, 2 часа на обед, с 2 до 5 ч. вечера.

5. Прием и увольнение учеников зависит от депутатов, которые устанавливают предельное число учеников для каждой фабрики.

6. Безусловно вежливое обращение с учениками.

Кроме того, предъявили новый расценок, который при сем представляю. Пока на эти требования администрация типографии никакого ответа не дала. Многие рабочие боятся продолжать работы, т. к. забастовавшие рабочие собираются их бить в помещениях их квартир, или будут ловить на улицах в то время, когда они идут на работы или с работы.

Настроение рабочих городской типографии, особенно учеников, не хорошее, они озлоблены на ряд обысков и задержание учеников (по делам Охранного Отделения); т. к. эти обыски производятся в спальнях, где живут ученики, то делаются для всех сейчас же известными.

Сентябрь 21 дня 1905 г. [1]).

Пристав *Юрьев*.

---

[1]) Дело М. О. О. № 773.

Приложение № 5.

Товарищи. Вы начали стачку, не дождавшись приказа со стороны нашего Союза; тем не менее мы решили присоединиться к вам и со вчерашнего дня обращаемся ко всем типографиям с приказом бастовать вместе с нами. Большинство типографий бастовало, и стачка может сделаться всеобщей, но при одном условии, если вы, забастовавшие прежде всех, будете держаться стойко, не соглашаясь на ничтожные уступки. Представитель Союза, приходивший к вам вчера, говорил, каких требований мы должны добиваться; вы все их знаете, не уступайте из них ничего...

Мы сделали все, что могли: мы выработали требования, мы призываем к стачке, и указывали, как она должна идти, и, если вы будете поступать по нашему указанию, мы уверены, что сможем добиться многого.

Теперь мы пока требуем от вас — держитесь дружно, не приступайте к работе, ждите известий от других типографий, по крайней мере, дня два—три. А что делать дальше, об этом мы будем говорить в свое время.

Союз Московских Типо-Литографских Рабочих.

21 сентября.

Приложение № 6.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.

Товарищи. Каждый из нас, рабочих и работниц городских предприятий, конечно, помнит, как в конце июня нынешнего года по всем нашим мастерским, паркам, больницам, водоразборам ходили студенты с папками и производили обследование наших нужд, нашего положения. Управой были разосланы нашему начальству листы с разными вопросами, на которые мы, рабочие, должны были дать самолично ответы. Положим, эти самоличные ответы во многих местах значили только то, что начальство само ааполняло листы ответами, какие начальству были желательны, а нам приказывало только: „подпишись". Но как бы то ни было, все-таки обследование наших нужд производилось, и нанятые управой студенты, надо думать, занесли на свои опросные листы немало крайне ярких и красноречивых картинок нашего горемычного житья-бытья.

Не первый год, товарищи, городская управа имеет рабочих, не первый год эксплоатируют нас и выжимают из нас все соки—ничуть не хуже и ничуть не меньше отдельных наших купчин и фабрикантов-эксплоататоров, разных там Морозовых, Цинделей, Бахрушиных, Ранталеров, Сытиных, Вейхельтов, Прохоровых, Листов и им подобных „отцов-благодетелей", не первый уже год рабочие городских предприятий терпят свою долю-горе под увесистой и заграбистой лапой „города". Почему же до нынешнего года наши думские и управские заправилы ничего даже не говорили об обследовании нужд городских рабочих, а лишь старались изо всей мочи содрать с нас как можно больше шкур: когда девять, а когда и все десять? А потому, товарищи, что рабочие городских предприятий сидели до нынешнего года смирнехонько и не было слышно из их рядов никакого протестующего голоса. Но... майская наша забастовка положила этому конец, и управские и думские „генералы", испугавшись забастовки, должны были, хочешь-не-хочешь, обратить свои взоры на безотрадную жизнь городских рабочих. Волей-неволей, пришлось предпринять обследование наших нужд, ассигновать на это обследование некоторую (не больно-то большую) сумму, нанять человек двадцать счетчиков-студентов, заготовить опросные листы и проч. Казалось, работа закипала... Счетчики ходили по мастерским, ходили по квартирам рабочих, опрашивали, нет ли в квартире щелей, нет ли сырости, сколько кладут рабочие масла в кашу и т. д. Работа кипела...

К 29 июля вся работа студентами-счетчиками была окончена и сдана в управу. Что же сталось с этой работой? Где эта работа теперь? Почему городская управа вот уже 2 месяца с лишком не может подвести скорбных итогов этого обследования наших нужд? Или, быть может, обследование показало, что положение рабочих городских предприятий настолько великолепно, что не требует никаких улучшений? Нет, студенты-счетчики отметили и показали, как некоторые категории рабочих (сигналисты, стрелочники, метельщики, ремонтщики и пр., и пр., и пр.) начинают работу в 2 часа ночи и кончают ее в 10 часов вечера, счетчики указали не только на щели, но и на целые дыры в полах и стенах жилищ рабочих, из которых по ночам вылезают целые стада крыс, отметили, как рабочие в иных местах принуждены валяться на грязных нарах, и что если и есть койки, то не всегда и не везде на каждой из них помещается по одному человеку. Счетчики отметили и грязь, и вонь, и холод, и темноту рабочих мастерских, счетчики отметили ничтожную заработную плату большинства рабочих... Все это счетчики отметили. Управа не может теперь отговариваться незнакомством с положением своих рабочих. Почему же вся работа студентов-счетчиков лежит в настоящее время под спудом? А потому, товарищи, что вскоре после сдачи работы счетчиками-студентами, именно 6 августа нынешнего года, вышел царский манифест об учреждении Государственной Думы, и городская управа, отложив работу по обследованию нужд рабочих в сторону, занялась всецело и исключительно составлением избирательных списков в эту Государственную Думу, ассигновала 24 тысячи рубликов, наняла человек 300 счетчиков и добавочных служащих и гонит с этой работой, что называется, и в хвост, и в гриву. Работа же по обследованию нужд рабочих положена, как видно, на дальние полки бездонных управских шкафов и забыта. Мы должны напомнить городской управе об этой забытой ею работе. Очевидно, что без погонялки в данном случае не обойтись. Обследование наших нужд предпринято было под подгонялкой нашей майской забастовки. Для окончания этого обследования требуется опять погонялка. Этой погонялкой только и может быть снова забастовка—забастовка всеобщая, при которой все городские рабочие всех городских предприятий, все, как один человек, бросали бы работы и тем приказали бы городской управе перевести свои взоры с избирательных списков в Государственную Думу на скорбные листы положения рабочих.

Прикажем, товарищи, городской управе поторопиться. Этого нашего приказания управские и думские заправилы ослушаться не посмеют, иначе пусть-ка они посоставляют избирательные списки в Государственную Думу в то время, когда типография не будет работать, в то время, когда ни один газовый, ни электрический, ни простой коптильный фонарь, ни одной конки, когда ни одной парковской лошади не будет дано ни зерна овса, ни клочка сена, ни ведерка воды, когда станет водопровод и т. д., и т. д. Пусть-ка тогда при этих условиях управа займется занесением в избирательные списки этих самых наших „отцов-благодетелей"—разных Прохоровых, Морозовых, Ситиных, Кушнеревых и Бухрушиных. Товарищи, нечего ждать, нечего раздумывать, нужно заставить себе повиноваться.

Но, товарищи, забастовав и принудив тем управу поспешить закончить обследование нашего положения, мы не будем, конечно, обманывать себя

надеждою, что в этом обследовании нашего положения заключается полное наше спасение. Мы должны твердо помнить, что неустройство, неудобность нашего положения зависит не только от волчьих аппетитов думских и управских заправил, но и от общего гнета русских полицейско-нагаечных порядков. Поэтому, предъявив управе требование улучшения нашего материального положения, мы должны в то же время предъявить властям и твердо отстаивать наши общерабочие, пролетарские требования, написанные на знамени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Настоящий момент надо признать как нельзя более подходящим для забастовки: настроение в широких рабочих слоях бодрое, приподнятое, стачки начинают уже возникать и множиться (стала фабрика Чепелевецкого, бросили работу слесаря Миусского парка, забастовали все типографии и часть булочников), носятся слухи о предстоящих забастовках в других предприятиях—таким образом, мы, рабочие городских предприятий, смело можем рассчитывать на поддержку других московских рабочих.

Организуйтесь, товарищи, сплачивайтесь в дружную и крепкую братскую организацию и не только под сенью профессиональных управских дозволенных союзов, но, главным образом, под красным знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии—на борьбу не на жизнь, а на смерть за светлое будущее рабочих всего мира, за социалистический строй, при котором не будет ни бедных, ни богатых, ни нанимателей, ни наемных.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Да здравствует международная социал-демократия!

Московский Комитет РСДРП. Сентябрь 1905 г.

Типография Московского Комитета.

Приложение № 7.

Требования рабочих завода В. Я. Гоппер и К-о.

1. Учреждение комиссии из рабочих депутатов по приему и увольнению рабочих и по урегулированию заработной платы.
2. Восьмичасовой рабочий день.
3. Безусловное запрещение сверхурочных работ.
4. Окончание работы в субботу в 2 часа дня с оплатою за полный день.
5. Выдача жалованья за полчаса до окончания работы.
6. Отмена поштучной и почасной работы и замена ее для всех поденной работой.
7. Отмена работы по премии.
8. Увеличение заработной платы на 60%.
9. Увеличение заработной платы мальчикам до 50 копеек в день.
10. Отмена обысков и устройство библиотеки и передача ее в ведение комиссии депутатов.
11. Удаление табельщика Абрамова, модельного мастера Матвеева, кузнечного мастера Арбозова и литейного мастера Антонова.
12. Разрешение общего собрания рабочих в заводе по усмотрению депутации.
13. Устройство куба и умывальников во всех мастерских.
14. Мытье рук за 10 минут до окончания работы.
15. Отмена нормировок рабочих и передача ее в ведение мастера [1]).

---

[1]) Дело М. О. О. № 773, т. III.

Приложение № 8.

Требования рабочих завода Доброва и Набгольц.

1. Учреждение депутатской комиссии: а) депутатов избирают все рабочие; б) личность депутатов неприкосновенна; в) без согласия депутатов хозяин не увеличивает, не увольняет рабочих, не изменяет расценки.
2. Восьмичасовой рабочий день.
3. Накануне праздников работа кончается в 2 часа.
4. Отмена сверхурочных работ.
5. Увеличение заработной платы на 25%.
6. Плата чернорабочим не менее 1 р.
7. Мальчикам—50 коп.
8. Замена почасной и поштучной платы месячной.
9. Отмена штрафов и обысков.
10. Вежливое обращение мастеров с рабочими.
11. Улучшение мастерских в гигиеническом отношении.
12. Устройство библиотеки на средства завода и передача библиотеки в руки депутатов.
13. Предоставление мастерских для общих собраний рабочих.
14. Мытье рук за 15 минут до окончания работ.

Группа рабочих завода Доброва и Набгольц.

Изд. Замоскв. района М. Группы РСДРП [1]).

---

[1]) Дело М. О. О. № 773, т. III.

Софийский завод.

Требования рабочих завода Акционерного Общества „Густав Лист".

1. Восьмичасовой рабочий день.
2. Отмена обысков.
3. Окончание работ под воскресные и праздничные дни в 2 часа.
4. Увеличение заработной платы во всех цехах на 30%.
5. Плата обученным рабочим не менее 1 рубля в день и ежегодная прибавка жалованья.
6. Плата ученикам, работающим на сдельных работах, 40 коп., а ученикам, работающим поденно, не менее 50 коп.
7. Плата чернорабочим не менее 1 рубля в день.
8. Прием и увольнение рабочих производятся с согласия комиссии рабочих и предпринимателей в равном количестве.
9. Третейский суд для разбирательства недоразумений всяких по поводу расценок и пр. администрации с рабочими — равное число людей с обеих сторон.
10. Улучшение постановки медицинской помощи рабочим и их семействам и бесплатный отпуск из заводской аптеки по вольным рецептам и внимание доктора к рабочим.
11. Полная заработная плата во время увечий и болезни с того же дня, когда получил увечье.
12. Обязательное страхование рабочих на случай увечий, болезни, безработицы, старости и смерти на счет предпринимателя.
13. Двухнедельный отпуск с сохранением полной заработной платы всем рабочим каждый год.
14. Вежливое отношение с рабочими со стороны администрации.
15. Улучшение санитарно-гигиенических условий в мастерских всего завода.
16. За забастовку, чтобы никто не пострадал, как то: не был уволен и арестован.
17. За все время забастовки всем уплатить поденную плату.
18. Отмена переноски тяжести в малярной мастерской и ученикам и во всех мастерских и заменить эту работу чернорабочими.
19. Требуем немедленной выдачи работы мастерами во всех цехах.

20. Удаления горн из медницкой.

21. Вывесить расценки на все работы во всех мастерских.

22. Ученики должны быть в ученьи не более трех лет.

23. Брак должен оплачиваться, как хорошая вещь. Обрубщики требуют, чтобы прием обработанных вещей производился вместе (как-то: поддоны, поршни и проч.), а не отдельно, как это существует. За брак должна быть полная плата и чтобы на руках у обрубщиков находилась приемная книга, в которую приемщик записывает обрубленные вещи, во время сдачи при обрубщике.

Требование литейщиков: расценочная книга должна находиться на руках у рабочих. За ту работу, по модели которой приходится делать прорезку, плата должна быть тройная. Уничтожить тигли более 130 марок для литья мелких вещей [1]).

---

[1]) Дело М. О. О., № 773, т. III.

Приложение № 10.

Требования мастеровых и рабочих Московских мастерских Брестской ж. д.

1. Уплата жалованья за все дни забастовки.

2. Никто не должен пострадать за забастовку.

3. Учреждение комиссии из рабочих, выбранных на основе всеобщего голосования, которая ответственна перед рабочими и может быть сменяема исключительно самими рабочими, которая должна входить во все дела, касающиеся рабочих; увольнение рабочего должно быть с согласия этой комиссии.

4. Дать право собраний по предъявлению комиссии, как разрядных, так и общих, в помещении мастерских для обсуждения рабочих нужд в свободное от работ время.

5. Уничтожение сверхурочных работ.

6. Отмена штрафов.

7. Введение страхования рабочих за счет дороги.

8. Каждый мастеровой и рабочий по истечении одного года службы имеет право пользоваться отпуском, с полным содержанием поденной платы, на две недели.

9. Больным, как и раненым, независимо от времени службы, платить полное поденное жалованье за все время болезни.

10. Первого мая работы производиться не должны.

11. Устроить общеобразовательные вечерние курсы, читальню и библиотеку за счет дороги.

12. Устроить школы для обучения грамоте детей рабочих и ремесленные училища для учеников, кончивших начальную школу.

13. Учредить очередь для поступления детей рабочих в качестве учеников.

14. Устроить для обеденного перерыва чайную-столовую.

15. Уравнять в правах со штатными служащими в пользовании бесплатными разовыми билетами без препятствий.

16. Увеличение поденной платы для поденных на 50%, а для сдельных, получающих до 1 р. 25 к., прибавки в размере 40 к., от 1 р. 25 к. до 1 р. 40 к.—30 к., от 1 р. 40 к. до 1 р. 50 к.—25 к., от 1 р. 50 к. и выше—20 к.

17. Чернорабочим поденная плата не менее одного рубля.

18. Увеличить расценки на сдельные работы по соглашению с выборной комиссией из рабочих.

19. Установить более правильную прибавку жалованья для учеников, а также и для всех рабочих не реже одного раза в год.

20. Уничтожить заграждения проходов и освещать дворы во время темноты.

21. Построить баню для рабочих.

22. Предоставить рабочим пользоваться дровами по удешевленной цене.

23. Восьмичасовой рабочий день.

24. Проценты, причитающиеся рабочему, уволенному до окончания работы, должны быть выданы ему лично или по доверенности.

25. Вновь поступающим рабочим-мастеровым поденная плата не менее 1 р. 25 к.

26. Накануне праздничных, воскресных и царских дней работа должна производиться шесть часов.

27. При увольнении рабочего не по его вине или по болезни, должно быть выдаваемо месячное вознаграждение за каждый прожитый год.

28. Провести в мастерские Мытищенский водопровод для питья.

29. Улучшить технические условия труда.

Ответ г. начальника дороги.

1. Отклонить.

2. С безвинных не взыскивать.

3. За установлением выборных никаких других комиссий не будет.

4. За отказом в комиссии — не требуется.

5. Вряд ли возможно.

6. Повлечет за собой единственное взыскание—увольнение, что вряд ли к выгоде рабочих.

7. Зависит от правительства.

8. Только штатные служащие пользуются этим правом.

9. Только раненым, согласно положения в расчетной книжке.

10. Праздники установлены положением.

11 и 12. Желательно, но при возможных средствах, причем желательно участие в этом и самих рабочих.

13. Это делается с выбором — со здоровьем, силой и возрастом.

14. Желательно, но при средствах, о чем можно ходатайствовать.

15. Нельзя.

16. Отказывается за большим повышением, вполне достаточным по местным обстоятельствам.

17. Нельзя, так как недавно прибавлено достаточно.

18. Расценки утверждены недавно вполне достаточно.

19. Прибавка производится по достоинству и уменью ученика и мастерового, обязательное увеличение прибавки каждый год отклонить.

20. По первому—случайности возможны, по второму—будет сделано.

21. Бани весьма близко.

22. Вопрос этот не решен.

23. Требование неосновательное.

24. Этого нельзя, расчет выдается по правилам рабочей книжки и трудно определить качества и количества произведенной работы.

25. Мастеровой принимается по достоинству и эта норма не принимается.

26. Нельзя меньше существующего.

27. Выдается по утвержденным министерством правилам.

28. Вода в мастерских вполне доброкачественная.

29. Делается по возможности.

Начальник московских мастерских, инженер *Парушников.*

29 сентября 1905 г.

№ 3800.

Приложение № 11.

Прокламация, распространявшаяся 3 октября на сходке в Константиновском Межевом Институте.

Товарищи! Нельзя терпеть, нельзя молчать, когда нас давят, когда над нами издеваются, пользуясь тем, что мы не всегда знаем, кто наш враг, пользуясь тем, что мы темны и все вынесем, что ни взвалят на наши плечи...

Посмотрите, что творится по всей стране. Измученный, *изголодавшийся*, забитый народ не может терпеть,— он уже поднимается, уже требует лучшей жизни.

С народа содрали последнюю рубаху на подати, налоги,— взяли миллиарды рублей, сотни тысяч его детей на бессмысленную войну, а что дали взамен. Ничего. Никаких человеческих прав, никакой возможности улучшить свою горькую долю.

Товарищи! Не будем ждать, не будем надеяться, что кто-нибудь „авось" сжалится над нами и бросит нам кусочек со своего сытного стола. Без борьбы мы не добьемся лучшей доли. Вы сами знаете, что нашим просьбам не внимают, на наши заявления плюют. Так напомним же всем дармоедам, всем живущим нашим трудом, что мы — сила, мы всех кормим и поим,— нами держится жизнь. Напомним им об этом дружной забастовкой. Бросайте работу, товарищи. Будем бороться, присоединимся к забастовавшим товарищам.

Требуем:

1. Созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.
2. Свободы совести, слова, печати, союзов, стачек.
3. Неприкосновенности личности и жилищ.
4. Восьмичасовой рабочий день.
5. Отвести помещение для обсуждения рабочих нужд без права присутствия администрации и чинов полиции, на полную ответственность самих рабочих.
6. Выбирать депутатов по желанию рабочих, не считаясь с циркуляром.
7. Учреждения рабочей комиссии для установления расценок и разбора недоразумений между администрацией и рабочими.
8. Прибавки 30% на поденные и сдельные работы.
9. Страхования рабочих за счет ж. д. на случай старости и потери способности к труду.

10. Отмены сверхурочных работ.

11. Месячного отпуска с полным содержанием жалованья для всех, прослуживших 1 год.

12. Увольнения и приема мастеровых и рабочих предоставлять рассмотрению рабочей комиссии.

13. Выдачи заболевшим (как благодаря условиям производства, так и по всяким другим причинам) полностью поденного заработка с первого дня болезни. Беспрепятственной выдачи лекарств по рецептам чужих врачей.

14. Устройства столовой в виду того, что многие по дальности расстояния не могут ходить обедать домой.

15. Улучшения гигиенических условий в мастерских: устроить приспособления для сбережения тепла, очищения воздуха и поддержания нормальной температуры. Поставить умывальники во всех мастерских.

16. Сделать куб для пользования кипятком во всякое время работы.

17. Устройства двух проходов в табельной-проходной.

Раб. ком. железно-дорожного района П. С. Р. [1].

---

[1]) Дело М. О. О, № 707, стр. 106.

Приложение № 12.

Требования первого делегатского железнодорожного съезда [1]).

„Мы, орудие наших товарищей, мы, слуги народа, не можем молчать, когда заговорил весь народ, и как частица многомиллионной трудовой пролетарской массы, сплоченным строем борющейся за свои права, мы требуем:

1) Немедленной и безусловной отмены положений: об усиленной охране и военного, а также всех прочих законов и административных распоряжений, ограничивающих права русских граждан; передачи полиции в руки органов самоуправления и уничтожения жандармской полиции.

2) Немедленной отмены смертной казни.

3) Немедленного освобождения от наказания и возвращения прав всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения и полного прекращения всех текущих дел подобного рода.

4) Немедленного объявления законодательным порядком безусловной свободы совести, слова, печати, открытия типографий, неприкосновенности личности и жилищ и свободы передвижения с отменою черты оседлости; свободы стачек, союзов, собраний и манифестаций для всех без исключения российских граждан; неприкосновенности всех участников забастовок и возвращения уволенных.

5) Устранения всех национальных ограничений и признания за каждой нацией права на самоопределение.

6) Немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и равного избирательного права, при условии прямого и тайного голосования, для установления основного закона и нового государственного порядка в России".

---

[1]) Заимствовано из сб. „Транспортник", стр. 275.

Приложение № 13.

Российская социал-демократичеекая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К НАСЕЛЕНИЮ.

Граждане! В настоящее время в Москве забастовали более ста тысяч рабочих. Забастовали всѐ железные дороги, фабрики, заводы, почти все аптеки, прекратили работу городские, почтовые, телеграфные служащие и решили забастовать водопроводы. Прекратился подвоз свежих припасов в город, замирает и замрет скоро вся жизнь. Прежде всего такая забастовка отзовется и ляжет тяжелым бременем на все бедное население. Но, граждане, пролетарии прибегли к этой забастовке не потому, что для них безразличны интересы малоимущего населения, не потому, что им все равно — будут ли бедняки города голодать, останутся без воды, без всего необходимого. Нет, рабочие были вынуждены так поступить, скрепя сердце, зная, что им рабочим, и всему населению придется туго. Посудите сами. Бедный люд, рабочие, крестьяне и другие составляют большую часть населения всей России, крестьяне добывают хлеб, платят налоги, рабочие создают все богатства на фабриках и заводах. На их деньги, на их труд строятся громадные дворцы, содержатся армия и флот, богатеют капиталисты. А что они получают? Каждый год правительство увеличивает налоги, с каждым годом дорожают все предметы первой необходимости, без которых не может прожить ни один человек. Так, например: фунт чаю стоит 25 копеек, а с акцизом в казну 1 р. 50 коп., фунт сахару вместо 4 коп. — 15 — 16 коп., керосин вместо 1 к. — 4 коп. И куда идут все налоги? Если платит бедное население, то оно и должно распоряжаться этими громадными, миллионными суммами, но царское правительство вместе с капиталистами берет все себе, ничего не давая народу. Правительство думает, как бы побольше достать министрам, как бы побольше выжать из народа, а капиталисты — как бы покруглее стал их капиталец. И вот именно капиталисты пользуются всяким случаем, чтобы половить рыбу в мутной воде. Начинается стачка, или какая-нибудь заминка, сейчас они повышают на все цены. Для них не важно, что народ будет сотнями умирать с голоду, пускай помрут сотни, тысячи, но за то у нас сотни и тысячи рублей прибавятся в карман. Что же делать? Как быть? Как сделать так, чтобы этого обирания народа не было, чтобы самодержавные министры и чиновники, вместе с богачами не распоряжались кровью, потом и жизнью народа. Рабочий класс лучше и сильнее всех чувствует на себе это бремя царской власти и власти богачей. Он своими руками кует

штыки, делает пушки, приготовляет все нужные человеку вещи, и не имеет права ни собираться, ни обсуждать свои нужды, ни требовать права на участие во всей политической жизни. Он пробовал мирным путем требовать все, что у него отняли, но ему 9 января в Петербурге ответили нагайками, штыками и пулями. Остался один путь — прекратить всю жизнь в стране, устроить одну общую стачку и с оружием в руках добиваться своих прав. И вот, граждане, теперешняя забастовка есть начало всеобщей борьбы. Быть может, завтра, наступит момент, когда пролетарии выйдут на улицу с оружием в руках и на пальбу, на казацкие нагайки, ответят силой и свергнут ярмо, общего врага — царское самодержавие. В этот великий момент, когда рабочий класс собственными силами сразится со старым врагом своим, вы, граждане, не можете остаться безучастными зрителями, ибо наша победа, наше торжество, торжество передового борца рабочего класса, соц.-дем. партии, будет и вашей победой. Вы все получите политическую свободу и вместо царского правительства, будет правительство, выбранное всем народом. Так помогайте же рабочему классу, идите вместе с ним на борьбу и да здравствует вооруженное восстание!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Московский Комитет РСДРП.

Октябрь 1905 года.

Приложение № 14.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАТИВНОГО СОВЕТА.

„Товарищи, великая российская революция близится к победе; наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит, главным образом, исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет идти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику. В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит, в интересах наиболее полного успеха революции, Московский комитет и Московская группа российской социал-демократической рабочей партии решила, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный объединенный совет для совместного руководства политическими выступлениями московского пролетариата в предстоящих событиях.

В задачи этого Федеративного совета будет входить объединение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения со всеми остальными организациями.

Московский комитет и Московская группа Российской Социал-Демократической рабочей партии".

Манифест 17 октября.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ.

Божиею милостью, мы, Николай второй,

Император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты.

Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность Правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законномерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петербурге, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое. Царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано:

„Николай".

Приложение № 16.

На подлинном его императорскому величеству, в Петергофе, в 17-й день октября 1905 г. благоугодно было собственноручно начертать: „П р и н я т ь к р у к о в о д с т в у".

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ГРАФА ВИТТЕ.

Вашему императорскому величеству благоугодно было передать мне высочайшие вашего величества указания относительно направления, по которому должно следовать Правительство в связи с соображениями о современном состоянии России, и приказать соответственно сему представить всеподданнейший доклад.

Вследствие сего приемлю долг всеподданнейше представить нижеследующее:

Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения, или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех подданных вашего императорского величества, независимо от вероисповедания и национальности. Само собою разумеется, что предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующей задачей Правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы,

Задача эта сводится к устроению правового порядка. Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности, для полного осуществления своего требуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства. Между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу, приуготовить страну со 135 миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка, не по силам никакому правительству. Вот почему далеко недостаточно власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность.

Для осуществления сего необходимым условием является однородность состава Правительства и единство преследуемой им цели. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно еще приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всех агентов власти от высших до низших. Заботой Правительства должно быть практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью Правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и, между прочим, искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботой Правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения. Правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут, что невероятно, коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно следовать мысли, высказанной вашим императорским величеством в манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени. Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей в большинстве общества идеей, а не отголосками, хотя бы и резко выраженных, требований отдельных кружков, удовлетворение которых невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества, путем той или иной формулировки гарантий гражданского правопорядка, необходимо.

Весьма важно сделать реформу Государственного Совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии

можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2. Стремление к устранению исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов Правительства.

4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству.

5. Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, что осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе. Следует верить в политический такт русского общества. Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства.

Прав. Вестн. № 222,
18 октября 1905 г.

К.-д. о манифесте 17 октября.

РЕЗОЛЮЦИЯ СЪЕЗДА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ОТ 18 ОКТЯБРЯ ПО ПОВОДУ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ.

„Ознакомившись с высочайшим манифестом 17 октября и всеподданнейшим докладом гр. Витте, учредительный съезд конституционно-демократической партии пришел к следующим заключениям:

1. Основные принципы политической свободы, равноправности и всеобщего избирательного права, выставленные на своем знамени русским освободительным движением, получили в опубликованных документах далеко не полное признание. Манифест ограничивается лишь простым перечислением основных прав, заменяя при том выражение „свобода печати“ неясным выражением „свободы слова“, и признает „общее“ избирательное право только как результат „дальнейшего развития“ установленной ныне избирательной системы. Начала политической и гражданской равноправности и конституционного государственного устройства упоминаются лишь в докладе в глухих и иносказательных выражениях и вовсе не упоминаются в манифесте.

2. Осуществление признанных манифестом начал новой политической жизни поставлено в такие условия, при которых не может быть никакой уверенности в полноте и последовательности этого осуществления. Провозглашение основных прав не сопровождается развитием их в законодательных нормах, а расширение избирательного права ставится в рамки того короткого срока, который остается до выборов по старому закону, при чем самое основание избирательной системы сохранилось прежнее.

Исполнение данных манифестом обещаний остается в руках людей, политическое прошлое которых не внушает народу никакого доверия. При этих условиях выполнение намеченных манифестом задач является безусловно невозможным в пределах предстоящей избирательной кампании.

3. Расширение законодательных прав думы сделано в таких выражениях, которые все еще допускают возможность ограничения их несогласием государственного совета. Правда, в докладе предусматривается возможность дополнения государственного совета выборным элементом, но, без сомнения, и такая реформа государственного совета не может сделать это учреждение достойным разделять законодательную власть с народными представителями. Ответственность министров попрежнему ограничивается оценкой „закономерности“ их действий, с устранением возможности критиковать их „целесообразность“.

4. Действие усиленной охраны и других исключительных законов не отменяется манифестом, и лица, подвергшиеся преследованию за так называемые политические и религиозные преступления, не получают амнистии.

5. Так как, при изложенных условиях,— ограниченного расширения избирательных прав и законодательной власти думы и невозможности гарантировать применение начал свободной политической жизни к предстоящей избирательной кампании,— государственная дума не может быть признана правильным народным представительством, то задачей конституционно-демократической партии остается достижение поставленной раньше цели — учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания, при чем реформированная в силу манифеста 17 октября государственная дума может служить для партии лишь одним из средств на пути к осуществлению той же цели, с сохранением постоянной и тесной связи и общим ходом освободительного движения вне думы.

6. Наиболее целесообразным выходом из настоящего положения конституционно-демократическая партия считает:

а) немедленное осуществление обещанных манифестом основных прав и немедленную же отмену исключительных законов;

б) немедленное введение избирательного закона на основание всеобщего голосования для непосредственного созыва, вместо государственной думы по закону 6-го августа, учредительного собрания для составления основного закона;

в) немедленное удаление из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование, и составление временного делового кабинета, полномочия которого должны прекратиться с созывом народных представителей и составлением кабинета из представителей большинства.

7. Безусловно необходимой и особенно настоятельной мерой является в настоящее время полная амнистия по так называемым политическим и религиозным преступлениям.

8. Не ожидая удовлетворения намеченных требований, конституционно-демократическая партия предоставляет себе фактическое осуществление всех обещанных манифестом, но не закрепленных точными определениями закона, условий политической свободы [1]).

---

[1]) „Право“ № 48 — 49, 1904 г

Приложение № 18.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяетесь!

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ [1]).

Товарищи! Мы, партия организованного пролетариата, обращаемся ко всем, кому дороги интересы и счастье будущей свободной России. Наши общие мучители и палачи прибегают к самым грязным средствам, не останавливаются перед самыми страшными преступлениями, чтобы удержать за собой хотя часть былого могущества. Полиция деятельно организует и вооружает заведомых грабителей и воров, шпионов и дворников, натравливает на интеллигенцию темную массу, вызывает небывалые погромы, живьем сжигает сотни людей. Губернаторы открыто становятся во главе черносотенных шаек, митрополиты, архиереи и попы благословляют на убийство, войска, в особенности казаки, принимают самое живое участие в грабежах и насилиях, без пощады расстреливают женщин и детей. Все это делается с той целью, чтобы в море крови и огня потопить и сжечь освободительное движение всего русского народа. Мы знаем, мы глубоко убеждены, что эти замыслы неслыханных преступников не удадутся. Дело революции находится в верных руках сознательного пролетариата: успех освобождения обеспечен. Но напрасно гибнут тысячи жертв, на ни в чем неповинных людей обрушиваются страшные несчастья. Этому нужно положить конец и положить возможно скорей. Иначе жертвы будут еще ужаснее, совершатся преступления, еще более отвратительные.

В Москве темными силами правительства пролито уже много крови. А теперь по городу носятся слухи о новых ужасных преступлениях, подготовленных местной администрацией. Одна молва о них леденит кровь в жилах. Полиция собирает адреса студентов, докторов, адвокатов, профессоров, гласных и других ненавистных ей лиц и составила уже план их одновременного убийства, указывается и время, когда этот адский план будет приведен в исполнение. Выбрана ночь с субботы на воскресенье. По городу распространяется отвратительная прокламация, призывающая к массовому убийству.

Готовятся страшные катастрофы.

А городская дума, на которой прежде всего лежала обязанность охранять граждан, преступно бездействует.

Гласные говорят друг другу комплименты, подносят благодарственные адреса и посылают депутации к изолгавшимся временщикам и организаторам черных сотен. Что же делать? Где искать защиты и спасения? Исход

[1]) Из дела М. О. О. № 912, 1905 года, стр. 303.

лишь один и его давно указывал и продолжает указывать вам, граждане, сознательный пролетариат. Нужно немедленно и решительно приступить к действиям, нужно немедленно обессилить и разрушить источник бедствий, всю административную машину царского правительства. Всякое промедление сулит всей России и прежде всего вам, мирные граждане, невообразимые бедствия.

Мы, пролетарии, сумеем отстоять себя и будем жестоко мстить за каждую жертву, вырванную из наших рядов. Но считаем своим святым долгом защищать всех невинно страдающих, грудью отстаивать свободу и счастье всей измученной России.

И для вашего собственного блага, для блага ваших детей, жен, братьев и сестер вы должны помочь нам в нашей неравной борьбе. С тем оружием, которое имеется у нас, мы сумеем защитить себя, но его недостаточно, чтобы защищать всех, и еще менее достаточно, чтобы немедленно сразить нашего общего врага.

Граждане! От вас требуется немногое: доверие к нашей свободе и содействие нам. Мы же предлагаем нашу кровь и жизнь. Колебаться далее невозможно. Мы настойчиво предлагаем заставить вместе с нами преступную городскую думу сложить с себя полномочия и передать власть временному революционному комитету, составленному из представителей революционных организаций. Пусть этот революционный комитет немедленно озаботится вооружением народа. Дело вооружения необходимо передать в руки испытанных пролетарских организаций. Они быстро сформируют надежную армию народных борцов и сумеют защитить всех нуждающихся в защите. А затем революционный комитет подготовит выборы в новую городскую думу на широких началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мы настойчиво предлагаем вам, граждане, добиваться вместе с нами немедленного упразднения диких казачьих орд и полиции. Оставив за собой право добиваться замены постоянной армии всенародным вооружением, мы предлагаем вам требовать немедленного удаления из города всех остальных войск.

Помимо деятельности будущего революционного комитета, мы предлагаем вам и всем общественным организациям немедленно помочь нам в деле вооружения пролетарской армии, помочь ради вас самих. Деньги, которые вы в виде налогов платите правительству, идут теперь на подкуп и вооружение убийц и грабителей. В наших руках они обратятся на нашу защиту. Вместо того, чтобы платить налоги разбойничьему правительству, отдайте лучше эти деньги на дело народного вооружения.

Смелей же, граждане. Больше доверия к пролетариату и общей свободе. Пусть и ваши голоса присоединятся к его грозным требованиям.

Долой преступную городскую думу! Требуйте:

Учреждения революционного комитета, всеобщего голосования для выборов в думу, упразднения казачьего войска и полиции, удаления из города всех войск, вооружения народа через революционные партии.

Долой царское правительство!

Да здравствует вооруженное восстание!

Федеративный Совет Московского комитета и Московской группы РСДРП.

Октябрь 1905 года. Типография Московского Комитета.

Приложение № 19.

Об использовании правительством уроков октябрьской стачки.

М. В. Д.
ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ.
По особому отделу.
2 ноября 1905 г.
№ 14000.

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам
и Варшавскому обер-полициймейстеру.

Беспорядки, происходившие за последнее время в разных местностях империи, обстоятельства, их сопровождавшие, и меры, принимавшиеся со стороны губернских властей к подавлению смуты, с полной очевидностью свидетельствуют, что в большинстве губерний чины местной администрации не были совершенно осведомлены о возможности возникновения беспорядков в районах их ведения и не знали, в какой именно форме они могут в данной местности скорее всего проявиться, а потому, будучи застигнуты врасплох, действовали без всякого определенного, заранее намеченного плана и не могли в полной мере использовать всех имевшихся в их распоряжении средств. Только растерянностью администрации и можно себе объяснить в громадном большинстве случаев те размеры, которые приняли народные волнения.

В виду изложенного и принимая во внимание, что беспорядки, подобные происходившим, могут в настоящее тревожное время повториться вновь и даже, быть может, с еще большей силой,—долгом считаю обратить самое серьезное внимание губернского начальства на необходимость прежде всего быть всегда в курсе готовящихся событий. Общая жандармская полиция, а также и существующие в некоторых губерниях охранные отделения должны в этом отношении идти всегда рука об руку, взаимно дополняя и проверяя свои сведения, чтобы дружными усилиями освещать все происки противоправительственных партий и не давать им застигнуть себя врасплох. Затем, необходимо всегда тщательно использовать материал, добытый полицией, и при поступающих указаниях на возможность возникновения беспорядков, всегда заранее вырабатывать, совместно с представителями военного ведомства, план действий к предупреждению и пресечению беспорядков, как это и делается в столицах. В частности могут быть рекомендованы следующие меры: все правительственные и общественные здания и сооружения, которым может угрожать опасность, необходимо охранять воинскими караулами. Кроме того, весь город должен быть разбит на известные районы, которые по степени важности, обеспечиваются надлежащим числом полицейской и воинской команд. Полицейский чиновник, стоящий во главе такого района, должен точно знать количество сил, которыми он располагает, какие именно эти силы и где они

расположены, а также к кому ему надлежит, в случае надобности, обратиться за помощью и какую роль он сам играет во исполнение общего намеченного плана. Войсковые части, как поступившие уже в помощь полиции, так и находящиеся для этой цели в резерве, должны быть точно осведомлены, в чье ближайшее ведение они поступают и от кого должны исходить ближайшие руководящие указания относительно порядка их действий. Словом, каждый чин полиции или воинской команды, командированной в помощь полиции, должен твердо и ясно знать свое место и степень своего участия в общем деле подавления беспорядков. Главное руководительство действиями полиции и войск должно принадлежать одному лицу, о звании которого и полиция и войска должны быть осведомлены. Место нахождения того лица во время беспорядков должно быть точно указано, чтобы всякий, имеющий к нему неотложную надобность, мог наверное знать, где его найти.

В распоряжении такого лица должен быть достаточный резерв полиции и войск, чтобы, не ослабляя местных сил, можно было бы двинуть, в случае необходимости, к тому или другому пункту города подкрепления из общего резерва. Держать все время в ожидании беспорядков войска в полном комплекте под ружьем и на открытом воздухе нет никакой надобности, так как это бесцельно утомляет нижних чинов. Воинские части в районе, подлежащем их охранению, должны держаться только наготове и по возможности в закрытых помещениях. Надлежит озаботиться подысканием таких помещений заблаговременно и предоставить войскам возможность получать во-время продовольствие средствами своих частей. Где возможно, администрация должна приходить в этом отношении на помощь войскам и оказывать им всяческое содействие.

Управляющий министерством внутренних дел *П. Дурново.*

Заведывающий политической частью *П. Рачковский* [1]).

[1]) Дело М. О. О. № 773.

Приложение № 20.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГР. ВИТТЕ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОНТОРЫ ЖЕЛЕЗОЗАВОДЧИКОВ.

„Совещательная контора железозаводчиков, состоящая из представителей всех районов России, чутко стоит настороже совершающихся событий. В записке по рабочему вопросу, поданной вашему сиятельству еще 28 января тек. года, т. е. на самых первых порах русского рабочего и освободительного движения, контора прямо и искренно заявила, „что настроение народных масс в стране является грозным предостережением, что никакими репрессиями не остановить движения, имеющего глубокие корни в народе, с каждым днем дающего все новые и новые ростки". С тех пор прошло почти девять месяцев. Россиею овладела неслыханная смута. Пролито много крови русских подданных. Все, что сохранило в себе искру человеческого достоинства, поднялось в защиту прав человека против насилия и произвола. Слова совещательной конторы железозаводчиков, высказанные вашему сиятельству 28 января т. г., вполне оправдались. Неслыханное единодушие в смуте и волнениях заставило, наконец, наше правительство сознать, что русский подданный из безгласного раба вырос в свободного гражданина, умеющего ценить гражданскую свободу. Научился он этому тяжкими жертвами, до пролития собственной крови включительно.

В 17 день октября т. г. дан высочайший манифест, возвещающий русскому народу дарование культурной государственной конституции с гарантией необходимых прав человека. Совещательная контора железозаводчиков горячо и искренно приветствует появление этого акта так же, как горячо и искренно жаждет скорейшего водворения в России мирной и плодотворной жизни.

Наученная горьким опытом человеческой жизни вообще, и русской, в особенности, контора железозаводчиков не может не выразить вашему сиятельству прямо и искренно, что между словом и делом существует огромное расстояние.

Ваше сиятельство во всеподданнейшем докладе, на коем государь император в 17 день октября с. г. собственноручно начертал „принять к руководству", изволите совершенно справедливо придавать особое значение прямоте и искренности в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установлению гарантий сей свободы. Без прямоты и искренности между правительством и народом не может быть здоровой государственной жизни. Совещательная контора железозаводчиков жаждала видеть доказательства сей прямоты и искренности правительства в актах

17 октября. Мы должны прямо заявить: Россия верит только фактам: ее кровь и ее нищета не позволяют уже верить словам".

Ваше сиятельство! Волею исторических судеб вы призваны сыграть выдающуюся роль в жизни Российской империи. Вам выпал завидный удел замирения страны в неслыханно позорной войне нашего отечества с внешним врагом. Тою же волею судеб вы призваны к замирению внутренней жизни нашего несчастного, истерзанного и залитого братской кровью отечества. Ваша историческая роль заставляет совещательную контору железозаводчиков высказать вам нижеследующее с полной искренностью и прямотой:

1. Гражданская свобода России явилась плодом поразительной борьбы стосорокамиллионного народа. Каждый боролся за эту свободу так, кка умел. Многие тысячи принесли в жертву за эту свободу свои жизни, которые восстановить не могут уже никакие акты. Еще большие тысячи томятся в тюрьмах и в изгнании за то, что самоотверженно выступили борцами за свободу и счастье населения Российской империи. Возвращение этих мучеников народной идеи к новой, светлой жизни лежит во власти правительства. Совещательная контора железозаводчиков не может радоваться гражданской свободе до тех пор, пока не будет объявлена и осуществлена полная амнистия, безо всяких оговорок, лицам, пострадавшим по политическим делам. Совещательная контора железозаводчиков обращается к вашему сиятельству с просьбой безотлагательно исходатайствовать акт о полной, безо всяких оговорок, амнистии пострадавшим за политические дела.

2. Обозревая минувший революционный период, совещательная контора железозаводчиков с особенным удовольствием должна констатировать факт, что со стороны борцов за свободу и счастье русского народа проявление насилий было крайне ограничено и что масса народа действовала с соблюдением неслыханной дисциплины. Если были проявления диких инстинктов, грабежей, поджогов, разбоя, то они в значительной степени обязаны были деятельности хулиганов и так называемой черной сотни, во главе которой нередко выступали правительственные агенты и даже священники. При таких условиях военное положение и положение усиленной охраны, объявленные в главнейших центрах русской общественной жизни, не могут вести ни к чему иному, как к народному озлоблению. Мы требуем законного возмездия за каждое насилие против кого бы то ни было, в том числе и за насилия со стороны правительственной власти, а потому совещательна контора железозаводчиков просит ваше сиятельство исходатайствовать безот-я лагательно акт об отмене военного положения и положения об усиленной охране там, где они введены.

3. Глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Российской империи не перестанут существовать до тех пор, пока не будет прямо и искренно покинута система подпорок к заведомо негодным зданиям. Государственная Дума по закону 6 августа не удовлетворила русского народа. Неслыханная смута—лучшее тому доказательство. Совещательная контора железозаводчиков далеко не поклонница всеобщего избирательного права, в теории полагая, что участие в управлении страной должно быть предоставлено лишь лицам, обладающим цензом сознательного отношения к окружающей действительности. Для сего внешним признаком должна быть по

крайней мере простая грамотность. Однако, рабочее движение показало совещательной конторе железозаводчиков, что рабочий класс, проявивший с такой силой свое политическое сознание и свою партийную дисциплину, должен принять участие в народном самоуправлении так же, как не может быть лишен этого участия и весь интеллигентный класс населения Российской империи. Закон 6 августа предоставляет избирательные права крестьянину, живущему на земле, независимо от его ценза политической сознательности, крестьянину же, живущему в городе и доказавшему свою политическую сознательность, выборных прав не дано. Совещательная контора железозаводчиков убеждена, что в стране спокойствие не наступит до тех пор, пока весь народ не получит права избирать народных представителей. Участие всего народа в избрании народных представителей не должно быть результатом „меры возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока". Совещательная контора железозаводчиков просит ваше сиятельство исходатайствовать безотлагательно акт, возвещающий участие в первой Государственной Думе представителей всего народа, избранных всеобщим голосованием.

Ценя высоко государственную проницательность и зная необычайную работоспособность вашего сиятельства, совещательная контора железозаводчиков убеждена, что, при наличии действительной прямоты и искренности правительства, если таковая будет доказана немедленно на деле ваше сиятельство сумеете обеспечить стране прочный мир и длительное благоденствие.

„Право" № 48 — 49, 1905 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ [1]).

I. Общие статьи и отдельные монографии по теории массовой политической стачки [2]).

Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений, т. VI. Изд. 1922 г.

Все статьи за сентябрь — октябрь 1905 г., приложения, непосредственно занимающиеся октябрьской стачкой.

Н. Ленин. Детская болезнь „левизны" в коммунизме.
Изд. П. 1920 г. и др. издания, а также и в собр. соч., т. XVII.

Очень ценные замечания об октябрьской стачке в гл. III, IV и др.

Третий очередной съезд РСДРП 1905 года. Полный текст протоколов. Изд. М. 1924 г.

К октябрьской стачке имеют прямое отношение все доклады и речи по вопросу о вооруженном восстании.

Третий съезд партии. Изд. „Московский Рабочий" 1923. М.

В документах к октябрьской стачке имеет прямое отношение речь тов. Луначарского на III съезде по вопросу о вооруженном восстании.

Ленинизм в профессиональном и рабочем движении. Составил В. Деготь. Изд. ВЦСПС, М. 1925 г.

Интересна глава „III Конгресс Профинтерна" по вопросу о стачечной стратегии.

Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа. № 4, декабрь, 1905 г. М. Малых, 1905 г.

Оценка октябрьской стачки Г. В. Плехановым и выводы из нее в применении к последующим всеобщим стачкам.

Р. Люксембург. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. ПБ. 1919 г. Изд. Петрогр. Сов. Раб. и Красноармейских Депутатов.

Основная работа по теории массовой политической стачки.

К. Каутский. Очередные проблемы международного социализма (Сб. статей). Изд. „Коммунист", 1918 г.

Ценна для понимания октябрьской стачки статья „Политическая всеобщая стачка".

Мангеймский партейтаг германской социал-демократии. Вопрос о массовой стачке. Изд. „Интернационал". СПБ. 1907 г.

---

[1]) Легальные газеты и журналы, за небольшими исключениями, не указаны. Ссылок на архивные материалы тоже нет.

[2]) Расположены в порядке ценности для современного читателя.

В книжке доклады Бебеля, Ленина, предложения и речи Каутского, Давида, Р. Люксембург, Бэмельбурга и др. В конце резолюции о массовой стачке Мангеймского, Иенского партейтагов и Кельнского конгресса профсоюзов. (В Кельне ревизионисты провалили идею всеобщей стачки, как анархистскую).

Первый из социал-демократов, поставивший вопрос о массовой политической стачке с учетом опыта бельгийской всеобщей стачки 1893 г.

Всеобщая стачка и социализм. Выпуск II. Брошюра · съезд ПБ. 1906 г.

Статьи:

Лафарг.
Вальян.
Гед.
Дестре.
Вандервельде.

История всеобщих стачек во Франции и Бельгии, критика взглядов анархистов.

Троцкий. Вопросы гражданской войны. „Правда" от 6 IX — 1924 г.

Ценны замечания тов. Троцкого о Р. Люксембург и о переходе стачки в восстание. Отказ тов. Троцкого от позиций 1905 г.

Итоги и перспективы. Сб. ст., М. 1906 г.

Наиболее ценны статьи:

П. Луи. Всемирное значение русской революции.
Л — ч. Моменты контрреволюции.
З. Ленский. Формы пролетарской борьбы.

Проблемы стачечной стратегии. Доклады и речи на III конгрессе Профинтерна. Изд. Профинтерна, М. 1924 г.

К вопросу о стачечной стратегии. (Из опыта классовой борьбы). Сб. статей. Изд. Профинтерна М. 1924 г.

Д. Мануильский. Большевизация компартий. Изд. „Пролетарий" 1925 г.

Критика взглядов Р. Люксембург на массовую стачку.

II. Общие статьи и книжки по истории массовой политической стачки в октябре 1905 г. в России.

Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. Составил *В. Е. Варзар.* СПБ. 1908 г.

С. Г. Струмилин. Забастовки и революция. Ст. в „Материалах по статистике труда, вып. 8, изд. 1920 г. НКТ. Отдел статистики под редакцией С. Г. Струмилина.

К. Яковлева. Забастовочное движение в России. Ст. в „Материалах по статистике труда", вып. 8, изд. 1920 г. НКТ. Отдел статистики под редакцией С. Г. Струмилина.

К. Ф. Сидоров. Забастовочное движение в России. Издание „Красная Новь" М. 1923 г.

М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. III, вып. I. Изд. „Красная Новь" М. 1923 г.

Общественное движение в России в начале XX века. Сб. статей ПБ.

„Общ. Польза" 1910 — 12 г.г., т. I — IV.

Известный коллективный труд меньшевиков по революции 1905 г. Октябрьской стачке уделено внимание главным образом, во II томе в ст. Маевского и Кольцова.

Евг. Маевский. 1905 год. Очерк революционного движения. Издание отд. Скобелевского Комитета ПГР — М. 1917 г.

Типично меньшевистское освещение 1905 г. и октябрьской стачки.

„Право" — журнал, №№ 42, 45 — 46 и №№ 48 — 49, 1905 г. и приложения к ним.

В приложениях к указанным №№ собраны и хронологически подобраны вырезки из либеральных газет за октябрь 1905 года. Кроме того, в №№ „Право" с 30 и до конца помещались в хронике и официальном отделе различные приказы, правительственные распоряжения и прочие.

В. Обнинский. Полгода русской революции, вып. I. М. 1906 г.

Ценные указания фактического материала об октябрьской стачке по всей России, единственное собрание газетных телеграмм о вооруженных выступлениях, погромах и пр. в октябре 1905 г.

Рабочий Ежегодник. Год I. 1906 г. Изд. „Альманах".

Ценен календарь событий 1905 г., к сожалению, далеко не полный.

П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов. Изд. университета Свердлова М. 1925 г.

Интересны гл. I, II и III, особенно освещение руководства СРД октябрьской стачкой.

Революция и РКП (б) в материалах и документах. (Хрестоматия). Т. III, 1905 г. М. Ред. В. Невского. Год изд. неизвестен.

Раздел XI. Подготовка октябрьских дней — на материале меньшевиков и ст. Луначарского.

Раздел XII. Октябрьская политическая стачка: Троцкий и Ленин.

Раздел XIII. Сов. Раб. Депутатов. Матер. Невского, Сверчкова. Изд. Сов. раб. депутатов.

Гриневич. Профессиональное движение рабочих в России. Изд. Рио ВЦСЖ. М. 1922 г.

Очень важное указание на посещение депутатом московских типографов петербургских в октябре 1905 г., следствием чего явилась стачка солидарности петербургских типографов 3 — 6 октября 1905 г.

Д. Антошкин. Профессиональное движение в России. Изд. ВЦСПС 1925 г. М.

Несколько страниц посвящено стачечному движению 1905 г.

Протоколы первой областной конференции профсоюзов рабочих по обработке волокнистых веществ. М. 1907 г.

Без заглавия. № 1 — 1905 г.

Ст. *Сн. Прокопович.* „Октябрьская забастовка".

Пятый год. Сборник статей. Изд. Уралкнига 1925 г.

Перепечатки из Ленина, Покровского, Троцкого и др. в отдельно подобранных статьях.

Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. III.

Краткие замечания об октябрьской стачке.

Формы национального движения в современных государствах. Сб. статей под редакцией А. И. Кастелянского. СПБ. 1910 г. Изд. „Общ. Польза".

Интересны статьи Л. Штернберга и др. о национальном движении 1905 г. на окраинах России и связь движения с октябрьской стачкой.

III. Октябрьская стачка в Петербурге.

История Совета Рабочих Депутатов г. С. Петербурга. (Сб. статей). Изд. Глаголева год неизвестен.

Известия Совета Рабочих Депутатов г. СПБ. № 1—5. 1905 г.

Дают ценный материал о ходе петербургской стачки в октябре 1905 года.

Дело Совета Рабочих Депутатов. Стенографический отчет. Изд. Глаголева. СПБ. 1907.

Ценны отдельные замечания о характере октябрьской стачки в ПБ.

Б. Радин. Первый Совет рабочих депутатов 13 окт. — 3 декабря 1905 г. СПБ, 1906 г.

Описание интересных моментов октябрьской стачки 1905 г. в ПБ. Автор — большевик.

Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Сб. № 1 Ленинградский Истпарт Л. — М. 1925 г.

Наиболее существенны для октябрьской стачки воспоминания т. Б. Перес.

Д. Сверчков. На заре революции. Гиз, 1922 г.

Книга того же типа, как тов. Троцкого „1905 год" — об окт. стачке интересны отдельные замечания (ПБ).

Вл. Войтинский. Годы побед и поражений. Изд. Берлин, 1923 г.

Очень ценные сведения о настроении петербургского пролетариата в окт. стачку 1905 г.

Ю. Стеклов. Первое заседание Совета Рабочих Деп. в СПБ. „Календарь русской революции", ред. Бурцева.

Общие указания на условия возникновения Сов. Раб. Деп. и роль в этом октябрьской стачки в ПБ.

Ю. Стеклов. Совет Рабочих Депутатов в Петербурге. Сб. „Борцы за социализм". М. 1918 г.

Краткая характеристика роли Сов. Раб. Депутатов в октябр. стачку в СПБ.

Клейнборт Первый Совет Рабочих Депутатов. Изд. „Книга" 1917 г. Его же — Процесс Совета Рабочих Депутатов. Изд. Мир. СПБ. 1906 г.

Описание возникновения Сов. Раб. Деп. в дни окт. стачки в ПБ. Меньшевистское освещение.

Макс Гордон. Движение на Путиловском заводе в 1901 — 1917 г.г. — ст. „Труд в России" № 1 — 1924 г.

Ценные замечания об октябрьской стачке на Путиловском заводе.

Н. Баханан. Советы 1905 г. „Московский Рабочий" М. 1923 г.

Ценны только несколько замечаний об окт. стачке.

IV. Октябрьская стачка в Москве.

Пятый год. Сб. I, ред. С. Черномордика. Изд. „Московский Рабочий". М. 1925 г.

Много ценных воспоминаний участников окт. стачки в Москве.

„Правда“ — журнал. Москва. Сентябрь, октябрь и ноябрь за 1905 год.

Интересны по окт. стачке ст. Ленского „Московские дни“ и Ярцева „Красные дни“.

Путь к октябрю, вып. III. Моск. Истпарт. Изд. „Московский Раб“. 1923 г.

К октябрьской стачке имеют отношения воспоминания А. Шестакова, С. Черномордика и др. (Москва).

Путь к октябрю, вып. IV. Изд. Моск. Истпарта, М. „Московский Рабочий“ 1925 г.

Наиболее интересны для октябрьской стачки воспоминания Маслова, гл. образом по Коломне.

V. Октябрьская стачка в провинции.

Материалы по истории Екатеринославской с.-д. организации большевиков и рев. событий 1904 — 6 гг. Изд. Екат. Истпарта.

Наилучший сборник из истпартовских по 1905 г. вообще и по октябрьской стачке в частности.

Из прошлого. Ст. и воспоминания из истории Бак. организации и рабочего движения в Баку. Изд. Бакинского К-та Азербейджанской комм. партии. Изд. „Бакинский Рабочий“, Баку. 1923 г.

„Пролетарская революция“. Журнал истпарта № 9 — 1922 г., воспоминания Станчинского об одесской с.-д. военной организации.

№ 6 — 1922 г. Е. Ярославского — воспоминания об октябрьских днях в Ярославле.

К. Голубев. Подпольная работа в Баку. „Прол. рев.“ № 6 — 1922 г.

Краткие сведения об октябр. стачке в Баку.

„Сибирские вопросы“ № 20 — 28, 1907 г.

Ст. „Красные дни в Иркутске“.

„Пролетарская Революция“ № 4 (27) 1924 г. Воспоминания П. Лещинского по Ставрополю.

То же № 4 (16) 1923 г. Воспоминания С. Залкинд об Урале в 1905 г.

То же № 4 — 1922 г. Воспоминания Г. Котова о Н.-Новгороде в период 1905 года.

В. С. Смирнов. Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году. Изд. „Основа“ — 1924 г.

VI. Октябрьская стачка железнодорожников.

Бюллетени первого всероссийского делегатского съезда железнодорожных служащих. 1905 г. №№ 1 — 14.

В „Бюллетенях“ помещались полные протоколы съезда и имеется много ценных указаний на ход ж.-д. стачки в октябре 1905 г.

М. Б. Очерки по истории ж.-д. забастовки в России. 1907 г.

Транспортник. (История, быт, борьба). Изд. Мир. М. 1925 г.

В сборнике 2 статьи: М. Б. — В дни пятого года и М. Орехова — С. Ю. Витте и забастовка Петроградского узла в октябре 1905 г., посвященные октябрьской стачке.

VII. Правые и буржуазия в октябрьской стачке.

Граф С. Ю. Витте. Воспоминания т. I и II, изд. М. и П. 1923 г.
Об октябрьской стачке наиболее интересный материал во II т., в гл. XXXIV — „О манифесте 17 октября".

Аристарх Правдивый. Правда об октябрьских днях в Петербурге. Изд. не указано. Год также.
Черносотенная брошюрка об октябрьской стачке. В приложениях официальные документы и газетные вырезки.

А. И. Емишев. Октябрьское вооруженное восстание в Одессе. М. 1908 г.
Черносотенное изложение одесских событий в октябре 1905 г.
Написана с целью реабилитировать одесского градоначальника Нейдгардта. Дает ряд ценных замечаний по стачке и особенно по моменту перехода ее в восстание.

Материалы по истории русской контр-революции, т. I. Погромы по официальным документам.
СПБ. Изд. „Общ. Польза" 1908 г.

См. также в разделе VII кн. „*Декабрьское восстание в Москве 1905 г.*"

VIII. Мелкобуржуазные партии в октябрьскую стачку.

Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Сб. статей. Гиз. М. 1920 г.
Ценна по октяб. стачке ст. Черномордик (П. Ларионов) „Моск. К-т большевиков в Гос. Думе 15 окт. 1905 г." (из восп.).

Письма Аксельрода и Мартова. Изд. Берлин, т. I.
Оценка меньшевиками настроения пролетариата в октябре 1905 г.

Л. Троцкий. 1905 г. Изд. М. 1922 г.

См. также в разделе IX „*1905 г. в Петербурге*", листовки меньшевиков.

IX. Большевики в октябрьскую стачку 1905 г.

„*Вперед*" и „*Пролетарий*". Изд. истпарт при ЦКРКП. „Красная Новь". Изд. Гиз, 1925 г. вып. I — VI.
Ценны корреспонденции об окт. стачке, статьи Ленина и Луначарского (А. В. Луначарский излагал книгу Рол.-Гольст о всеобщей стачке с очень ценными комментариями большевистского характера).

Н. Ленин (В. И. Ульянов). Рабочее движение в России в эпоху первой революции. „Новая Москва", 1923 г.

РКП (б.) в резолюциях ее съездов и конференций 1898 — 1922 г.г. Изд. М.—П. 1923 г.

Резолюции III съезда РСДРП о вооруженном восстании и пр.

1905 г. в Петербурге. Изд. Л. и М. 1925 г. С.-д. листовки (б. и м.).

X. Разные по октябрьской стачке.

Законодательные акты переходного времени (1904 — 1906 г.) под ред. Н. И. Лазаревского. 1907 г. Изд. „Право".

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ГЛАВА I.
Народное хозяйство и рабочий вопрос в России в 1905 г. . . 5

ГЛАВА II.
Политическая обстановка перед Октябрем 1905 г. 14

ГЛАВА III.
Первый период стачки 25

ГЛАВА IV.
Железнодорожная октябрьская стачка 40

ГЛАВА V.
Стачка, превращенная во всеобщую политическую забастовку . 60

ГЛАВА VI.
Руководство всеобщей забастовкой 68

ГЛАВА VII.
От стачки к восстанию 82

ГЛАВА VIII.
Буржуазия и октябрьская стачка 129

ГЛАВА IX.
Роль черной сотни в октябрьской стачке 138

ГЛАВА X.
Ликвидация стачки 145

ГЛАВА XI.
Значение октябрьской стачки в революции 1905 г. 169

ГЛАВА XII.
Уроки октябрьской стачки 186

Приложения 195

Указатель литературы 237

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

ХАРЬКОВ, улица Свободной Академии, № 5.

ТОРГСЕКТОР ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ

на все учебники и литературу по всем отраслям знания всех издательств СССР, выполняя заказы с максимальной скоростью.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

политграмоты и учебные пособия для школ политграмоты нормального и сокращенного типов по программе ЦК РКП под редакцией агитпропа ЦК КПУ.

Фабзавкомам, ячейкам, сельбудам, хатам-читальням, рабочим и служащим при коллективной покупке максимальный

КРЕДИТ и СКИДКА.

С заказами обращаться в ТОРГСЕКТОР и отделения изд-ва

ПО АДРЕСАМ:

Торгсектор, Харьков, улица Свободной Академии 5, телефон 10-07. **Москва**, Кузнецкий мост 3/13, тел. 3-01-99 и 3-17-55. **Киев**, улица Ленина № 7. **Екатеринослав**, Проспект № 86. **Одесса**, пр. Лассаля № 11. **Артемовск**, пл. Свободы № 11. **Сталино**, Базар № 43. **Луганск**, улица Ленина № 51. **Ростов**, „Севкавкнига“. **Ленинград**, Ленинградское отделение РИО ВЦСПС.

Всегда все последние новинки книжного рынка

41
25
190
188-189